

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 10 МАРТ 1982

Встреча на аэродроме.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2851)

6 МАРТА 1982

1 марта в Москву с официальным визитом прибыла партийно-государственная делегация Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, Председателем Совета Министров ПНР Войцехом Ярузельским.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета В. Ярузельского, членов делегации тепло встречали товарищи Л. И. Брежнев, Н. А. Тихонов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, К. В. Русаков.

1 марта в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с прибывшей в Москву с партийно-государственным визитом польской делегацией во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским.

С советской стороны в переговорах приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

С польской стороны — председатель Исполнительного комитета Объединенной крестьянской партии, заместитель Председателя Совета Министров ПНР Р. Малиновский, председатель ЦК Демократической партии, заместитель Председателя Совета Министров ПНР Э. Ковальчик, член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП, министр иностранных дел ПНР Ю. Чирек, член Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП З. Месснер, кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, первый заместитель министра национальной обороны, начальник Генерального штаба Войска Польского Ф. Сивицкий, кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП М. Возняк, заместитель Председателя Совета Министров ПНР, председа-

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Фото А. Гостева

черкивалось, что Советский Союз и Польская Народная Республика будут и впредь отстаивать интересы социалистического содружества, вносить свой вклад в борьбу народов против империалистических угроз, давления и шантажа.

В тот же день в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским.

2 марта из Москвы на родину отбыла находившаяся в Советском Союзе с официальным визитом партийно-государственная делегация Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, Председателем Совета Министров ПНР Войцехом Ярузельским.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета В. Ярузельского, членов делегации тепло провожали товарищи Л. И. Брежнев, Н. А. Тихонов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, К. В. Русаков.

ЗИТОМ

тель экономического комитета Совета Министров Я. Ободовский, посол ПНР в СССР К. Ольшевский.

Стороны обстоятельно обсудили состояние и перспективы двусторонних советско-польских отношений, в основе которых лежат социалистический интернационализм, общность коренных интересов и целей, товарищеская солидарность и взаимопомощь. Они условились принять дальнейшие конкретные меры по расширению экономических, торговых и культурных связей между обеими странами.

Л. И. Брежнев и В. Ярузельский обсудили актуальные международные вопросы и выразили единодушное мнение, что в нынешней весьма серьезной международной обстановке как никогда требуются единство стран социалистического содружества, сплочение всех миролюбивых сил для преодоления конфронтации, обуздания гонки вооружений и отпора силам милитаризма и войны.

Переговоры проходили в сердечной, дружественной обстановке. Они продемонстрировали нерушимость братского союза, дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР 1 марта дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь партийно-государственной делегации ПНР во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев выступил на обеде с речью.

С ответной речью выступил В. Ярузельский.

2 марта в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским.

Основное внимание участники встречи уделили ключевым проблемам развития советско-польского сотрудничества.

Л. И. Брежнев и В. Ярузельский были едины в оценке состояния и перспектив развития международной обстановки. При этом под-

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Проводы на аэродроме.

Фото А. Гостева

При вручении награды.

Фото С. Гурария

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ Д. А. КУНАЕВУ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 25 февраля в Кремле орден Ленина и третью золотую медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаеву.

В зале находились товарищи М. С. Горбачев, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. В. Русаков, а также первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС К. М. Боголюбов, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, Г. Э. Цуканов, начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов.

Товарищ Л. И. Брежнев выступил при вручении награды.

Он, в частности, сказал:

Дорогие товарищи!

Сегодня у нас приятное событие: предстоит вручение ордена Ленина и третьей золотой медали «Серп и Молот» Димашу Ахмедовичу Кунаеву.

У Казахстана выдающиеся достижения в развитии народного хозяйства, науки, культуры. И я бы особо выделил устойчивый рост производства зерна. Вот уже четыре года подряд республика перевыполняет план, дает порядка миллиарда пудов хлеба, а то и больше. В эти достижения Димаш Ахмедович вложил много своего труда...

От души поздравляю тебя, Димаш Ахмедович, с высокой наградой Родины. Желаю тебе, моему доброму и давнему товарищу, крепкого здоровья, счастья, новых успехов в твоей большой и ответственной работе.

ЛЕТОПИСЦЫ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

V СЪЕЗД СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР

Обобщение опыта и анализ деятельности средств массовой информации и пропаганды за пять минувших лет, новые ответственные задачи, стоящие перед ними на современном этапе коммунистического строительства,— в центре внимания делегатов V съезда Союза журналистов СССР. Он открылся 2 марта в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

В президиуме — секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС К. М. Боголюбов, руководители средств массовой информации, союзов журналистов СССР и союзных республик, представители партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций.

Делегаты тепло приветствовали участвующих в работе съезда зарубежных гостей — представителей международной организации журналистов, руководителей журналистских организаций социалистических и развивающихся стран.

С отчетным докладом о работе Союза журналистов СССР и задачах советской журналистики в свете решений XXVI съезда КПСС выступил председатель правления союза В. Г. Афанасьев.

От имени участников съезда В. Г. Афанасьев заверил партию, что советские журналисты были, есть и всегда будут верны ленинскому партийному знамени, великому делу коммунизма. Этому делу они посвятят все способности и силы, знания и опыт.

Съезд заслушал отчет о работе центральной ревизионной комиссии Союза журналистов СССР.

Утвердив доклад мандатной комиссии, съезд под бурные аплодисменты принял решение вручить мандат № 1 почетному делегату съезда Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, члену Союза журналистов СССР, выдающемуся публицисту современности Л. И. Брежневу.

Фото А. Пахомова

С ответным словом выступил товарищ Д. А. Кунаев.

Партийные и государственные руководители сердечно поздравили товарища Д. А. Кунаева с вручением высокой награды Родины, пожелали ему доброго здоровья, дальнейшей плодотворной деятельности на благо советского народа, во имя построения коммунистического общества в нашей стране.

ДНИ МОСКВЫ В БУДАПЕШТЕ

С большим успехом в конце февраля в Будапеште прошли Дни Москвы. В них принимала участие делегация советской столицы во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным. Выступая на торжественном собрании, посвященном этому событию, товарищ В. В. Гришин передал коммунистам, всем трудящимся Будапешта приветствие от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

25 февраля делегация Москвы во главе с В. В. Гришиным была принята Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром.

В рамках Дней Москвы была открыта выставка «Москва — столица СССР». На открытии выставки присутствовали член Политбюро ЦК ВСРП, первый секретарь Будапештского горкома ВСРП Л. Мароти, секретарь ЦК ВСРП А. Денеш, делегация советской столицы во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным.

На снимке: во время осмотра выставки.

Телефото МТИ—ТАСС

ПУТЬ КОНФРОНТАЦИИ ИЛИ ПУТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА?

Глава советской делегации, заместитель министра иностранных дел СССР Л. Ф. ИЛЬИЧЕВ рассказывает корреспонденту АПН А. Чекуолису о ходе мадридской встречи.

Мировая общественность и в первую очередь народы Европы проявляют сейчас живейший интерес к работе мадридской встречи участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это совещание подтвердило полную несостоятельность и историческую обреченность политики «с позиции силы».

Хельсинкские договоренности — долговременная программа деятельности государств. Они призваны придать Европе новый облик, превратить ее в регион прочного мира, гарантированной безопасности и стабильного разностороннего сотрудничества. Их можно сравнить с хорошим волнорезом, который противостоит тому, что подмывает устои разрядки.

Мадридская встреча была созвана в целях продолжения процесса, начатого в Хельсинки. Вопросы, которые обсуждаются на ней, нацеливают представителей 35 государств на улучшение взаимоотношений, упрочение безопасности и развитие сотрудничества в Европе, на развитие процесса разрядки.

Как обстоят дела на мадридской встрече на данном этапе?

Еще в середине декабря, накануне новогоднего перерыва, многим делегациям, в том числе и нам, казалось, что позади километры пройденного пути и до финиша остались пусть нелегкие, но считанные метры. Что касается существа встречи, такая оценка сохраняется и на сегодняшний день. Перед всеми участниками лежит проект итогового документа, подготовленный группой нейтральных и неприсоединившихся стран. По признанию большинства делегаций, он является неплохой основой. Значительную часть этого документа составляют уже предварительно согласованные на встрече разделы и положения, относящиеся ко всем направлениям многостороннего сотрудничества между государствами. В нем содержатся и предлагаемые нейтральными и неприсоединившимися странами «развязки» спорных вопросов. С некоторыми формулировками мы не согласны. Но тридцать пять делегаций для того и приехали в испанскую столицу, чтобы решить, на мой взгляд, немногие остающиеся несогласованными вопросы.

Но для этого надо искать взаимоприемлемые решения. А вместо этого США и их партнеры по НАТО пытаются навязать полемику по вопросу, не имеющему никакого отношения к мадридской встрече. На сей раз для развязывания антисоциалистической кампании американская дипломатия использовала события в Польше. Воинствующие круги США, попирая элементарные нормы международного права, стремятся не только вмешиваться в сугубо внутренние дела Польской Народной Республики, но и делают все, чтобы превратить Польшу в постоянный очаг напряженности в Европе. Такие действия представляют собой попытки подрыва фундаментальных основ европейского сотрудничества и несовместимы с духом и буквой Устава ООН и Заключительного акта Хельсинки.

Не является секретом, что не всем по душе тот путь, который наметила для себя Европа в Заключительном акте. Он расходится с курсом на достижение военного превосходства с помощью беспрецедентного наращивания вооружений блока НАТО. Где уж тут заботиться об упрочении безопасности и развитии сотрудничества в Европе, если в иных глобальных расчетах ей отводится роль театра военных действий!

Едва ли нужно много говорить о том, что стремление некоторых государств помешать нормальному ходу мадридской встречи и организовать судилище над тем или иным государством ставит под угрозу весь механизм общеевропейского процесса, начатого в Хельсинки. Это опасный путь!

«Из опыта работы совещания,— говорил Л. И. Брежнев в своем выступлении в Хельсинки 31 июля 1975 года,— вытекают важные выводы и на будущее. Главный из них, и он выражен в Итоговом документе: никто не должен, опираясь на те или иные соображения внешнеполитического характера, пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать свои внутренние дела. Народ каждого государства, и только он, имеет суверенное право решать свои внутренние дела, устанавливать свои внутренние законы. Иной подход — это зыбкая и опасная почва для дела международного сотрудничества».

Мудрое предостережение! Особенно актуально звучат эти слова сегодня.

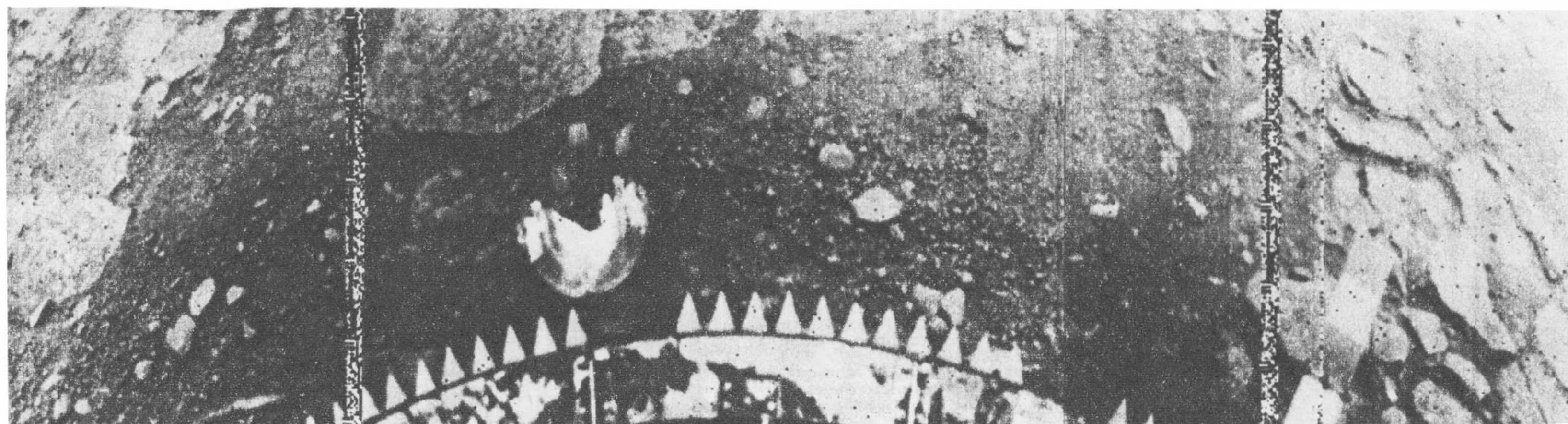
Еще никогда над разрядкой, ее будущим не нависала такая угроза, как сейчас. Превращение залов мадридского Дворца конгрессов в ристалище для турниров в духе «психологической войны», где оружием служат ложь и клевета, а объектом, против которого направляется это оружие,— суверенные государства, внутренняя и внешняя политика которых не по вкусу Соединенным Штатам, может нанести тяжелый удар по начатому в Хельсинки процессу. Именно поэтому советская делегация и делегации других социалистических стран прилагают все усилия, чтобы не допустить подобного развития событий. Если в результате стремления использовать мадридскую встречу в деструктивных целях, идущих вразрез с подлинными интересами европейских народов, нормальная работа форума будет заблокирована, то вся ответственность за это падет на тех, кто прибегает к подобным действиям.

Было бы хорошо, если бы на Западе наконец поняли, что мир и спокойствие в равной степени нужны всем государствам — участникам хельсинкского совещания. Советская делегация считает, что успешное завершение мадридской встречи принятием содержательного итогового документа, включающего решение о созыве конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе, имело бы важное значение для улучшения политического климата в Европе и в мире в целом. Советская делегация готова внести свой конструктивный вклад в совместные усилия, направленные на достижение этой цели.

АПН

Специально для «Огонька»

Мадрид.

Изображение поверхности планеты Венера на месте посадки спускаемого аппарата станции «Венера-13», полученное 1 марта 1982 года. Внизу в центре видны часть посадочного устройства спускаемого аппарата и сброшенная крышка иллюминатора телефотометра. (Изображение публикуется без предварительной обработки.)
Фотохроника ТАСС.

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ ВЕНЕРА

Всю зиму, даже больше — целых четыре месяца вели баллистики «Венеру-13» к планете. Ранним утром первого дня весны должна была состояться их встреча. Ученые-планетологи, инженеры, специалисты, журналисты съезжались в подмосковный Центр управления полетами. Выходили из машин и задирали головы, пытаясь отыскать на небе ту единственную, важную сейчас звездочку. Ранней весной с максимальной яркостью должна видеться она в созвездии Стрельца. Но весна пока только по календарю. Низкие облака, снег. Где уж там увидеть Венеру.

Вместо привычной карты мира с движущимся зайчиком околоземной станции «Салют» в главном зале Центра — карта Венеры, условная, конечно. Светятся точки. Раз, два, три... уже десять раз советские станции опускались на поверхность Венеры. В области Афродиты район Феба выделен на карте особо. Сюда должен прийти спускаемый аппарат «Венера-13».

Оператор на связи сообщает, что отделился первый парашют, развернут второй. Скорость в атмосфере гасится еще и аэродинамическим щитком. Час идет спускаемый аппарат через раскаленные плотные слои. Начинают работать приборы. Они «дышат» венерианским «воздухом», так непохожим на наш земной. На этот раз впервые в атмосфере Венеры обнаружен редкий изотоп инертного газа неона. Венера заговорила... Языком телеметрии она сообщает о наличии паров, освещенности, о нарастании температуры и давления.

7 часов 1 минута. Аппарат опустился на поверхность планеты в расчетном районе к востоку от района Феба. Температура в месте посадки 457 градусов по Цельсию, давление 89 атмосфер. Аппарат прочно сел на возвышенность порядка двух километров.

И буквально через секунду с двух боковых экранов в зал «вплывает» Венера. Это значит, что на спускаемом аппарате открылись оба его телеглаза. С одного телефотометра информацию принимает Уссурийская станция слежения, с другого — Евпаторийская. Картинка становится все более яркой. Сейчас на Венере полдень (венерианские сутки равны 118 земным), освещенность предельная, хотя по земным понятиям так бывает при облачности. Видны небольшие камни, лежит отстреленная крышка телефотометра. Может быть, из-за голубоватого тона экрана или еще из-за чего-то, но Венера кажется идиллически тихой, уютной, непохожей на каменную пустыню. Не верится, что там, как в печи, плавятся металлы, бушуют вулканы, гремят электрические разряды, а молнии сверкают при ясном небе.

Оператор сообщает, что пришел в действие автоматический бур. Глубина забора грунта 30 миллиметров,— кажется, немного, но этого достаточно для того, чтобы провести тонкий химический анализ.

— Забрать грунт для анализа — какая это была проблема! — рассказывает один из разработчиков станции и спускаемого аппарата Владимир Перминов.— Мы не знали, с каким грунтом встретимся на Венере. Когда на Земле что-то обрабатываем, то инструмент греется, и его необходимо охлаждать. А на Венере бурить базальт при пятистах градусах — разве это не проблема? Готовились к встрече с такой породой... Пока повезло — по первым данным предполагают, что грунт этого участка Венеры близок к вулканическому, пепел с мелкими камнями. Очень приятно, что сегодня мы можем сказать с уверенностью: грунтозаборное устройство действует нормально. Сказался результат большой наземной отработки.

Грунт переносится из венерианских критических условий в герметическую камеру научной лаборатории. Переносится по принципу пылесоса, если искать понятное сравнение. Вещество как бы передавливается из области большего давления в камеру с меньшим давлением. Здесь созданы и поддерживаются почти земные условия. Слишком дорогим было бы удовольствие доставить эту пробу грунта в земные институты, как, скажем, сделала это «Луна-16». Венера по своей массе почти такая же, как и Земля. Для того чтобы доставить оттуда груз, пусть даже небольшой, потребовалась бы такая же ракета, какой запускалась станция с Земли.

Давно уже прошло расчетное время работы телефотометров, однако сантиметр за сантиметром продолжает нарастать, расширяться картинка Венеры. Видимо, хорошо работает система защиты телефотометра от перегрева и атмосферного давления. Выставлена вперед только небольшая головка, как перископ. Вертикальный угол зрения 37 градусов, а по горизонтали охватывается 180 градусов.

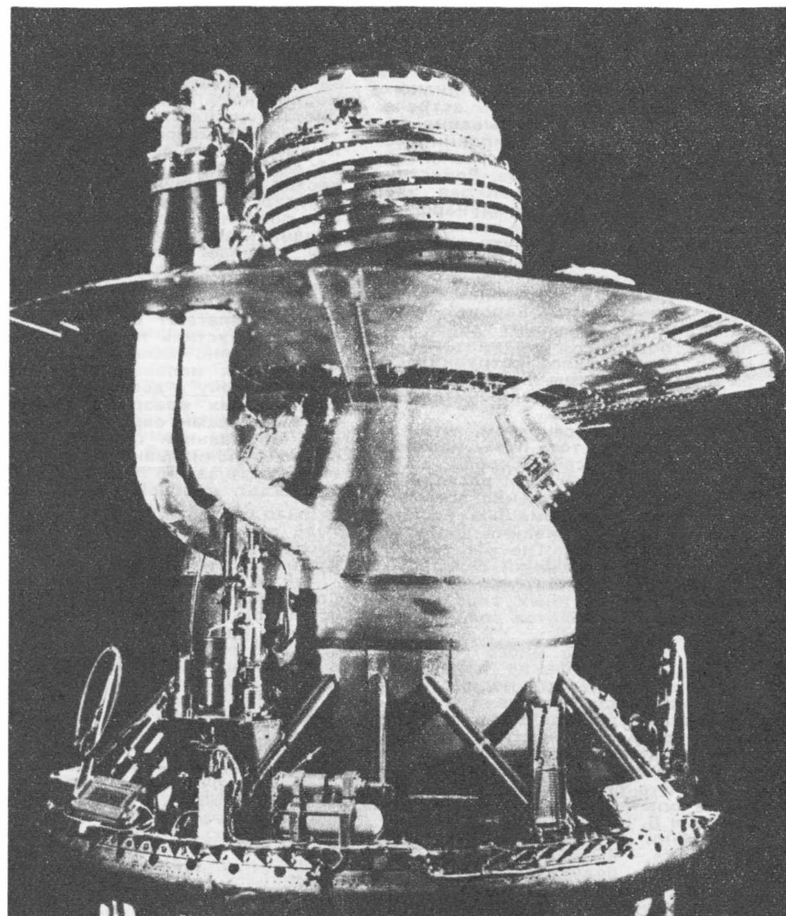
Стоя вглядываются в экран люди. Среди них есть и те, кто создал и вдохнул жизнь в это чудо, которое живет и работает сейчас за шестьдесят шесть миллионов километров отсюда. Лица у всех просветленные, словно это видение с Венеры стерло гнет усталости и сомнений. Наверняка сейчас каждому вспомнилось многое из тех трудных дней, когда готовился этот аппарат. Вот Леонид Ксанфомалити, доктор физико-математических наук, один из авторов «Грозы», прибора, который на предыдущей станции впервые зарегистрировал электрические разряды в венерианской атмосфере. Сегодня, кроме «Грозы», работает его сейсмограф, новый прибор, он должен определить, что это такое — «венеротрясения». Рассказывают, что когда прибор этот испытывали в пустом доме, он через десять этажей услышал легкие шаги.

Маргарита Константинова, кандидат технических наук, сегодня волновалась больше других. Ее коллегам и ей мы обязаны чудным видением Венеры.

Безмерно счастлив Владимир Перминов — все конструкторские решения коллектива оказались верными. Пока панорамы выглядят черно-белыми. Но съемка проводится с тремя разными фильтрами — красным, синим и зеленым. Синтезирование этих изображений позволит впервые получить цветные панорамы Венеры.

— Цвет поверхности нам уже более или менее известен по предыдущим фотографиям. Я думаю, панорамы будут красновато-желтоватые, а предметы будут иметь свои цветовые нюансы,— считает директор института космических исследований академик Р. Сагдеев.— Геологу такие цветные панорамы дадут очень много. А если к этому добавить конкретные количественные измерения в месте посадки, химический анализ грунта, тепловые и механические его свойства, то специалисты, занимающиеся планетами солнечной системы, смогут дать исчерпывающие описания структуры этого конкретного участка Венеры.

Два часа говорила и показывала Венера. Теперь надо понять ее, вглядеться в раскаленную эту планету. На это уйдут годы. А потом опять сомнения, поиски. И новый аппарат, с другими, новыми задачами, и опять его долгий путь во Вселенную. Человечество должно познать природу сестры нашей Земли, чтобы в конечном итоге понять Землю.

Р. КОРНАУШЕНКО

Подмосковный Центр управления.

МОСКВА

ГЕРОЮ РОССИИ

Мало кто из полководцев имел такую славу, как Александр Васильевич Суворов: победа над турецкими войсками при Рымнике, штурм Измаила, беспримерный переход через Альпы, ставший венцом деятельности генералиссимуса. А книгу Суворова «Наука побеждать» читают не только военные люди. Стала крылатой суворовская фраза: «Всякий воин должен понимать свой маневр»,— которая сегодня входит в наши воинские уставы, как положение о разумной инициативе. Не раз говорил он, что солдат ему дороже самого себя...

И вот в столице, на площади Коммуны — рядом с театром Советской Армии, Центральным Домом Советской Армии имени М. В. Фрунзе, музеем Вооруженных Сил СССР — открыт памятник Александру Васильевичу Суворову. Отлитая в бронзе фигура установлена на высоком гранитном постаменте. Легкий московский ветер, ветер ранней весны, обвевает легкую фигуру полководца. Высокий лоб, умные глаза, уверенный взгляд которых устремлен прямо на нас — его потомков,— этот образ дышит спокойствием и силой.

У памятника останавливаются люди, совсем юные и пожилые. Подходим к самому старшему, знакомимся: Иван Кузьмич Федоров, участник Великой Отечественной войны. Открытие памятника видел по телевизору, сюда приехал специально, чтоб в натуре посмотреть. «Суворов, как живой,— говорит Иван Кузьмич.— Талантливая скульптура».

Молодых военных на площади Коммуны особенно много, и они задерживаются у памятника тому, кто ни в одном сражении — а было их шестьдесят — не знал горечи поражения.

Авторы памятника: лауреаты Государственных премий СССР, скульптор, народный художник РСФСР О. Комов и заслуженный архитектор РСФСР В. Нестеров.

Л. КОРОБОВА

На снимке: Памятник А. В. Суворову в Москве.

Фото Г. Копосова

ЖИЗНЬ — ТЕАТРУ

ТБИЛИСИ

В канун 1982 года старейший в республике театр имени Руставели отметил свое столетие, а в Гланском районе Тбилиси народился новый театр. На фоне этих радостных событий особенно высветилась фигура человека, который стал живым свидетелем того, что происходило в театральной жизни города. Этот человек — рабочий сцены. Сейчас ему 92 года, он на пенсии, но сидит в маленькой комнатке за кулисами театра имени Руставели и хранит здесь своеобразный музей афиш, фотографий и прочих реликвий театра.

Леван Захарович Абуашвили пришел в театр восемьдесят лет назад. Его первыми учителями были бутафор Сандро Судаков и Иван Причковский, рабочий сцены. Они его обучили своему делу, а заодно и грамоте — по театральным афишам.

Говорят про актеров: жизнь, отданная театру. В равной степени это относится и к рабочему сцены, заслуженному работнику культуры Грузинской ССР Л. З. Абуашвили, человеку доброму и горячо любимому всем коллективом театра.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

На снимке: Леван Абуашвили среди актеров.

Фото Р. Рухкяна

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

ТРЕХСОТТЫСЯЧНЫЙ...

По установившейся традиции и этот автомобиль «КамАЗ», как и его предшественники, знаменовавшие высокие рубежи в жизни автогиганта, был торжественно красногрудым и краснобоким. На нем значилось: трехсоттысячный, выпущен к первой годовщине со времени работы XXVI съезда КПСС. Всего шесть лет назад в такие же февральские дни с первого конвейера сошла первая машина, первая колонна машин, собранных в честь XXV съезда партии. И вот сейчас — трехсоттысячный со второго конвейера!

Большой путь непрерывного роста и совершенствования преодолели за это время камазовцы. Ведь первые сто пятьдесят тысяч были сделаны за пять лет. В прошлом году собрали двести грузовиков сверх плана. На этот год принято обязательство дать пятьсот. Автомобилям модели 5320 и шасси самосвала 5511 присвоен государственный Знак качества. Напомним: сотни коллективов соревнуются здесь на приз журнала «Огонек» за лучшие показатели по качеству. Государственным Знаком качества аттестованы также два силовых агрегата. Достижения немалые для молодого многотысячного коллектива.

На днях министр автомобильной промышленности СССР В. Поляков вручил объединению переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ по итогам соревнования в первом году пятилетки.

Право участвовать в сборке юбилейного автомобиля завоевали 152 человека, удостоенные специальных дипломов и свидетельств. Лучших показателей достигли бригады Н. Мустафина с литейного завода, Н. Хлюпина — с кузнечного, И. Валлиулова — с прессово-рамного, А. Морозова — с завода двигателей. На автосборочном, как всегда, отличилась бригада Ш. Хуснутдинова, а также бригады И. Шматко, В. Красновского, Л. Даниловой.

С не меньшим энтузиазмом за право получить трехсоттысячную машину соревновались водители, съехавшиеся со всех концов страны в Набережные Челны. Счастливцем оказался Николай Коробов из Горького. Он из потомственной семьи водителей. Профессию отца унаследовали Николай и два его брата.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

ПАРКЕТ НА ДИВО

ДЖАЛАЛ-АБАД

Мебельная фабрика... В одном из цехов делают из ореха и красного дерева паркетные полы.

...К пилорамам поступают объемистые ореховые кряжи, их привозят из реликтовых ореховых лесов Южной Киргизии, со склонов Чаткальского и Ферганского хребтов. Кончив свой долгий век, дерево начинает вторую жизнь. После изготовления облицовочной фанеры и ряда изделий от кряжей остаются отходы. Еще не в столь отдаленные времена их сжигали в печах для выпечки лепешек. А то и попросту выбрасывали. Теперь из отходов делают маленькие, очень прочные дощечки для покрытия полов.

Перечисляя здания, получившие паркет из Джалал-Абада, директор фабрики А. И. Кулиш называет Киргизскую государственную филармонию во Фрунзе. После прохода шлифовальной машины и покрытия лаком ореховый паркет приобрел зеркальный блеск.

Возможности фабрики возросли за счет поставок из зарубежных стран, в частности паркетной фрезы из Вьетнама. У меня в руках дощечка красного цвета. Удивляет ее тяжесть: опущенная в воду, она быстро тонет. По прочности дощечка близка к металлу. Такова вьетнамская черновая заготовка паркета.

Джалал-абадские мебельщики выпускают несколько тысяч квадратных метров вьетнамского паркета в год. Он уложен, например, в Ошском областном драматическом театре, а также в новом аэропорту «Манас».

Л. ПАИН

На снимке: Паркетчица Дилбархон Османова.

Фото автора

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Б. СМИРНОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА

По улице, по скользкому тротуару спешит куда-то женщина. Полы пальто разметались, мелькнул белый халат...

— Доктор! Лидия Алексеевна, на минуточку!

— А я дольше и не смогу! Как живете, золотко?

Несколько слов, улыбки, смех, прощальный взмах руки — и снова торопливые шаги по скользкому тротуару... Может, «золотко» никогда и не узнает, что Лидия Алексеевна, прибежав в поликлинику, тут же записала в свою особую тетрадь: «Максимова Н. К. жалуется на головные боли, бессонницу — проверить возможность гипертонии». Кто такая Максимова? Обычный пациент, каких у Лидии Алексеевны Макаровой сотни. И короткая запись — это, конечно, еще не диагноз, это только зацепка для памяти, это один из знаков высокого профессионализма для тех, чья задача — следить за здоровьем живущих рядом людей.

Лидия Алексеевна — участковый врач московской районной поликлиники № 115. С таких, как она, для большинства из нас начинаются все контакты с медициной, начинаются — и, хочется думать, заканчиваются — все наши болезни и недомогания. Разговаривая с Макаровой, я почему-то все время вспоминал уездных и земских врачей из рассказов Чехова: та же самоотверженность, честность в работе и то же желание не только болезни лечить, а людей, видеть за каждым недугом живого человека. Времена изменились, изменилось, быть может, все, но сущность работы врача осталась неизменной.

— Я считаю,— сказала как-то Лидия Алексеевна,— что участковый врач в первую очередь должен быть чутким человеком. Конечно, важна и хорошая профессиональная подготовка и умение поддерживать контакты со всеми районными организациями, но главное — не жалеть себя, когда речь идет о здоровье людей. А иногда приходится даже... милиционером быть! Да, да, случается. Вот как-то в одном доме выскакивает ко мне на лестницу из квартиры женщина: «Лидия Алексеевна, сделай милость, зайди, поругай моего сына — опять домой под утро заявился, пьет, работу прогуливает...» Что делать, зашла. Вроде парень совсем мне незнакомый—не помню его в лицо. Но не отступать же! Строгости на себя напустила... Что говорила — уж не помню, может, представила себе в ту минуту, что на его месте оказался мой сын... И вдруг этот здоровенный, взрослый парень говорит мне: «Извините, я больше не буду». Как мальчик! И серьезно сказал, без издевки. Я уверена — если слова от сердца, они всегда к сердцу дойдут...

Всевозможных историй на тему о встречах с людьми у Макаровой множество. Конечно, в сложных для себя ситуациях — а что может быть хуже потери здоровья!—человек раскрывается, отбрасывает все напускное. И врач должен взять на себя тяжесть людских горестей, ободрить, вселить в больного уверенность в свои силы и веру в медицину. И здесь, кстати говоря, Лидия Алексеевна предъявила мне, как работнику печати, упрек: почему журналисты в последнее время слишком увлекаются критикой медицинских работников?

— Не думайте, что я не хочу видеть недостатки, выявлять их, конечно, надо. Но все, что связано с медициной, очень чутко отражается на психике больных. Ругают, например, в газете какого-то врача, и заслуженно ругают, но после этого больной входит ко мне на прием с этой газетой в руках и уже с порога смотрит на меня с опаской. Как его теперь лечить, как внушить ему уверенность, что мы вместе, рука об руку должны бороться с его болезнью? Конечно, только от нашего умения, от наших дел зависит наш авторитет, но поймите, после таких публикаций на сердце остается боль за нашу профессию... Я не говорю, что нас нужно только хвалить, просто в этих вопросах следует быть деликатнее!

Как оценить работу врача? Кто может с полным правом сказать— этот врач хороший, а к этому я не пойду?... Конечно, лучше всех это знают больные. Вот перед кабинетом Макаровой сидит мужчина — подчеркнуто спокоен, безучастен ко всему, лишь изредка иронично поглядывает на соседок, которые, не умолкая, делятся симптомами своих болезней и обсуждают лекарства. Старушка пенсионерка — она будет там, за дверью, ловить каждое слово врача, надеясь и веря в исцеление... Десятки человек войдут в кабинет в день приема, у каждого свой характер, свое настроение, свой, если хотите, взгляд на врача.

— Спокойная... Внимательная, всегда выслушает... Веселая, умеет настроение поднять!.. Нравится, что она во мне прежде всего человека видит... Я ей как врачу полностью доверяю...

Хорошие, в общем, слова, но все же что-то в этих отрывочных, походя высказанных мнениях не устраивало. Оно и понятно: только совсем никудышного врача больные будут ругать перед дверью его кабинета. А главные мнения, оказалось, надо искать совсем в иных пределах — на избирательных бюллетенях. Дело в том, что Лидия Алексеевна Макарова была избрана в Верховный Совет СССР, баллотировалась в своем районе, и вот буквально на десятках бюллетеней с фамилией Макаровой избиратели написали о ней разные благодарственные слова. Ведь достаточно было просто опустить бюллетень в урну— и так огромная честь!—а они еще что-то от себя написали. «Отдаю за нашего доктора Макарову свой голос, а если надо, могла бы отдать все»,— написал кто-то. Такими словами можно всю жизнь гордиться!

— Призвание? Вот уж не скажу, что с детства собиралась стать медиком! — смеется Лидия Алексеевна.— Литературу очень любила. Но доучиться мне в школе не пришлось. Сами понимаете — послевоенные годы, отца в сорок втором не стало, а семья у нас большая, маме одной трудно. Седьмой класс я окончила хорошо, но мама говорит: «Надо тебе, дочка, получать специальность». Я и сама это видела... Во дворе мы решили — пойдем всей компанией в педучилище. Но баллов мне не хватило, и я со всеми документами — в медицинское. Там готовили сестер по уходу за больными детьми. Вот уж увидела горе... И знаете, что для меня стало главным? Сознание, что я чем-то умею помочь человеку, что медицина может очень многое. Я и в себя, в свои силы поверила, понимаете ? И уже не могла не стать врачом...

Мне хотелось бы пересказать многое из того, что я узнал от Лидии Алексеевны,— это были не просто случаи из жизни, не только факты биографии. Я видел в них этапы нравственного становления врача... Училище она окончила с отличием, подала документы в 1-й Московский медицинский институт имени Сеченова, и на собеседовании ей предложили санитарно-гигиеническое отделение. «Нет, я должна идти на лечебное!» — твердо заявила абитуриентка. «Должна? Ну, раз должна, придется уступить!» — улыбнулся профессор. И она вышла из аудитории сама не своя — первый раз в жизни решилась возразить, да еще кому — профессору! Зато не изменила себе, своей цели... Или еще факт. Я спрашивал Лидию Алексеевну, трудно ли ей было в институте. «Не то слово!» — вздохнула она.— Особенно на первом курсе. Ночами за учебниками сидела. Все-таки семь классов... Но не могла представить, что приду на занятия неподготовленной. Во всем доме, на всей улице знали, что я учусь на медика, все так и говорили — на тебя, Редька, наша надежда! Так меня по фамилии прозвали, я тогда Рединой была... И я знала: умру, но не сдамся! Потом, конечно, легче стало...» После института она добилась распределения в свой район, на Хорошевку. Первые дни работы — первые проблемы: очереди у двери ее кабинета собирались огромные. А она просто не могла, не имела права отпустить больного, не выслушав его досконально, не разобравшись во всех симптомах. Время приема подходило к концу, и тогда она выбегала в коридор: «Товарищи, дорогие, вот вы, тетя Надя, и вы, Григорий Иванович, приходите завтра, ладно? Я всех обязательно приму! Вам в какое время удобнее?..» И никто не сердился. А она по ночам листала справочники, потому что опыт, по ее мнению, не наживное дело, а результат труда, долготерпения и честного отношения к работе.

...Участковый врач. Казалось бы, есть четко очерченный круг обязанностей, но часто дела, возникшие в этом кругу, расходятся за его пределы широкими волнами. Это у тех, кто не умеет работать «от сих до сих»... Домашний письменный стол у Лидии Алексеевны завален бумагами, папками, конвертами. Я уже знаю, что она избрана делегатом на XVII съезд профсоюзов, что ее депутатская обязанность — секретарь комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению Совета Союза Верховного Совета СССР, что она член горкома профсоюза медицинских работников, член горкома общества Красного Креста и Красного Полумесяца — и еще, и еще, и еще общественные дела... Но вот стопка конвертов с поздравлениями. Это тоже общественный долг?

— Как сказать,— улыбается Лидия Алексеевна, и мне кажется, что глаза ее озорно блеснули.— Это мы с медсестрой Лидией Павловной Кубасской поздравляем с праздником наших больных, ветеранов войны. Приятно такое получить, верно? А у нас, по секрету, еще и расчет: после такого поздравления они вспомнят про поликлинику и обязательно явятся на очередной осмотр — у нас весной плановая профилактика. Иначе многих не дозовешься, а так — пожалуйста! Нет, кроме шуток, к людям, особенно больным, нельзя подходить стандартно. Даже в мелочах...

Я взял одно из лежащих на столе поздравлений. Хорошие, простые слова. И в конце: «Побольше вам цветов и улыбок в этот весенний день!»

ЦВЕТЫ И У

Участковый врач московской поликлиники № 115 Л. А. Макарова.

ЛЫБКИ

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

В пятом классе она мечтала быть медицинской сестрой, в шестом — стюардессой. Через год решила, что ее призвание — дошкольная педагогика и по окончании восьмилетки поступила в педагогическое училище. Однако, проучившись два года и почувствовав, что ошиблась с выбором будущей профессии, оставила техникум. Сейчас Елена Ермакова — ведущий лаборант-сангигиенист в Московском производственном объединении по выпуску алмазного инструмента. Под ее непосредственным контролем находятся производственные стоки и степень освещенности рабочих мест на всем предприятии.

— Я никогда не думала, что эта, в общем-то, не очень сложная работа может так захватить меня,— говорит Лена.— Но когда я увидела, что своим трудом могу оказывать ощутимую помощь рабочим, занятым уникальным производством, поняла, что попала в точку с выбором профессии.

Каждое утро Елена Ермакова спешит в свою лабораторию.

— Не припомню случая, чтобы мне не хотелось идти на работу,— говорит Лена и поясняет: — А все потому, что меня очень тепло встретили в рабочем коллективе. Большую помощь оказала мне на первых порах технолог Вера Викторовна Куриленко — человек, влюбленный в свою профессию и отдающий ей все свои силы и знания. «Ведь мы не только стоим на страже здоровья человека, но и защищаем окружающую среду»,— повторяет нам, как заклинание, Вера Викторовна, и эти ее слова запоминаются, заставляют думать, на каком важном участке трудишься.

...Закончен рабочий день. Многолюдно в эту пору у заводской проходной. Вместе с подругой по работе Олей Морозовой Лене нравится не торопясь пройти по залитым солнцем улицам поселка, в стремительных ручейках увидеть легкие шаги долгожданной весны. Как и большинство ее сверстников, Лена любит мечтать. Она думает продолжить учебу по специальности, мечтает отправиться в дальнее путешествие по стране, чтобы как можно лучше увидеть красоту родной земли.

В. САДОВСКИЙ

пос. Томилино,
Московской области.

Земной наш поклон советским женщинам, проявившим поразительное мужество в суровую военную годину.

Л. И. БРЕЖНЕВ

В ТОТ ДЕНЬ

**А. ШАПОШНИКОВА,
член Комитета
советских женщин**

Все дальше и дальше уходят военные годы, все меньше остается живых свидетелей и участников войны, а память бережно хранит все, что пережито в это суровое, грозное время, время массового героизма советских людей, беспредельно преданных Родине, стойких, мужественных, верящих в коммунистические идеалы.

...Блокадный Ленинград. 8 марта 1942 года. День этот был воскресным. Позади — тяжелейшая зима, первая, самая страшная зима блокированного Ленинграда. Не было электричества, вышло из строя паровое отопление, не работали водопровод, канализация, остановились трамваи, троллейбусы, автобусы. Голод косил ленинградцев. Зимой выпало столько снега и стояли такие суровые морозы, что не хватало сил на расчистку площадей и улиц, расчищались только самые главные — ведущие к фронту — магистрали. Остальная часть города лежала в огромных сугробах.

За месяцы тяжелейшей блокадной зимы люди отвыкли от праздников. Тут не до праздников, когда город систематически бомбят, обстреливают дальнобойные орудия, заставляя все время быть начеку. Уходя из дома, прощались друг с другом, не будучи уверены, что вечером вернутся живыми. И среди тех, кто стойко нес боевую вахту на берегах Невы, сражался, выполнял заказы фронта, были и ленинградские женщины. Это они с первых дней войны стали к станкам вместо ушедших на фронт отцов, мужей и братьев. Это они рыли многокилометровые окопы. Это они были бойцами противоаварийных команд и противовоздушной обороны. Это они заготовляли дрова, торф, чистили свой город. Это они пришли в госпитали и медсанбаты — а их было более 150 в Ленинграде,— приютили беженцев из Пскова, Новгорода, Таллина и многих других городов и сел Северо-Запада страны, временно оккупированных врагом.

Когда зажатому в кольце блокады Ленинграду стало особенно тяжко, когда не по дням, а по часам росла смертность и надо было прийти на помощь заболевшим, ослабевшим ленинградцам, женщины горячо откликнулись на призыв А. А. Жданова организовать бытовые отряды. Первый такой отряд создал Приморский райком комсомола, который тогда возглавляла Маша Прохорова — так звали ее комсомольцы Ленинграда. Бойцы бытовых отрядов спасли сотни ленинградских детей, стариков, женщин.

И вот теперь, с наступлением весны, перед городскими организациями, перед всем населением встала сложнейшая задача — очистить Ленинград от снега, льда, грязи, накопившейся в пору блокадной зимы, спасти жителей от эпидемий и болезней. И сделать все это предстояло силами больных, истощенных, ослабевших ленинградцев.

Ленинградский областной и городской комитеты партии 3 марта 1942 года приняли постановление «О подготовке и проведении Международного коммунистического женского дня». В связи с праздником райкомы партии должны были организовать широкую массово-политическую работу, мобилизовать трудящихся женщин на еще большее укрепление связи с фронтом, на выполнение фронтовых заказов, на усиление помощи госпиталям, семьям красноармейцев, детским домам, на усиленную работу по проведению неотложных санитарных мероприятий в домах и на улицах города.

Женщины горячо поддержали этот призыв. Восьмого марта в городе состоялся первый общегородской воскресник по расчистке города от снега, грязи и мусора. В Куйбышевском, Смольнинском, Приморском и других районах на субботник вышли сотни женщин. Несмотря на то, что день выдался холодный, дул северный ветер, женщины с ломами, лопатами, метлами трудились поистине самоотверженно, скалывали лед, убирали мусор. Они были воодушевлены тем, что в борьбе с врагом город не только выстоял, перенес тяжелую блокадную зиму, что воины Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота перемололи десятки лучших гитлеровских дивизий. Женщины были благодарны партии и правительству за то, что бесперебойно работала ладожская Дорога жизни и в город доставлялось необходимое продовольствие. На помощь спешили люди не только из далекого советского тыла, но и ленинградские партизаны. Действуя в тылу у фашистов, на освобожденной от них территории, они собрали в подарок ленинградцам более трех с половиной тысяч пудов продовольствия и 127 тысяч рублей в фонд Красной Армии. В начале марта партизаны двинулись на 223 подводах по одним им известным лесным дорогам в сторону Ленинграда, куда благополучно прибыли в апреле.

К марту 1942 года продовольственное снабжение несколько улучшилось. С 11 февраля дети и иждивенцы вместо 125 граммов хлеба в день стали получать 300, а рабочие и инженерно-технические работники — по 500 граммов. Увеличилась и норма продажи крупы. К праздникам жители стали получать дополнительный паек — сушеные фрукты, овощи, кофе, какао, шоколад.

После воскресника состоялось собрание женского актива ленинградских домохозяйств, где было принято обращение ко всем женщинам города. Оно призывало их проявить особую настойчивость, энергию и инициативу в проведении намеченных исполкомом Ленгорсовета и горкомом партии неотложных мер по улучшению санитарно-бытовых условий города. «Мы призываем,— говорилось в обращении,— всех женщин Ленинграда активно участвовать в работах по очистке квартир, домов, лестниц, дворов и улиц от грязи, мусора и нечистот. Каждая женщина города Ленинграда должна всемерно развивать получившее широкое распространение прекрасное движение по оказанию товарищеской взаимопомощи больным и семьям фронтовиков». В ту тяжкую пору город был спасен от эпидемий и болезней, и в этом немалая заслуга ленинградских женщин.

На большинстве предприятий, в домохозяйствах были проведены митинги и собрания, где женщины брали на себя дополнительные обязательства по оказанию помощи фронту, по борьбе за чистоту города, уборке его улиц, площадей и домов. В районах прошли совещания актива женщин. На такое совещание в Приморском районе были приглашены и мы, комсомольские работники. После работы на воскреснике по уборке города мы отправились в клуб завода «Вулкан». Пока мы в своих солдатских шинелях добрались из воинской части до клуба — а путь был долгий,— изрядно замерзли. И хотя мы уже успели втянуться во фронтовую жизнь блокадного города, все же очень хотелось, чтобы в зале было тепло. Но, увы, это не всегда было осуществимо.

Отправляясь в путь-дорогу, мы не рассчитывали, что в клубе придется снимать шинели. Комсомольские работники фронта привыкли к тому, что на совещаниях никто не раздевался — совещания проводились очень оперативно. Вот и сюда я шла, предполагая, что получу очередное задание, и — «домой».

Однако, приблизившись к клубу завода «Вулкан», мы были приятно удивлены атмосферой праздничности. Подходы к клубу заботливо расчищены, над входом висело такое милое, уже полузабытое приветствие «Добро пожаловать!». В фойе много нарядных женщин, именно нарядных,— хорошо причесанных, в туфельках. Нас, представительниц Советской Армии, было немного, и мы сначала потерялись в толпе веселых женщин. Только бледность их лиц и необыкновенная худоба напоминали, какую тяжелую зиму они пережили. Мне тогда было не до веселья — только что потеряла

Ленинград в блокаде. На Невском проспекте. Фото Б. Лосина

Б. Кузнецов. Род. 1936. ОЖИДАНИЕ. 1981.

В. Габелия. Род. 1952. ПРОВОДЫ ПАСТУХА. 1981.

отца, не имела вестей о сестрах, единственном брате. Да и большинство женщин в зале пережили то же, что и я. И тем не менее праздник есть праздник. Женщинам было приятно, радостно, что и в эти тяжелые дни райком партии не забыл женский актив, собрал всех вместе, пригласил на торжественный вечер, им посвященный.

Здесь собрались передовые труженицы заводов, фабрик, домоуправлений, руководительницы предприятий, различных организаций, активистки противопожарной и противовоздушной обороны, учителя, работники здравоохранения, торговли, общественного питания, бойцы бытовых отрядов, представители воинских частей. И вот началось торжественное заседание. Его открыл первый секретарь райкома партии товарищ Харитонов, поздравивший женщин с праздником. Выступавшие говорили коротко, дельно. И каждое выступление заканчивалось клятвой верности советскому народу, Коммунистической партии, своему городу.

И вот сюрприз, которого никто из нас не ожидал. Когда из зрительного зала открылись двери в фойе, мы увидели столы, покрытые белыми скатертями, а на столах—винегрет, дымящийся картофель, студень, хлеб. У многих навернулись слезы на глазах. Представляете — город в блокаде, свирепствуют голод, холод, а тут такое угощение! Вначале все притихли, а потом дружно, весело, восторженно стали благодарить устроителей «пиршества». Не знаю, было ли оно результатом указания вышестоящих организаций или это инициатива райкома партии, но обед буквально ошеломил.

Сейчас, конечно, многим не понять этого. Подумаешь, лишний кусок хлеба, картошка, вкус которой ленинградцы забыли за блокадные месяцы, да еще настоящий студень. Это было так неожиданно, такое богатство, к тому же не надо отрезать талоны. А после обеда чай с конфетами. Настоящий чай с настоящими конфетами! Потом начались танцы, и с нами по очереди танцевал первый секретарь райкома партии. Пусть не удивит читателя мое умиление всем тем, чему я была свидетельницей сорок лет назад. Надо пережить все это, чтобы понять, чем был для нас тот день.

Еще почти два года Ленинград находился в блокаде, но я не помню другого такого праздника, как праздник в клубе завода «Вулкан». Прошло уже сорок лет, но и сегодня хочется вспомнить добрым словом устроителей этого праздника, сказать им спасибо.

Девятьсот дней и ночей ленинградцы героически отстаивали свой город. И мужчины и женщины. И, выступая с речью на торжественном заседании Ленинградского Совета депутатов трудящихся 27 января 1945 года в связи с вручением городу ордена Ленина за проявленные в годы Великой Отечественной войны стойкость и мужество, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин сказал: «Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины и женщины, старики и дети этого города,— это великое дело, дело Ленина, никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений».

На снимке: в первом ряду (слева направо) — Николай Егоров, Юлий Полунов, Маша Макарова, Владимир Ильин и Николай Бизин. Во втором ряду (слева направо) — зам. начальника политотдела Панфиловской дивизии Андрей Николаевич Деньков, начальник политотдела Петр Васильевич Логвиненко, его помощник по комсомольской работе Дмитрий Степанович Дмитриев и редактор дивизионной газеты «За Родину» Павел Николаевич Кузнецов. Снимок 1942 года.

Из архива курского музея «Юные защитники Родины».

ДОЧЬ ДИВИЗИИ

К. ХРОМОВА

Маша проснулась от страха. Дом вздрагивал, сотрясался: рядом била пушка. Маша подбежала к окну и не узнала родное село Покровское: дома, дороги, лес — все застлано густым дымом. А тут еще налетели фашистские самолеты — и дом загорелся... Так в жизнь тринадцатилетней девочки ворвалась война.

Маша выскочила на улицу и побежала куда глаза глядят. Бежала долго, пока не встретились солдаты с красными звездами на ушанках. Они не докучали расспросами, а прежде всего обогрели и накормили девочку. Когда привели к командиру, он только вздохнул:

— Куда же тебя девать?

— Дяденька, я от вас никуда не уйду. У вас тепло,— осмелела Маша.

Все рассмеялись, а командир задумался.

— Вот что, Маша.— Он поднялся.— Ты тут посиди, а я кое-куда наведаюсь.

Вернулся он, широко улыбаясь.

— Будешь нашей воспитанницей, Маруся Макарова. Я договорился с политотделом.

Так 27 октября 1941 года у подмосковной станции Чисмена Маша обрела дом и семью.

Этот эпизод из своей биографии Мария Ивановна рассказала мне несколько лет назад в деревне Нелидово, у братской могилы героев-панфиловцев. И вот я снова еду к дочери Панфиловской дивизии.

— Следующая остановка Дубосеково! — разносится по вагонам электрички.

Дубосеково... Всего-то маленький разъезд, а знают его во всем мире. Именно здесь, у высоты 251, 16 ноября 1941 года, защищая Москву, сражались 28 героев-панфиловцев. Они преградили путь пятидесяти фашистским танкам. Многих из героев Мария Ивановна хорошо знала. Поэтому многочисленные туристы, приезжающие к мемориалу, стараются повидаться с дочерью дивизии, услышать ее рассказ о тех грозных днях и о людях, чей подвиг вошел в историю.

Впрочем, Марии Ивановне есть что рассказать и о себе. Ведь, как и все панфиловцы, она воевала на переднем крае.

Однажды осколком снаряда перебило провод, связывающий штаб дивизии с одним из полков. Солдат, ушедший искать обрыв, не вернулся. Тогда пошла Маша.

— Мне предстояло спуститься в ложбину, подняться на холм и попасть в другую ложбину,— вспоминает Мария Ивановна.— В рост идти нельзя — стреляют. Рвутся снаряды. Ползаю по снегу, ищу второй конец провода. Нашла! Не успела срастить — ухнул снаряд. Падаю лицом в снег и чувствую, словно огнем обожгло. Очнулась — перебита кисть. Нащупала концы провода левой рукой, подтянула поближе и скрутила зубами. Связь была восстановлена.

Несколько дней Маша пробыла в медсанбате. Там-то и застала ее весть о награждении орденом Красной Звезды.

Медаль «За боевые заслуги» ей вручил сам командир дивизии И. В. Панфилов, причем вручил под артобстрелом.

А через несколько часов его не стало. Смерть настигла генерал-майора Панфилова в деревне Гусенево.

Отгремели оборонительные бои, и вскоре панфиловцы пошли вперед. В те дни у них появились новые воспитанники — сразу четыре сына дивизии: Николай Егоров, Юлий Полунов, Владимир Ильин и Николай Бизин. 15 января 1943 года все пятеро опубликовали в армейской дивизионной газете «За Родину» обращение к своим сверстникам о необходимости помогать фронту.

«Нас взяли на воспитание славные гвардейцы-панфиловцы,— писали ребята.— Вместе с ними в боях и походах мы отдаем все силы борьбе с немецкими фашистами. Мы многое повидали, хотя старшему из нас пятнадцать лет. Коля Егоров был в немецком плену. У Юлия Полунова фашисты сожгли дом и увели в рабство брата. Два года находится на фронте Маша Макарова, которая не раз под обстрелом врага перевязывала раны бойцам-гвардейцам. На ее глазах погиб генерал Панфилов, и Маша поклялась мстить гитлеровским разбойникам».

Мария Ивановна до сих пор бережно хранит фотографию, где бывший начальник политотдела дивизии Петр Васильевич Логвиненко запечатлен с четырьмя сыновьями и одной дочерью дивизии.

По моей просьбе снимок тех лет комментирует П. В. Логвиненко:

— Четыре мальчика и девочка рядом с моими помощниками оказались не случайно. Дети были вверены политотделу. Мы с них глаз не спускали. Маше посоветовали стать связисткой. В сорок третьем я получил новое назначение, и мы расстались. Зато теперь часто видимся. К сожалению, мне ничего не известно о судьбе четырех мальчишек. Живы? Но мы не теряем надежды — вдруг отзовутся?

В сорок четвертом Маша встретилась на фронте со своим отчимом (ее родной отец умер еще до войны), узнала о судьбе родственников. К тому времени вернулась из эвакуации мать. В письмах она умоляла Машу приехать домой. Но Маша решила воевать до Победы.

Праздник Победы застал ее в Прибалтике. В сорок пятом гвардии сержант Макарова демобилизовалась и, узнав о создании совхоза «Панфиловский», приехала сюда, в деревню Нелидово, твердо решив остаться здесь навсегда.

Встретили ее тепло, выделили квартиру в одном из первых благоустроенных домов, определили на работу в аптеку.

А потом она вдруг попросилась на ферму. И вскоре Маша доказала односельчанам: у нее получается ничуть не хуже, чем у самых опытных мастеров машинного доения, как теперь именуют доярок. Животные из ее группы всегда сытые, чистые, ухоженные.

Соседи оценили житейский опыт, мудрость и доброе сердце М. И. Макаровой. Чуть забрезжит свет, звонят: «Не обессудь, Ивановна, совет твой нужен». Любят Марию Ивановну в деревне. Седьмой год М. И. Макарова — бессменный партгрупорг, пропагандист и наставник молодежи.

— Мария Ивановна—настоящий коммунист,—подчеркнул управляющий Матренинским отделением совхоза Федор Александрович Белянин.— Молодым дояркам охотно помогает. Ее личные показатели — лучшие в совхозе.

...Из окон квартиры Марии Ивановны видны старые, осыпавшиеся окопы. До сих пор ей снятся ребята, оставшиеся на высоте 251...

Валерий **ПОВОЛЯЕВ**

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ОСТАНОВКА НА БОЛЬШОЙ

1

Лето в этом году выдалось в Прибалтике неважным. Было холодно, шли нудные, мелкие дожди, и люди почти не снимали с себя плащей. Ходил в плаще и Локтев. Был он высоким, видным мужиком с вьющимися, посоленными сединой волосами, крутоскулый, с крепким ртом, с печалью и насмешкой, как-то странно уживающимися в его глазах.

Отдыхающих в Юрмале было немного — ведь мало кому хочется коротать свой отпуск под дождем, поэтому те, кто раньше приезжал отдыхать в уютные юрмальские поселки Булдури, Дзинтари, Майори, Дубулты, укатили в этот раз на благодатный юг. Пустынный юрмальский берег с его белым и мелким, будто хорошо потолченный сахар, песком заливала темная вода Рижского залива, вытаскивала откуда-то из неведомых глубин маслянистые, цвета старой хвои водоросли, сбивала их в кучи. Водоросли эти не успевали убирать мусорные машины, и они закисали, сильно пахли йодом, рыбой и еще чем-то острым, неприятно резким.

Тихо и немного тоскливо было в этот год в Юрмале.

Локтев — в прошлом военный, на штурмовиках ИЛ-2 провел всю войну, как он сам говорит, «от корки до корки», имеет ордена... Летал он и после войны, да случилась авария, и пришлось ему покинуть небо, окончательно переселиться на землю. А небесная высь тянула, она навсегда приважила к себе Локтева, поэтому он решил не прерывать этих связей и, вспомнив, как до войны еще пацаном ходил в горы, вернулся к этому давнему увлечению, занялся альпинизмом. Облазил, одолевая вершины, Памир, Тянь-Шань, Саяны, Кавказ, несколько лет работал спасателем.

В этом году он тоже собрался отбыть в горы, да задержался дома. Имелись на то свои причины.

...Он шел по сосновой улочке, где в прогалах между мокрыми, тускло посвечивающими в дневной хмари стволами деревьев виднелись крашеные бока коттеджей, беседки с оцинкованными крышами, скамейки для любителей посудачить, из-за дождя сейчас пустующие. Под скамейками этими, под самыми перекладинами, угрюмо нахохлившись, сидели голуби-сизари. Локтев посмотрел на сизарей, потом оглянулся, поискал глазами — нет ли поблизости какой-нибудь лавчонки, где продавали бы булочки или пирожки, но лавчонок не было, и Локтев развел руки в стороны: извините, вашбродь, уважаемые сеньоры голуби, покормить вас даже нечем... Двинулся дальше, снова погружаясь в собственные мысли. Дождь всегда либо в сон вгоняет, либо понуждает думать о чем-нибудь печальном, вечном, спокойном, заставляет философствовать. Философствовать, вот-вот... Он усмехнулся про себя. Время ныне высокообразованное, дипломированное, так сказать. И хорошим образованием сегодня — не то, что в пору локтевской молодости,— уже никого не удивишь. В общем, стала философия общедоступным делом, таким, как грибная охота, коллекционирование марок, увлечение кавказской кухней.

Выйдя на главную улицу, Локтев увидел броские, недавно покрашенные свежим лаком будки междугородного телефона-автомата, пошарил в кармане, проверяя, есть ли у него пятнадцатикопеечные монеты. Монеты были, и он направился к будкам: надо было позвонить в Свердловск Паше Смеляку. В который уже раз он звонит Паше? В десятый, в двадцатый? Автомат был безотказным, сработал быстро, и в трубке раздались надрывные, отдающиеся болью в ухе гудки: один, другой, третий, седьмой, четырнадцатый... Локтев повесил трубку — Пашина квартира не отвечает, нету товарища Смеляка дома.

Выходя, заметил, что у будок стоят две девушки, одна — броская, хорошо сложенная, с длинными, тщательно расчесанными светлыми волосами, другая — чуть пониже и попроще, но тоже очень приметная. Скользнул по ним глазами: это что же, новые отдыхающие появились, искательницы курортного счастья в бессезонье? Если это так, то нет им смысла искать курортное счастье, а надо быстрее брать билеты и лететь на юг.

Захотелось есть, и Локтев решил зайти в ресторан. Ресторан, он как некая модель города, этакий отсвет, также был уныло-пустынным, сидели в нем лишь две сиротливые, тихие до робости пары, и все. Локтев выбрал место у окна, расположился поудобнее, закурил.

Был он человеком одиноким: жена у него умерла два года назад, простудившись во время самой обычной, до обидного рядовой прогулки по Рижскому взморью и заболев воспалением легких, поэтому Локтев, очутившись в грустном положении вдовца, дома готовил обеды редко, впрок продуктами почти не запасался, предпочитая питаться в кафе и ресторанах. Хотя сегодня в ресторан можно было и не ходить — дома имелась целая кастрюля хорошего маринованного шашлыка, который запросто можно зажарить на каминном огне.

Эх, Паша, Паша, товарищ Смеляк, почему же твой телефон не отвечает? В прошлом году, когда они были в горах и, взяв пик, спускались на ледник Бивачный, Паша сорвался с огромного подоблачного откоса и полетел вдоль обледенелой, полной каменных остьев и опасных уступов стенки вниз...

2

Несколько раз во сне Локтев видел, как это происходило, и просыпался с тревожно стучащим сердцем, с тяжелой, горячей болью, что липким, крапивно покалывающим комком застывала в груди чуть пониже сердца. И всякий раз переживал эту историю заново.

У альпинистов, говорят, подъем на вершину не самое трудное дело, самое трудное — это спуск, когда под ногами обламываются и уходят вниз, в головокружительную глубину, каменные сколы, рассыпается и уползает в бездну тяжелый, плотно спрессованный снег, крошится голубой лед и держаться бывает не на чем, абсолютно не на чем. И крюк, на котором можно зависнуть, также бывает вбить не во что...

Но все-таки люди ходят в горы. Ходят для того, чтобы очиститься от земной скверны, побыть наедине с небом и молчаливыми каменными верхушками, на которые нахлобучены ледяные чепчики, вглядеться в слепящую гладь прозрачного неба и в солнце, которое, несмотря на летние горные морозы, жарит с такой силой, что человек в несколько часов превращается в самое настоящее печеное яблоко.

В тот тяжелый день у Паши Смеляка — альпиниста хотя и толкового, но еще малоопытного, а потому и излишне смелого — вылетел из скальной породы крюк, на котором он висел, и Паша безмолвной черной птицей, раскрылатив руки, ушел со стенки вниз, на ледник. Высота — более ста семидесяти метров... Провожаемая горьким надрывным «а-а-ах!», фигурка Смеляка все уменьшалась и уменьшалась, делаясь в полете совсем крошечной, потом исчезла из глаз — видно, Паша зацепился за что-то и рухнул отвесно, скрытый идеально прямым, чуть выступающим из стенки каменным «пупырем».

Локтев навсегда запомнил выгоревшие от тоски и боли страшные глаза своих товарищей, облезшие, в заусенцах губы, на которых вспух один, всего лишь один вопрос: «Неужто Паша погиб?» А он, Паша Смеляк, должен был по всем, выражаясь сухим, казенным языком протокола, «обстоятельствам» погибнуть: все-таки высота, с которой он сорвался, огромная, смертельная... Это не каменный порожек лестницы, не пенек, с которого можно запросто спрыгнуть, а поднебесье, предбанник господа бога. Когда человек срывается с такой высоты, он не просто разбивается, его буквально разбрызгивает по камням, лишь мокрые пятна остаются.

Стояла тяжелая, взвинченная тишина, в которой было слышно, как пар вырывается из ртов и ноздрей и оседает вниз прозрачным позванивающим облаком,— пар на этой высоте стекленеет, становится хрустящим и звонким, как новогодний снег. Онемевший Локтев слышал еще, как в висках пулеметным грохотом отзывается бой сердца, будто по обшивке родного, до слез памятного с войны штурмовика ИЛ-2 хлещут дымные цветные струи вражеских очередей.

Все ощутили в этот миг, насколько тонка, непрочна ниточка, связывающая всех их с жизнью, и как просто, буквально в один присест, в один вздох можно ее оборвать.

Первым очнулся Локтев. Он отстегнулся от

связки и в одиночку ушел вниз, к Смеляку — он не верил, не верил, он никак не мог поверить в Пашину смерть. Несколько часов он работал, словно автомат, вырубая в стене порожки, куда можно было бы поставить ногу, вбивая в камень стальные крючья, окутываясь холодным своим дыханием, словно облаком. И все время ощущал тяжелый, вызывающий горький озноб стук пуль по живому телу самолета. Будто эти пули всаживались в него самого.

Уже в темноте, почти на ощупь, он спустился на косой, круто уходящий вниз снежник. Именно эта косина, отвесность снежного тела, в которое врезался Паша, и спасла его — Паша Смеляк был жив. Подползая к нему, Локтев услышал хриплое, перемешанное со стоном дыхание, пробормотал обрадованно:

— Ну, Пашок-запашок, в рубашке ты родился... Жив, старина, жи-ив.

Паша Смеляк уже вмерз в снег, тело его прочно окольцевала красная, пропитанная кровью наледь. В свете фонаря Локтев вырубил Пашу из наледи, оттащил в сторону, в безопасное место, начал рыть в снегу пещеру: предстояла трудная ночевка...

3

Неожиданно Локтев увидел, что в ресторанный зал вошли те самые девушки, на которых он обратил внимание, когда звонил Паше из телефонной будки. Без плащей девушки выглядели еще более красиво, более броско... У светловолосой было нежное, с довольно звонкими красками лицо с приметной родинкой на переносице, как у женщин жаркой Индии, твердый разрез рта, высокая шея, на которой полупритушенными угольками поблескивали янтарные бусинки ожерелья. Та, что вначале показалась Локтеву попроще, понеприметнее светловолосой, тоже преобразилась, когда сняла плащ: было в ней что-то такое, на что мужская половина человечества всегда обращает внимание. Под густой шапкой темных коротких волос дразняще сильно светом сияли синие глаза.

И хотя в ресторане были свободные столики, девушки неожиданно подошли к Локтеву — то ли им не хотелось оставаться одним, то ли им, как и Локтеву, нравилось место у окна.

— Простите, у вас не занято?— спросила светловолосая.

ЗЕМЛЕ

— Нет.

Когда девушки сели за стол, Локтев вдруг почувствовал, что спокойный климат одиночества, в котором он жил последние часы, рассыпается, еще чуть — и он, Локтев, превратится в жалкую оболочку резинового шарика, которому гвоздем проткнули нежный, тонкий бок. Локтеву показалось, что эти две девушки непременно сыграют какую-то роль в его жизни. Вот только какую? Но это, профессор, как говорится, уже второй вопрос. Он усмехнулся, вспомнив старый институтский анекдот. К профессору зоологии пришел сдавать экзамен один довольно шустрый студент. А у профессора день был напряженным, он устал, он уже столько наслушался различных ответов, что уже не было никаких сил выслушивать эти ответы дальше. Поэтому он и предложил студенту:

«Я задам вам только один вопрос. Если вы на него ответите, то незамедлительно получите пятерку, если же нет — двойку. Только один вопрос... Договорились?»

Студент согласно кивнул.

«Тогда скажите мне, дорогой друг, где впервые родился человек?»

«На Арбате»,— не задумываясь, ответил студент.

«Почему же именно на Арбате?»

«О-о, профессор, это уже второй вопрос»,— воскликнул находчивый студент, протягивая экзаменатору зачетку. Так и у Локтева: вопрос, какую роль сыграют эти две девушки в его жизни,— второй, налицо пока только факт, психологическое ощущение того, что эту роль они обязательно сыграют...

На улице по-прежнему моросил, то усиливаясь, то стихая, нудный, мелкий дождик, он никак не давал хотя бы немного просохнуть юрмальским улицам, асфальту, насквозь пропитанному сыростью, соснам, домам и беседкам, земле. От избытка влаги уже начала чернеть зелень на улицах, и от нее стало пахнуть прелью. Песчаные взлобки, бывшие когда-то, много веков назад, дюнами, размякли, еще чуть-чуть — и они поползут, обратятся в тесто, утратят прежнюю свою крутизну и печальную прелесть, лишат людей удовольствия глядеть на них, ступать по прохладной и вязкой песчаной золе босыми ногами («А это очень приятное занятие, превращающее взрослого в ребенка,— ходить босиком по земле»)... Единственная отрада — в эти нескончаемые дожди грибы прут из-под земли с небывалой силой: в самой Юрмале, в скверах этого ухоженного курортного городка, растут огромные и тугие, как репа, боровики, продирающиеся сквозь сосновый сор наверх, мясистые и крепкие, не поддающиеся червю шампиньоны, нежные моховики с мягкой губчатой изнанкой, и каждое утро жители прочесывают юрмальские скверы с ведрами в руках, собирая богатую добычу.

— Извините за нескромный вопрос,— вдруг услышал Локтев тихий, нежно-хрипловатый голос, всплыл из глуби собственных мыслей на поверхность,— о чем вы сейчас думаете? У вас такое лицо, что вы непременно должны думать о чем-то необычном. Трудном. Вы даже согнулись над столом. Будто на вас давят... м-м-м, как бы точнее выразиться... тяжелые вериги давят, обет какой-то. Может быть, даже прошлое... Правда?

Вопрос этот задала светловолосая. Локтев взглянул ей прямо в глаза, уловил насмешливость и одновременно интерес, неожиданно для себя подумал: девушка-то эта — настоящий божий подарок — в ней действительно было что-то дивное и в ту же пору незнакомое, нестандартное, привлекательное. И слово вон какое нестандартное, забытое применила — «вериги».

— Это была довольно странная дума,— несколько выспренно признался он, от простых слов его увели эти самые «вериги», поймал себя на выспренности, и ему стало смешно, хотя внешне это никак не выразилось.— О грибах я думал... И о дожде. У нас в Юрмале каждое утро жители с ведрами по парку ходят...— Спохватился: а вдруг они здешние и все это знают? Спросил:— Вы юрмальские?

— Нет,— качнула головой светловолосая,— мы из Риги.

— В любой дом в эти дни входи — жареными грибами пахнет, много их в нынешнем году. Хотя «много» — это понятие относительное. Смотря с чем сравнивать. Иногда «много» оказывается обычным «немного». Больше всего в своей жизни грибов я видел — вы даже представить себе не можете — на Севере, в командировке. Летал как-то туда,— он неожиданно увлекся, Локтев, седой человек, обладающий качествами мальчишки,— на две недели и угодил в самый разгар грибного сезона. Есть там один портовый городишко — Певек. Стоит он на берегу Чаунской губы, это самый конец Северного Ледовитого пути. Как-то в выходной день поехали мы на берег океана. Едем, смотрим и глазам своим не верим: по тундре, по самому берегу, ходят люди с ведрами и что-то рвут во мху. Я вначале подумал, что они собирают ягоды, а оказалось — ан, нет... Грибы. И что главное — грибы там, как на подбор, один к одному. Шляпы здоровые, словно подсолнухи, пятьшесть таких грибов — и ведро битком набито. Полным-полно. И ни одного червивого, потому что кругом лед, лед, лед. Разгребешь мох, а под корнями — голубая, твердая, как камень, земля, она насквозь проледенелая, буквально вся, до самой изнанки...

Он замолчал, но ненадолго, ибо вновь услышал нежно-хрипловатый голос светловолосой, продолжавшей говорить прежним «высоким штилем»:

— Это сага о грибах... Спасибо. А где же сага о дожде?

— Извините за воспоминания ветерана, увлекся.— Локтев снова посмотрел за окно, где тем временем дождевой морок сгустился, стало по-вечернему темно. Да, собственно, уже пора и темнеть, вечер ведь приближается.— Саги о дожде не будет, ибо дожди, ливни, всякая сезонная хмарь и слякоть мне, честно говоря, не по душе. Не привык.

Сейчас в нем говорил летчик — человек, всем существом своим, мозгом, телом, кровью не любящий непогоду.

— Привычки, собственно, как и характер, принято уважать,— с едва уловимой иронией произнесла светловолосая.— Это норма жизни, это так же сильно, как и собственное «я». И, сказывают, иногда это «я» даже с большой буквы бывает.

Говорила только светловолосая, ее подруга молчала — была более занята столом, чем разговором. А на столе уже появилось все необходимое для обеда: и балтийская лососина — слабосол, и угри, которые уцелели в ресторанном меню только благодаря плохой погоде, ибо будь погода, приемлемая для отдыха, угрей давно бы смолотили любители северного загара, и бульон с хрустящими, обсыпанными укропом сухариками появился, и коньяк, заказанный Локтевым.

— Если хотите послушать умные рассуждения о дожде и вообще о воде — поезжайте в Азию. Либо на Восток,— сказал Локтев,— там любят философствовать на эту тему — каждый раз прямо-таки в мир мудрых мыслей попадаешь. Ей-богу. А если говорить без всякой иронии о привычках, то я много раз замечал одну вещь: люди, живущие, например, в Азии, любят смотреть на воду, на бег реки, на игру фонтана, те же, кто живет в Европе, предпочитают воде огонь. Любят смотреть на огонь костра, на огонь камина или заката, на...

— Огонь пожара...

— Даже на огонь зажженной спички.

— Все очень просто: в Средней Азии, в той же Туркмении или в Узбекистане жара стоит несусветная, человек в сухой гриб превращается, вот его и тянет к воде,— прервала обстоятельное изучение обеденной сервировки синеглазая, стрельнула ультрамариновыми лучиками в Локтева,— в Европе же совсем напротив — холодно в нашей славной Европе. Поэтому невольно хочется погреться. Так, Сподра?

— Нет романтического запала в твоих словах, Тонечка,— сказала светловолосая,— ты все подвела под знаменатель обыденности. Погреться — этого мало... Огонь ведь не только возможность согреть озябшие руки или сварить, извини, суп, огонь — это бог, это нечто священное во все века, чему принято поклоняться. И вода... Вода — это тоже бог. А потом, почему люди любят смотреть с одинаковым интересом на огонь и воду? Потому что таков обычай — любить богов. Да потом глаза не устают, когда ты смотришь на воду, на огонь, даже более того — успокаиваются. И весь организм твой успокаивается, приходит в состояние... м-м-м... ну, некой мудрой отрешенности. Кроме того, движение огня, равно как и движение воды, рождает мысль. Ты вникни в суть, Тонечка,— человек в таких условиях думает. Ду-ума-ет.

Бытовая философия, усмехнулся про себя Локтев. Значит, светловолосую зовут Сподрой, а синеглазую — Тонечкой. Тоней. Когда возникла пауза, Локтев перевел разговор в другое русло.

— Вы латышка,— неожиданно утверждающе сказал он Сподре,— а вы,— он перевел взгляд на синеглазую,— русская. Правильно?

— Ошиблись.— В глазах у Сподры снова забегали насмешливые тени, и Локтев почувствовал себя неловко.— Русская — это я,— сказала Сподра,— а она,— показала взглядом на Тонечку,— латышка!

— Почему же у вас тогда имена, извините, наоборот? У латышки русское имя, а у русской — латышское?

— Папы и мамы наши такие — что хотели, то и делали.

— Ладно, не будем их осуждать,— махнул рукою Локтев.— Лучше приступим к обеду. Не то все остынет.

Он был раздосадован — не заметил, что Тонечка произнесла свои несколько фраз с довольно сильным акцентом, Сподра же говорит по-русски чисто, без примесей, будто живет не в Латвии, а в Москве. Попутал бес — имена сбили с толку. Чтобы как-то развеять досаду, чувство неуверенности, возникшее в нем после этой никчемной промашки, Локтев начал думать о горах и о небесной выси, об альппоходах бывших, которые сладко будоражат память, но удовлетворения уже не приносят, и тех, которые еще предстоит совершить, о Паше Смеляке, попавшем год назад в жестокий переплет...

— Вы опять углубились в себя,— заметила Сподра. Предложила:— Может, лучше выпьем?

Локтев молча кивнул.

4

Он действительно снова углубился в себя, нырнул в собственные мысли, как в некий подвал, где темно, не совсем уютно и не сразу разберешь, в каком углу находится дверь. Перед глазами забрезжил бледный морок снежника, скрюченное тело, впаянное в красную наледь, слабый лучик фонарика как напоминание о жизни, о Большой земле, о которой они всегда в походах много думают и говорят, о том, что где-то есть огромный мир с беззаботными, не знающими беды людьми, есть лето и тепло, зеленые листья деревьев, распаренный асфальт улиц и загорелые отдыхающие, оккупировавшие белый песок Рижского залива, разлегшиеся на черноморских и каспийских пляжах, на берегах больших и малых рек...

Хорошо, что у него с собой, кроме ледоруба, была тогда маленькая саперная лопатка, американская, привезенная еще с войны. Локтев, вернувшись с фронта, не раз удивлялся — откуда у него, летчика-штурмовика, взялась саперная лопатка? Он же в жизни не рыл окопов! Но лопатка у него все же оказалась. Была она на удивление легка, изящна и удобна в работе. В общем, Локтев ее сохранил. И, как выяснилось, не напрасно — позже, в альпинистских походах она не единожды здорово ему пригождалась. Этой лопаткой он вырыл в снежнике пещеру, втиснул туда Пашу, потом втиснулся сам — надо было коротать ночь.

Паше, который то приходил в сознание, то снова проваливался в жаркую болезненную темень, он дал три таблетки анальгина, а в обе ноги сделал укол — у Локтева с собой всегда имелась походная коробка со шприцем и лекарствами. Потом накрыл Пашу пуховкой— теплой горной курткой — и согревал всю ночь, чтобы Смеляк не замерз.

А мороз ночью вызвездился крутой, по-настоящему зимний — градусов около двадцати. И думалось Локтеву в эту ночь о теплом лете Большой земли, о тихих грибных дождях, о запахе хвои и дюн, о собственном вдовцовском жилье, которое он не очень-то ценил, находясь дома, и которое приобретало для него немалую значимость, когда он был в отъезде, об огне камина — а в его квартире был самый настоящий камин, не очень, правда, роскошный, без мраморной облицовки, без лепнин и замысловатого орнамента, украшающего чугунное ограждение, но все же это была не подделка, не электроэрзац какой-нибудь, а камин, в котором можно разжечь огонь, у которого можно посидеть, погреться, помыслить. И березовые мелко наколотые чурочки всегда имелись, и ольховые полешки — для особого, пряного лесного духа, которым отдает огонь, когда горит ольха,— все это было заранее заготовлено. Чтобы камин жил, чтобы в нем плескалось пламя — успокаивающее, наводящее на добрую тихую думу.

Он пытался бороться с собою, гнал прочь разные не к месту приходящие думы, совсем не мужские грезы, которые могли кончиться гибелью. Через час тяжело повалил снег — густой, крупный, стеклянистый, сокрывший все кругом, небо в овчинку обративший. Ох, как

не к месту был этот снег! Потом поднялся ветер и началась пурга, которая продолжалась почти трое суток. Пурга была глухой, в ней постоянно что-то происходило, жило, дышало, ворочалось, хлюпало, по-ведьмински хохотало гнусавым спекшимся голосом — в косматых снежных струях обитал какой-то злой горный дух, издевающийся над людьми. В этом хохоте хрипел-задыхался, с трудом удерживая в своих руках ниточку жизни, молодой свердловский инженер Павел Смеляк. Он страдал, обливался пóтом и лишь изредка приходил в себя, раскрывая мутные, одурманенные болью глаза.

Те, кто шел следом за Локтевым, зависли на стенке, выбрав для пургования более или менее удобные каменные пятачки и выступы, и сидела сейчас вся братва наверху, совсем недалеко от Локтева, пережидая непогоду. Кроме них, шедших сзади, помощь никто не окажет, поэтому надо было терпеть, тянуть крест до конца. Именно тянуть, ибо без подмоги, в одиночку Локтеву не дотащить Смеляка, не добраться до вертолетной площадки, откуда старые, потрепанные, но такие родные МИ-4 снимают всех альпинистов, увозят, а вернее, уносят, на Большую землю.

К концу второго дня Паша окончательно пришел в себя, разлепил черный, опаленный болью рот, осмысленно поглядел на Локтева:

— Г-где я?

Ну что ответить на этот вопрос, когда они находятся неизвестно где, между небом и землей, в самом пекле, где трещат снеговые охлесты, вдребезги бьются о землю, о лед и о камни, где воет, мечется из стороны в сторону ветер, ухает, хрипит злой дух. Он, дух этот, в морозном пекле, в хохоте и в гнусавых вскриках — как рыба в воде, он у себя дома и никакой ему музыки, кроме воя и вскриков, не надо. А человеку в этой «музыке» худо.

— Мы на снежнике, Паша,— пробив рукою лаз в снегу, плотно завалившем вход в пещеру, просипел Локтев, глянул в пробой: не стихает ли пурга? Пурга не стихала.— Вьюга поднялась, Паша. Ходу никакого пока не дает. Уляжется пурга — дальше двинем, на вертолетную площадку.

— Ч-что у м-меня с н-ногами? — Из черного Пашиного рта вырвался слабый бледный парок, зазвенел стеклом тонко и печально.— Н-не чувствую н-ног с-совсем.

— Покалечились малость лапы у тебя, Паша. Скрывать не буду.— Локтев никак не мог

справиться с собственным сипением — видно, застудил голос, глотку, бронхи, в легких что-то повизгивало ржаво, лопались пузыри: два дня сидения в морозном снегу даром никогда не проходят. Не справившись с окалиной, обсыпавшей горло, он постарался придать сипенью некую бодрость, уверенность в том, что все будет в порядке.— Но это дело, Паша, поправимое. Надо только до Большой земли докарабкаться, а там — медицина, лекарства, врачи. Врачи, брат, у меня знакомые есть такие, что... Если понадобится, они даже палец к носу прирастить могут. И так прочно — не оторвешь. Не то что конечности поправить. Вот, Паша, каких успехов медицина наша достигла.

Паша повозил головой по снегу — он, похоже, одолел боль и сейчас не ощущал не только ног, а и всего тела, вот ведь как. Эта пропажа боли обеспокоила Локтева, он приготовил было шприц для новых уколов, а потом подумал: надо ли?

— Я с большой в-высоты уп-пал? — спросил Паша.

— Нет,— решив не говорить правду, ответил Локтев,— метров пятнадцать там было, не более.

— П-по-моему, б-больше.

— Ну, Пашок-запашок, ты придира. Может быть, на пятьдесят сантиметров и больше было.

— Я б-буду ж-жить?

— Ты, Паша, брось эти штучки, «жить-не жить»,— жестко сказал Локтев, сощурив глаза в узкие твердые щелочки,— оставь их для героических рассказов своим домашним. Понял?

На это самое «понял?» Смеляк не ответил — он опять потерял сознание.

Пробитый глазок тем временем снова засыпало снегом — пурга и не думала стихать, более того — она, кажется, набирала еще бóльшую силу. На кадык кто-то начал давить пальцами, мять его — Локтева тошнило. Тошнота — это от голода. Ведь Локтев уходил вниз, к Паше, налегке, все продукты остались у ребят, в группе. Голод — это даже хуже, чем болезнь, ибо в горах человек без еды слабеет в несколько раз быстрее, чем внизу, на нормальной земле, а ослабевший, полудохлый человек — это обуза, если он оказывается среди других, а если он один, то иссасывающая боль, тяжесть борьбы с самим собою, с собственными мучениями, с осознанием того, что слабаком, рохлей оказался, что скоро сердце ударит в последний раз и стихнет...

Вдобавок ко всему зверски хотелось спать, и Локтев из последних своих сил боролся со сном, залезал пальцами под рукав, захватывал кожу и с силой крутил ее, оставляя черные, лишенные боли пятна. И все равно блазнился перед глазами юрмальский сухой сосняк, сквозь который проглядывала блеклая, будто выгоревшая на солнце полоска залива, сахарный, плотно утоптанный босыми ногами песок и люди, люди, люди — много людей. На горизонте, бросив якоря, зависли непонятно где — то ли в воздухе, то ли в воде — два траулера, вернувшиеся с салачного промысла. И еще усыпляюще сильно пахло пряным, немного прогорклым и оттого очень вкусным ольховым дымом, едва уловимым духом жилья, ароматом пламени, лижущего закопченные, с наростами сажи стенки камина... Непонятно было — сон это или одурь?

Он крепко ухватил пальцами кожу на шее, оттянул, почувствовал свежую, не усыпленную щипками боль, встрепенулся, незряче посмотрел на пальцы, потом все-таки немного прозрел и с каким-то посторонним равнодушием отметил, что пальцы испачканы кровью...

На третьи сутки пурга начала сдавать, космы снега разредились, сквозь пробой, сделанный в снежной стенке пещеры, Локтев увидел идущих людей, и оттого, что это было спасение, конец муке, голоду, всему худому, в крепком локтевском организме неожиданно лопнула какая-то жила, ему сделалось душно, он начал проваливаться в глубокую темную яму, но, прежде чем окончательно провалиться, успел высунуть в пробой руку и закричать сипло, что было мочи:

— Э-эх-хе-е!..

На этот крик к нему и побежали люди.

Окончание следует.

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ТИХОНОВА

Перелистывая журнал «Новый Леф» за 1927 год, я встретила любопытную статью, подписанную инициалами Н. А. (Николай Асеев). Она написана в форме письма, адресат которого указан в заголовке: «И. Поступальскому. Москва»: «Когда мне передали ваши стихи, т. Поступальский, я, матерый читатель стихов, был введен ими в заблуждение. Я был твердо уверен, что это стихи Николая Тихонова, и что кто-то за чужой фамилией пытается выдать их за свои. Позже я узнал, что фамилия ваша подлинная, и стихи принадлежат вам».

Асеев пишет далее, что сам Тихонов «проходил» по пути преодоления сильнейшего влияния двух импонирующих ему мастеров — В. Хлебникова и Б. Пастернака» и делает вывод, что над стихом Поступальского «тяготеет двойной или даже тройной груз поэтических напластований», несмотря на это рассматриваемые стихи «очень высоки по качеству и свидетельствуют о серьезной, упорной и целесообразной работе настоящего поэта».

Статья Асеева привела меня к И. С. Поступальскому. В его большом домашнем архиве и библиотеке находятся интересные документы о тех годах, когда происходило становление советской литературы. Познакомил меня Игорь Стефанович и со своими воспоминаниями, в которых немало страниц отведено Н. С. Тихонову. Материалы эти ранее никогда не публиковались.

С Тихоновым Поступальский встретился на Ленинградских Государственных курсах техники речи зимой 1925—1926 годов. Автор «Орды» и «Браги» вел на этих курсах поэтический семинар. Он обратил внимание на стихи тогда только-только начинающего восемнадцатилетнего литератора.

Чтобы помочь ему перейти с курсов в Московский университет, Н. С. Тихонов написал такое письмо А. В. Луначарскому:

«Знаю И. С. Поступальского по практическим занятиям на Государственных курсах техники речи в 1925—1926 гг. и по его стихам.

Поступальский хорошо знаком с теорией литературы, с современными и классическими писателями. Отношение к литературному материалу у него самое сознательное; пройдя в недалеком прошлом через школу Брюсова и акмеизма, овладев культурой стиха, он в настоящее время пишет много опытных стихотворений, очень молодых и, вместе с тем обнаруживающих современный подход к слову.

Думаю, что дальнейшее изучение жизни современных литературных групп и Университетская учеба помогут ему окончательно определиться и определить характер своей литературной работы.

1.VII.1926.

Н. Тихонов».

Поступальский интересно вспоминает о занятиях в тихоновском семинаре. Обычно студийцы читали свои стихи, Тихонов судил строго, но благожелательно, очень часто с мягким юмором. Он был всегда «начинен» новыми книгами, много с упоением читал, всегда радовался возникшим поэтическим спорам.

В дальнейшем Игорь Поступальский стал профессиональным литератором — поэтом, переводчиком, и на протяжении многих лет он ощущал заботливое внимание к своему труду и писательской судьбе со стороны Николая Семеновича Тихонова. Когда писатели жили в разных городах, они довольно часто переписывались. Игорь Стефанович бережно хранит письма и записки Тихонова. На книжных полках его богатейшей библиотеки стоят книги Тихонова с теплыми дарственными надписями.

В первые послевоенные годы Тихонов много работал над переводами грузинских поэтов, деятельно способствуя укреплению русско-грузинских литературных связей. К переводам стихов Сандро Шаншиашвили он привлек Поступальского. В связи с этим сохранились документы, характеризующие точность и скрупулезность известного поэта, его высоко профессиональное, серьезное отношение к труду собрата-переводчика: «Игорь Стефанович. Я забыл записать, к какому стихотворению Шаншиашвили Вам нужна транскрипция и порядок рифм. Позвоните мне, и я сейчас же вышлю это. Привет Н. Тихонов. 26.VIII.47». Буквально через день он высылает необходимую информацию: «Уважаемый Игорь Стефанович. Посылаю Вам транскрипцию стихов Шаншиашвили... Я проверил: строфы имеют одинаковую, повторяющуюся ритмику. Рифмы, как в первой строфе. Желаю успеха. Н. Тихонов».

Позже Н. С. Тихонов проявил большое внимание к работе И. Поступальского и над переводом романа Ярослава Ивашкевича «Красные щиты». Он стремился помочь в реализации сложного замысла и, внимательно прочитав несколько глав переведенного романа, писал:

«Дорогой Игорь Стефанович!

Я, к сожалению, был перегружен делами, одно другого срочнее и важнее и по Союзу Писателей и по Комитету Ленинских премий, и по Комитету защиты мира, что за всеми Пленумами, Съездом РСФСР, Конференцией сторонников мира и т. д. совершенно был лишен возможности ответить Вам вовремя по поводу отрывка из романа Ивашкевича...

Роман, по-видимому, интересен, но решить, какое место из него можно печатать в «Огоньке», можно только при личной встрече.

Будет ли это «Взятие Аскалона» или какой-другой эпизод — это выяснится при разговоре.

Сам эпизод интересен и подробности боя и техники того времени — любопытны. Что касается содержания, то из такого малого эпизода трудно, конечно, судить о характерах действующих лиц.

Желаю успеха и всяческого благополучия. Я буду до начала июля в Переделкине или в городе, а потом уеду на Всемирный конгресс.

Посылаю Вам рукопись — она Вам нужна.

Сердечно

Николай Тихонов».

Заинтересовавшись романом Ивашкевича, Тихонов познакомил с переводом некоторых других писателей, в частности К. Федина, который писал переводчику:

«10 декабря 1965
Переделкино

Глубокоуважаемый Игорь Стефанович!

Разумеется, мне было бы легче дать отзыв, если бы я мог сопоставить Ваш перевод с текстом оригинала, а то я сразу почувствовал себя в положении Вен. Каверина, оговорившегося, что по незнанию польского — не может судить о русском.

Отрывки, которые я прочитал, по-моему, заслуживают одобрения взыскательного ценителя переводной прозы. Появление перевода, сделанного на таком уровне, достойно представило бы русскому читателю Ярослава Ивашкевича — отличного мастера, едва ли не самого популярного писателя в нынешней Польше. Предмет же исторического повествования «Красных щитов» — феодальных времен, столкновение Европы рыцарей с миром мусульманского Востока — этот предмет найдет интерес у наших читателей — несомненно.

К обычной моей перегруженности многовидными бумажными делами прибавилась нынешний год болезнь, так что я уже почти совсем не справляюсь с корреспонденцией. Потому прошу Вас меня извинить, а на моих... домашних и секретаря понапрасну не сетовать, что задержали возврат рукописи.

Посылаю Вам ее в целости и невредимости.

Уважающий Вас Конст. Федин».

...Книги с автографами, письма, записи на пожелтевшей от времени бумаге. Читаем их, и приоткрываются перед нами какие-то новые черточки в характерах известных писателей, понятнее становится их образ.

Т. ОСТРОВСКАЯ-ОРДУХАНЯН

ЭТО НАЧАЛ

Огдо АКСЕНОВА

ТАЛЫЕ ВОДЫ

Приезжайте к нам в тундру
попробовать талой воды.
Вы такой не найдете нигде.
От нее оживают цветы.
Старики говорят —
от нее молодеет любой.
Приезжайте скорее
омыться волшебной водой.
Птицы в тундру летят
из богатых заморских краев,
у студеных потоков линяют
и нянчат птенцов.
Будто талые воды
укрепляют перо,—
старики говорят.
Потому-то на север
заморские птицы летят.

ДРЕВНИЙ ОБЫЧАЙ

Хочешь охотником быть,
мой сын?
С детства запомни
обычай мужчин.
Он до тебя
установлен веками.
Первой удачей
со стариками
беспрекословно делись,
не жалей,
первой удачей, добычей своей.
Гостю отдай, не жалея, вторую.
Истину с детства запомни
простую:
сколько отдашь
старикам и друзьям,
столько добудешь охотою сам.

Перевел с долганского
Александр ЗОРИН.

г. Дудинка.

Татьяна СМЕРТИНА

ТОПОР

Упала осина,
И лист притих.
Погибла, невинна,
От рук моих.
Весел топор,
Под ноги свалился,
Кусач был и зол,
Да вот удивился:
«Что ты, хозяйка!
Ужели не жалко?»
Кол вытешу ровно,
Счищу любовно.
Кол-то под стог,
Стог съедет на бок.
Стог упадет —
Сено сгниет.
Сено сгниет —
Телка падет.
Ох, не прервись,
В хлопотах жизнь!
Так что, топор,
Зря не гневись,
И в медосбор
Ржаветь не вались.
Я уж тебя
Поточу, поскребу,
Будешь сиять,
Вдетый в скобу.
Ты ли дружил
Со мной горячо?
Остро кружил
Над белым плечом,
Жарко сверкал
Над моею косой,
Тяжко лежал
Под пяткой босой.
Вскинься подмогой,
Звонко взгуди,
У нас еще много
Дел впереди.
Будем опять
Поленницы высить,
Сладко взлетать
К огненной выси!

* * *

Васильковая, синяя гарь!
Ничего не хочу я боле.
Пусть уводит в звенящую даль
Это теплое поле.
Там в овраг ускользает ручей
Сквозь ивняк и яснотки россыпь,
Да хранит развалившийся пень
Черпачок из бересты.
Я из местных, я знаю здесь все —
Кто тут бродит? С какою целью?
И когда половодье снесло
Этот мост из деревьев.
И что здесь, когда в полную цветь
Вызревали мои покосы,
Запрокинул в черничник медведь
Одинокого лося.
По тропе, по душице лесной
Подымусь из сырой низины,
И отведаю всласть под сосной
Темно-спелой малины...

пос. Воровского,
Московской обл.

Софья ПОЧАКОВСКАЯ

* * *

Это начало чего-то,
Может, начало весны.
Белое облако смотрит
Из голубой стороны.
Это начало рассвета,
Это начало чудес.
Что ж не дает мне ответа
В белом сиянии лес?
Только забавно мерцая,
Словно ночник над рекой,
Тихо луна мне качает
Круглой своей головой.
Влаги напейся и света,
Пой, веселись и пляши!
Поле в зеленых рассветах
Встретить скорее спеши.

* * *

Свирепо мечется пороша,
И астры гибнут на снегу,
Но голубой цветок, весь в росах,
От стужи в сердце берегу.

* * *

Давай пойдем друг другу
навстречу,
Забудем обиды: и я и ты,
Смотри, от обиды согнулся вечер,
Покрылись обидой твои черты,
Обиды, обиды, обиды, обиды,
От вьюги обидной дороги не
видно,
Давай мы протянем ладони друг
другу,
Пусть вьюга утихнет, обидная
вьюга!

* * *

На море волнам бушевать
Попробуй запретить.
Попробуй сердцу приказать
Не биться, не любить.
Прилив волны, отлив волны
Прозрачно-голубой,
Прилив слезы, отлив слезы,
И словно день не твой.

Галина БЕЛОВА

* * *

В моем окне — последний отсвет
лета.
А на столе забытыми лежат
Пожухшие от времени, от света
Семь фотографий. Семь
фамильных дат.
Я всматриваюсь в первую
с надеждой,
Что промелькнет улыбкой
на губах
Уверенность моя, той крохи
прежней,
Что мне неведомы ни боль,
ни страх.
А вот иная — озорной подросток,
Сады чужие бравшая в полон.
Ах, этот неуемный перекресток—
Еще не жизнь, но и уже не сон!
Еще одна. Лукав и весел взгляд,
И ветер треплет волосы,
как знамя...
Теперь не вспомнить,
сколько лет назад
Такой счастливой я бежала
к маме.
Еще, еще... И складочка у губ.
Еще одна — и горький крик
навстречу.
Застывший миг безжалостен
и груб,
Как грохот взрыва в тихий
летний вечер.
С седьмой глядят куда-то
в глубь мою
Глаза судьбы доверчиво
и строго,
Как будто перед долгою
дорогой
Я молча у околицы стою.

* * *

Накину куртку и сойду с крыльца,
Подошвой ощутив упругость
почвы.
Так на рассвете лопаются почки.
Так дочери уходят от отца.
Прощай, мой прежний,
мой притихший дом,
Беспечных детских шалостей
участник.
Молю тебе всамделишнего
счастья
И памяти о светлом, но былом.
В последний раз прижмусь
щекой к стене,
Вобрав в себя шершавость
дряхлой кожи.
Ну вот и все.
Пора.
И все же,
все же
Боли во мне,
дыши,
живи во мне!

О ВЕСНЫ

Зоя ГРАЖДАНСКАЯ

ПАМЯТЬ

Нет, память о войне не убывает,
И даль войны по-прежнему видна,
Хоть каждый год все больше
убывает
Фронтовиков и сквозь года она.
Участники. Герои. Ветераны.
Усталые, седые старики.
Не заживают фронтовые раны,
Редеют ваши строгие полки.
И память о войне не убывает,
И боль войны по-прежнему видна.
Но помним мы улыбки в светлом
мае,
Когда уже закончилась война.
Так помним мы сквозь время
Куликово,
Разбившее столетние оковы,
И в памяти храним Бородино.
Знать, испытаньям грозным и
суровым,
Как памяти, померкнуть не дано.

РУСЬ

И я дождалась Победы.
Дождя. Благодатной грозы.
В меня белорусские деды
Вложили терпенья возы.
Великой, и Малой, и Белой
Слилась во мне древняя кровь.
Не все ли российские беды
Пришлось мне испытывать вновь?
Стерплю я любую обиду,
И я ничего не страшусь:
Из-под твоего я не выйду
Крыла материнского, Русь!

Римма ЧЕРНАВИНА

ПТЕНЕЦ

Дитя природы,
Как он мал и беззащитен,
Птенец большеголовый,
Не умеющий летать.
К тебе на выучку пойду.
Летать учиться вместе будем,
Ты в жизни.
Я в поэзии моей.

ТАИНСТВЕННАЯ НИТЬ

Найдя таинственную нить,
Держи, из рук не выпуская,
И наноси узор...
Шей золотом по белой
И по черной глади.
Усердно вписывай свой
собственный узор.
Держи таинственную нить,
Из крепких рук не выпуская.

Татьяна КОЧЕТКОВА

НЕЖНОСТЬ

Постучите женщине в окошко
Той, что вас одна на свете ждет.
Пусть от сердца светлая дорожка
Под окно любимой приведет.
Стукнет ветер весело калиткой,
Вспыхнет свет, и не залает пес.
Лунный вечер голубой накидкой
Снежный сад окутает в мороз.
Женщина откроет настежь двери...
Так встречала в детстве только
мать.
...Лишь она простым словам
поверит
И заставит сердце трепетать.
Этот нежный свет очей осенних,
Родниковый свет ее очей,
До великой грусти откровенных,
Не заменит взгляд уже ничей.
Пусть давно судьба свое решила,
Развела дороги и мосты,
Пусть твердит, что женщина
забыла
Образ ваш и прежние мечты...
Но судьба — одно, а жизнь —
безбрежность!
И не в силах умолчать она:
Где-то нерастраченная нежность
Лучиком сгорает у окна.

* * *

Умирают солдаты последней
войны,
Поредели ряды их победного
строя.
Снятся вдовам седым довоенные
сны
И родная земля после страшного
боя.
Умирают лихие солдаты от ран,
От обид, что опасней любого
осколка.
А вы знаете, как они шли на
таран?
Сколько жизней спасла боевая
винтовка?
...Фронтовые друзья за столом
помянут
Пережившего смерть, недород и
разруху.
В честь его слушал мир
триумфальный салют,
В честь его дали имя геройское
внуку.

пос. Центральный,
Ворошиловградской обл.

Инара РОЯ

ЗОВ СВЕТА

Ну, вот и свет — наш клад,
Безбрежный, как река.
И солнца циферблат
Глядит издалека.
Залезть бы в небо по стеблю
света.
И гладить облака весь день.
И аистиную увидеть тень,
Прошедшую бесшумным
силуэтом.
Лучом дождя прильнуть бы
к полю,
Чтобы ростки не засушить.
И высекать огонь, пока
не зацветут мозоли
В далеких тайниках души.

* * *

На дороге репейник пробивает
асфальт.
В листьях зеленых — зайчики
солнца,
И уже видна его ершистая
природа.
И уже есть капля дегтя в бочке
меда...
А шествие ершистых все сильней!
И снова треснула дорога.
И лемех семечка живого —
Освободитель. Как их много!
Конечно, это шинам не в ущерб —
Ведь для чего дорожная контора?
...Но майский дождь прошел —
Вновь кто-то вскрыл покров
дороги.
И чьи-то давние мечты
уж на пороге.

* * *

Как славно предрассветной ранью:
Осенней ночи сладко спится,
В шкатулке дня мои желанья
Потягиваются, как птицы.
В твоих глазах вдруг отразиться
И лоб погладить, сном омытый.
И не узнать окна в светлице,
Что ставней звездною закрыто.

Перевела с латышского
Вера ПАНЧЕНКО.

г. Рига.

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

УГРЮМОМУ

Не таясь, не скупясь,
распахни свою душу,
Поклонись красоте, наконец!
Не года, не гроза и не зимы
нас сушат —
Близорукость унылых сердец.

ЖЕНЫ

Навострив глаза и уши,
Правим мужнею судьбой.
...— Ты меня не очень слушай,
Оставайся сам собой!

* * *

Все было — и тоска слепая
И ссоры — темно-горячи.
И было — нежными губами
Опять колдуешь ты в ночи,
И тают жесткие пределы
Судьбы капризной и земной,
И мягко вспыхивает тело
Навстречу вечности самой...
О вы, мятежные мгновенья,
Пересиявшие звезду!
И лишь в минуту приземленья
Ты постигаешь высоту...

г. Киров.

Юрий ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

ПАВЛОДАРОЧКИ

И снова весна. Пока еще робкая. Поля за селом Кенжекуль, центральной усадьбы совхоза-техникума «Павлодарский» имени 50-летия СССР, еще белы, но уже закурились парком пригорки за околицей, уже пробиваются из-под едва согретой земли зеленые стрелы первых трав — разведчиков весны. Ну, не чудо ли? Ни заморозки их не пугают, ни ветры... Пройдет мартовским днем по улице девушка-павлодарочка, кажется, что это сама весна прошла. Прошла, метнула лукавым взором и засмеялась чему-то своему. Ее догнала подруга, и я услышал нечто вполне земное.

— Рая, на дойку-то не опоздаем?

— Ну, что ты, Балкия, успеем...

Эти слова вернули меня на землю, и я спросил моего спутника, секретаря парткома совхоза Жайляу Алишева:

— Тут, видимо, где-то ферма недалеко?

— Буквально в двух шагах, через дорогу от техникума. Видите, девушки как раз туда пошли, между прочим, лучшие наши доярки. Одна из них, Раиса Костоусова, была делегатом XV съезда Компартии Казахстана... Наш совхоз-техникум не только дает государству мясо, молоко, шерсть, пушнину, выращивает лошадей, но и готовит кадры для села — зоотехников, экономистов, ветеринаров. Многие учатся на колхозные стипендии. Причем практику студенты проходят здесь же, в совхозе.

— Идеальное сочетание...

— Мне тоже так кажется. Кстати, в техникуме наступило как раз время жатвы, если можно так выразиться,— началось распределение выпускников на работу...

Это только кажется, что, кроме летних месяцев, сельский ритм жизни предполагает неторопливость. Это только кажется нам, городским жителям, а на самом деле весь год забот на селе невпроворот. Особенно в животноводстве, и тем более весной. Как раз в это время в овечьих отарах начинается окот, табунщики готовятся к перегону лошадей на летние пастбища за многие десятки километров в район Баянаула, доярки озабочены тем, чтобы не снизились надои, и колдуют вместе с зоотехниками над рационом для коров. В общем, страда не кончается. И в коридорах техникума особое напряжение. Распределение. Без пяти минут специалисты выбирают не место жительства, а место жизни. Судьбу свою выбирают. Куда поехать, получив диплом? Где больше заработаешь или где интереснее? В хозяйство сильное, хорошо налаженное, где жизнь пойдет по крепко набитой колее? Или туда, где придется все начинать с самого начала? Нет, не простое это дело — распределение. Чаще всего это и выбор жизненной позиции. Тут и там слышны приглушенные голоса:

— Я в Восточный Казахстан еду, а ты?

— В Семипалатинск.

— Ольга в Талды-Курган записалась.

— Гуля, едем вместе, Гуленька.

И смотрят глаза в глаза. Не замечают никого и ничего. Счастливые. Куда бы их ни послали — им везде рай.

Солнце уже вскарабкалось на вершину дня, когда мы вышли из техникума. Светилу оставалось одно маленькое усилие, чтобы заскользить вниз к вечерней черте горизонта. Госкомиссии же оставалось подвести итоги распределения, а мне — посмотреть второе отделение совхоза.

— Там,— то ли шутил, то ли всерьез говорил секретарь парткома,—у нас земля особая, на детей щедрая.

Откуда ни возьмись вдруг выкатилась тройка коней, в расписной возок запряженная.

— Хотите прокатиться?

Еще бы нет. «Эх, тройка! птица-тройка, кто тебя выдумал?..» Да, уж если со времен Гоголя мы гадаем, кто тебя выдумал, тройка, то совершенно точно известно, кто тебя вытеснил с дорог, — автомобиль. Спору нет, «Жигули», конечно, комфортабельнее, да и сил лошадиных в нем целый табун. Тут же только три, но зато живые они, теплые, дышат, косят на седоков блестящими выпуклыми глазами, слово человеческое понимают. Вот почему, наверное, вздрогнет и радостно забьется сердце при одном только твоем появлении на улице, тройка... Машут приветственно руками встречные, и мы их приветствуем в ответ. Промчали по улице Целинной, потом по другой, застроенной двухэтажными коттеджами (квартиры в двух уровнях, газ, центральное отопление), к новому Дворцу культуры завернули, к звероферме, к дояркам и вылетели, наконец, за село, в белую степь.

Второе отделение совхоза — тоже поселок, только поменьше. Но тут и школа есть, и магазин, и дома не хуже, чем в «центре». «Что же тут за земля такая особенная», — все думал я, посматривая по сторонам, но ничего необычного не замечал. Секретарь парткома лишь посмеивался да помалкивал до поры до времени, подогревая тем самым мое любопытство. Тут мы постучались, и вошли в один из домов, и поздоровались, как водится, с хозяином Рахметуллой Абеновым, и присели к столу.

— Ну, похвались, Рахметулла, покажи гостю свое богатство, — сказал Алишев.

— Да чего уж тут, — засмущался Рахметулла, и счастливая улыбка тронула его губы.— Пойдемте, они у меня в другой комнате.

Я пытался угадать, что сейчас увижу, но сознаюсь, воображение меня подвело. На красном одеяле лежали три совершенно одинаковые куклы. Я не успел разочароваться, как одна из них вдруг зашевелилась, выронила изо рта соску и залилась плачем.

— Близнецы! — догадался я.

— Павлодарочки,— с гордостью подтвердил Рахметулла. — Та, что плачет, — Назира, слева — Забира... Впрочем, нет, слева, наверное, Сабира, а плачет как раз Забира. А может, и наоборот. Ниночка, — позвал он жену, — я снова тут запутался, помоги, пожалуйста...

Вошла Нина, быстренько распутала запутанное и успокоила малышку. Сразу чувствовалось, она из тех, у кого любое дело горит в руках, как говорится. Была дояркой, коровы узнавали ее по звукам шагов. Средний ее сын, Хынаят, стал чабаном, и она, мать, попросилась к нему в помощники (случается здесь, правда, так, что непонятно бывает, кто кому помогает). Старший сын, Сагынтай, служит в армии, пишет в письмах, что обязательно вернется в родной Кенжекуль. Его сестра Шамшипану оканчивает школу и еще не решила, то ли пойти по стопам матери на ферму, то ли продолжить учебу в техникуме. Остальным еще расти и расти, чтобы решить, кем стать, особенно малышкам-близнецам.

— Женщина есть женщина, — философски заметил Рахметулла,— но как она их все-таки различает? Надеюсь, когда они подрастут, узнавать их будет легче. А вырастают они быстро. Я вам так скажу: все на свете можно купить, кроме трех вещей — любви, счастья и детского смеха. В моей семье семь дочерей и четыре сына. У соседа Бекбулата Баренова— семеро, из них два сына — близнецы. И вообще меньше трех ни у кого тут нет. Сама наша земля такая счастливая, что ли?

Наверное, так и есть. И по счастливой этой земле снова шагала весна. Все живое постепенно подпадало под ее чары, готовилось к пробуждению, к расцвету новой жизни, грезило о счастье. И я по-прежнему не знал, что может сравниться с повторением этого чуда. Да и кто, скажите, это знает?

Операторы машинного доения Р. Алдабергенова, Б. Бекенова, Х. Бекисанова, Р. Костоусова. * Центральная усадьба хозяйства. * В легких саночках по свежему снегу...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Сегодня репетиция. * Как и прежде, в степи табуны коней. * Студентка зоотехнического отделения Г. Майкарина. * Хоккеисты. * На звероферме. * Весело и уютно ребятишкам в «Теремке».

ЗАДАНИЯ
XI ПЯТИЛЕТКИ
ДОСРОЧНО!

ЛЮБЛЮ ПЕТЬ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Марина ДМИТРИЕВА

Как по морю, морю синему
Плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми, со дитятами...

Прозрачно-чистый голос лился, словно ручей, заполняя все вокруг неповторимой нежностью. Певица пела негромко, проникновенно, и песня эта будоражила душу, щемила сердце. Воображение рисовало синее море, плывущую по нему белую лебедушку, дымчатую даль горизонта, за который садилось солнце. Тишина же зрительного зала казалась той неповторимой тишиной, какая бывает в природе только в предвечерние часы. В белом платье, с перекинутой через плечо чудокосой, в которую вплетена серебристая жемчужная нитка, стройная, гибкая певица и сама виделась сказочной Царевной-Лебедью, скользящей в лучах прожектора.

...Но что это? В зал словно ворвался шум поезда, на сцене уже фабричная девчонка. Печальным взглядом провожает она мчащиеся поезда. «Стою на полустаночке...»

И ветер треплет ее косы, цветастый полушалок, а вся она полна прекрасного чувства — любви, вся устремлена туда, где «рельсы-то, как водится, у горизонта сходятся...».

Сегодня имя заслуженной артистки РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола Валентины Толкуновой знакомо миллионам зрителей. Именно благодаря ее исполнению многие песни обрели популярность, стали в народе любимыми.

Национальный характер русского певческого стиля, глубокая лиричность в сочетании с филигранно отточенным мастерством исполнения отличают творчество Толкуновой. В ее голосе звучат нежность и доброта, порой легкая грусть, и поет она всегда просто, без нарочитых жестов, без малейшей аффектации. Манере исполнения соответствует и весь облик певицы: в осанке, в умении держаться на сцене столько величавости, спокойствия, истинно русской непоказной красоты...

Она и в жизни такая — очень женственная, удивительно скромная, исполненная достоинства. Внешний вид актрисы — отнюдь не маска, это ее сущность. Сущность женщины, сущность художника. И, наверное, в этом ее сила, ее индивидуальность.

Мы сидим с певицей у нее дома. За окном медленно кружатся снежинки, деревья стоят в белом наряде. А в комнате словно расцвел прекрасный сад. Куда ни посмотри — вокруг цветы. Белые, розовые, красные гвоздики, розы, пушистая мимоза, веточки багульника.

— Я очень люблю эти скромные цветы,— улыбаясь, говорит она.— Мне дарили багульник охапками строители БАМа в далеком таежном поселке Магистральный. Я встретила там по-настоящему мужественных, искренних, добрых людей. Со многими из них переписываюсь. Там, на БАМе, двум парам молодоженов, сыгравшим свадьбы, я подарила песню Шевелевой и Аедоницкого «Серебряные свадьбы». Я очень люблю эту песню. В ней столько высокого чувства. Люди прожили рядом друг с другом немало лет, но по-прежнему полны любви, душевного трепета. Особенно любят слушать «Серебряные свадьбы» женщины. Вообще люблю петь для женщин. Сколько в них мудрости, неодолимой жажды счастья. И всегда волнуюсь: смогу ли сегодня спеть так, чтобы дойти до сердца вот той женщины, что тревожными глазами следит за мной. Мне кажется, что женщина эта советуется, ждет от меня ответа...

В репертуаре певицы много лирических песен о женских судьбах, о любви, о радости встреч и горести разлук. Но что бы ни пела Толкунова, пусть даже самую грустную песню, певица всегда оставляет нам надежду. Она как бы говорит: «Не надо отчаиваться. Надо ждать своего часа, мечтать и верить. Надо жить, не сгибаясь под ударами судьбы».

Как мольба, как плач, звучит в исполнении Толкуновой песня В. Успенского и М. Осташова «Не судите меня».

Не судите меня, девки,
Не судите меня, бабы,
Что парнишку полюбила,
Молодого, да чужого
К себе в осень заманила.

Как горько и как просто произносит певица эти слова, доверчиво протягивая к зрителям руки, а в глазах ее — отчаяние, тоска. Нас буквально потрясает искренность мучительной женской исповеди. Но вдруг неожиданно меняются интонации в голосе, и словно распахивается исстрадавшаяся женская душа. Мы ощущаем уже и решительность и твердость:

Только больше, чем сама я,
Не судите меня...—

уже не просит, а требует женщина, потому что самый суровый суд — это суд собственный.

Несколько лет назад Толкунова исполнила песню «Поговори со мною, мама» В. Мигули и В. Гина, сразу полюбившуюся слушателям.

— Эта песня,— говорит Валентина,— долгожительница в моем репертуаре. Ни я не хочу расставаться с ней, ни мои слушатели. На каждом концерте меня просят исполнить ее. Впервые я спела эту песню своей маме. Когда пела, она плакала... Я старалась сделать песню своеобразным диалогом матери и дочери, передать неизбывную любовь к той, что дала мне жизнь. Здесь вместе с мамой я как бы размышляю над своей судьбой, прошу совета у дорогого для меня человека, прожившего нелегкую жизнь. И в то же время пою гимн матери, ее мудрости, чуткости, доброте.

...Валентина выросла в семье, где все очень любили песню, особенно русскую, народную. Когда-то из окон маленькой московской квартиры, где жила с родителями Валя, вечерами нередко были слышны протяжные песни. Их пели бабушка, мать, отец... и маленькая Валентина. Семейные спевки познакомили ее с самыми разными песнями — праздничными, обрядовыми, гражданскими. Родные не только научили Валю петь, но любить песню, бережно к ней относиться.

Уже в четвертом классе девочку пригласили в Московский хор детей железнодорожников под руководством С. О. Дунаевского.

— В детстве,— рассказывает Валентина,— мы обязательно хотим с кого-то брать пример. Таким человеком была для меня Татьяна Николаевна Овчинникова, замечательная женщина, высокопрофессиональный хормейстер. Прекрасный мир музыки раскрыла она для меня. Без преувеличения, вся моя судьба как певицы сложилась под ее влиянием. И если когда-нибудь я перестану выступать на эстраде, то обязательно буду работать с детьми, учить их понимать музыку. Открою им все таинства, все чудеса песни, как это сделала когда-то для меня Татьяна Николаевна.

Необыкновенно бережное отношение к русскому фольклору — отличительная черта творчества Толкуновой. Певица удивительно точно передает глубину, чистоту содержания, красоту мелодии, неповторимость русской песни. Некоторые из них в ее исполнении стали маленькими музыкальными шедеврами. Это, в частности, «Ох, не растет трава зимою», напетая Вале сибирячкой Аграфеной Олениной, «Повянь, повянь, бурь-погодушка»...

— Как же можно не любить русскую песню! — говорит Валентина.— Она наше богатство, наша живая история. Считаю, что самое главное при исполнении народных песен — уважение к первоисточнику. Может быть, мои слова покажутся смешными, но для меня, жительницы городской, исполнение русских, фольклорных песен — это, знаете, будто пробежаться босиком по росистой траве. Я много езжу по стране, встречаюсь с народными хорами, с людьми уже немолодыми, собирателями фольклора. К сожалению, людей таких становится все меньше и меньше.

Недавно получила письмо от одной женщины. Она живет на Урале, ей девяносто лет.

Валентина протягивает мне письмо. Читаю: «Ты не знаешь меня, а я вот, Валюша, доченька, люблю слушать, когда ты поешь. Особенно, когда поешь «Миленький ты мой». А ты приезжай, дочка, ко мне. У меня есть для тебя песни, их пели еще мои мать с отцом. Да я бы приехала сама, только стала старая, ослабла. А ты, милая, приезжай, не пожалеешь...»

В стиле старинных русских песен поет Валентина Толкунова и многие современные произведения. Очень интересна в ее исполнении «Косынка» В. Ветрова и О. Фокиной. Она поет ее а'капелла — без аккомпанемента, как пели в старину в деревнях. «Отгорела косынка, отцвела, отлиняла»,— раздумчиво, печально рассказывает певица о нелегкой судьбе женщины.

— Помню, как-то на концерте в Красноярске я пела эту песню,— вспоминает певица.— А после концерта ко мне подошла немолодая женщина. «Валентина Васильевна,— говорит она мне,— вы уж извините, но вы пели сегодня про меня. Только вот интересно, откуда вы все узнали?» — А у самой на глазах слезы, и так нервно теребит она косынку, наброшенную на плечи.— Нет, это не та косынка,— продолжает, смущаясь.— Та, заветная, у меня спрятана — не дождалась я своего любимого, погиб он на войне». А потом так тихо-тихо добавляет: «Вы уж простите меня, только, пожалуйста, пойте всегда «Косынку», ведь таких, как я, много».

Совсем недавно Толкунова включила в свой репертуар новое сочинение М. Минкова и И. Шаферана «Когда бы не было войны». И эта песня — о женском горе.

Никто калитки стуком не тревожит,
И глохну я от этой тишины,
Ты б старше был, а я б была моложе,
Когда бы не было войны...

На этих словах немолодые, уже поседевшие женщины плачут. Но я видела слезы и в глазах совсем еще юных девчонок, знающих о войне лишь по книгам и кинофильмам. Это ли не доказательство огромного воздействия песни, прочувствованной и выстраданной сердцем певицы, поэта, композитора?..

— Песня — особый жанр,— говорит Толкунова.— За несколько минут надо рассказать о жизни, о судьбе, о чувствах человека. Я — за песни, в которых есть чувства, за песни, которые заставляют думать. И счастлива, когда встречаюсь с такими песнями.

Заслуженная артистка РСФСР Валентина Толкунова.

Фото Л. Шерстенникова.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АНКИ ЛАМБРЕВОЙ

Станка ПЕНЧЕВА,
болгарская поэтесса

Психологи утверждают, что мужчина по характеру отличается от женщины тем, что он — активное начало, он открывает новые пространства, земные и духовные, он воин. Женщина, в свою очередь, завершает, утверждает и закрепляет то, что начал мужчина. В то время как мужчина занимался охотой и бродил по лесам, женщина опустила в землю первое зерно, и из него вырос стебель. Мужчина действует, рискует, а женщина защищает. Женщина — якорь жизни.

Но можно ли совершенно определенно сказать, что существует чисто мужская и чисто женская судьба? Что один из них непременно Одиссей, а другая — Пенелопа?

Если обратиться к прошлому, то можно проследить, как сильные женские характеры пробивали пласты невежества, мещанства, предубеждений, как они противопоставляли себя тому, что «писано» и «не писано», «принято» и «не принято». Они протестовали, рисковали своей жизнью.

Мне хочется отдать должное болгарке, сохранившей бессмертные традиции, традиции народной памяти. Она народная сказительница, знахарка и собирательница лечебных трав. Она оплакивала мертвых, была главной участницей всех народных праздников и обрядов. Мы должны преклонить голову перед памятью тех, которых было мало, но которые были **первыми:** перед первыми учителями, врачами, поэтами...

Эта история началась так. В небольшой газете «Болгарски глас», издаваемой болгарами-эмигрантами в Ла-Плате в Аргентине, я нашла заметку, в которой говорилось о том, что навсегда вернулась на родину наша соотечественница Анка Ламбрева. Она отдала в дар музею в своем родном городе Карлово принадлежавший ей архив, собранный во время ее кругосветного путешествия.

Я тут же отправилась в город Карлово, но, к сожалению, опоздала: Анка Ламбрева умерла год назад. Музей, куда она передала свой архив, был закрыт из-за ремонта. Но по моей просьбе меня все же туда пустили, и на полу, в одной из его комнат, я обнаружила сложенные стопкой книги и папки, принадлежавшие этой необыкновенной женщине. Подробно ознакомившись с ними, я поняла, какую бурную жизнь она прожила.

...«Мадемуазель Анка Ламбрева, первой совершившая кругосветное путешествие, выступит на тему «По ту сторону экватора» (остров Цейлон, австралийские дикари, Новая Зеландия, племена в районе Тихого океана)».

Эта афиша появилась на улицах Бургаса в 1932 году. Долгое время имя Анки Ламбревой не сходило со страниц газет и журналов, а потом внезапно исчезло. И только несколько лет назад о ней снова заговорили.

Биографии обыкновенно начинаются с даты и места рождения. Итак, 1895 год. Прошло всего 17 лет после освобождения Болгарии. Анка Ламбрева родилась в городе Карлово, расположенном под самым высоким гребнем Балканских гор. Снег там не тает даже летом. Семья ее была бедная, большая и дружная. Анка училась очень хорошо и стремилась к знаниям. Но после окончания третьего класса прогимназии ей не разрешили учиться дальше. Тогда ей было всего 14 лет. По нашим понятиям, это возраст ребенка, которого утром надо будить нежными словами, наливать ему стакан молока, класть в карман немного денег и потакать ему, потому что это переходный возраст, а дети в этот период легкоранимы...

Однако девочка, когда ей было 14 лет, уже наметила свой жизненный путь как зрелый человек. И у нее было достаточно силы воли, чтобы осуществить свой план, согласно времени и обстоятельствам.

Она поехала в Пловдив, где поступила работать служанкой. Но Анка была не такой служанкой, как все: целый день она стирала и мыла полы, а вечером при свете тусклой газовой лампы читала до тех пор, пока у нее не слипались глаза. Когда она решила поехать в Пловдив, ее бабушка, женщина мужественная и твердая, пожелала ей: «Иди вперед, не опуская головы. Не поворачивай назад и никогда не возвращайся!»

Анка работала служанкой и училась. Когда ей становилось невыносимо тяжело, она говорила себе: «Я лучше буду спать на улице и читать под фонарем, чем откажусь от гимназии!»

Анка Ламбрева

Несмотря на огромные трудности, Анка закончила гимназию. После этого она два года преподавала в пловдивских селах, чтобы набрать силы для нового старта. Она хотела поступить на медицинский факультет Софийского университета. А до этого ей надо было работать.

В руках у меня фотография того времени. На ней изображена группа врачей и девушек в белых шапочках, работавших в больнице Красного Креста. Среди них я узнала Анку, стоящую слева, девушку с коротко подстриженными волосами, с круглым лицом, в сдвинутой на лоб белой шапочке. Лицо у нее сосредоточенное, почти строгое, волевой подбородок. Может быть, она уже добилась того, о чем мечтала?

Нет, еще нет. Неведомым ветром занесло ее в Стамбул, где она окончила американскую школу медсестер. Эта работа пришлась ей по душе,— было хоть и тяжело, но интересно, а иногда ей даже приходилось бороться за жизнь человека. Особенно запомнилось Анке одно очень напряженное ночное дежурство, когда она осталась в палате одна, без врача, а у больного англичанина из Новой Зеландии произошел острый приступ. Тогда у нее не было времени, чтобы исправить свою ошибку в случае принятия неправильного решения. Она должна была действовать быстро, точно, она одна боролась со смертью. На рассвете больной англичанин начал дышать нормально, его посиневшие пальцы стали более теплыми, пульс постепенно восстанавливался... Через несколько месяцев после того, как пациент выписался из больницы и уехал к себе на родину, Анка получила от него письмо, в котором он благодарил ее и приглашал приехать в Новую Зеландию, в город Данидин. У англичанина была душевнобольная дочь, и он хотел, чтобы Анка погостила у него, сколько она пожелает, и присмотрела за его дочерью. Англичанин оплатил ее проезд.

Три года прожила она в Данидине. Болгарке из города Карлово никогда не приходилось жить в таком достатке, ей никогда не удавалось увидеть и узнать то, что можно было увидеть здесь. На одной из фотографий, которые я рассматривала, была изображена Анка Ламбрева рядом с коренными жителями — маори. На другой фотографии она в костюме фермера, в широкополой шляпе. Она сидит на огромном мотоцикле, и руки ее уверенно сжимают руль. Она улыбается. Может быть, женщина, изображенная на фотографии, просто любительница приключений? Нет, это не так. Культурная общественность города Данидина, и не только этого города, а вся страна, уже знает болгарку как одаренного оратора и журналистку: она часто бывает в школах, университетах, культурных и женских обществах. Анка Ламбрева повсюду рассказывает о своей далекой родине. В газетах регулярно упоминается о том, что она делала, что говорила, у кого была в гостях. Ее называют «Мисс Болгария». Когда Анка Ламбрева уезжала на родину, сэр Ж. М. Томсон, профессор философии и бывший министр просвещения Новой Зеландии, писал: «Те, кто до сего времени не имел никакого представления об этой стране, сейчас почувствовали симпатию и любовь к незнакомой до этих пор Болгарии. Если страна может создать такую дочь, с достоинством, с характером, с высокими идеалами,— то это должна быть страна, в которой живут люди с высокими идеалами и взглядами. Возвращаясь в свой родной край, Анка Ламбрева передаст от нас самые наилучшие пожелания, оставит в наших сердцах надежду, что она в значительной степени помогла в дружбе между нами».

Путь на родину неожиданно оказался очень долгим. На своем пути Анка Ламбрева проехала 19 государств и, как пчела по капле собирает мед, так и она жадно впитывала в себя впечатления и знания, чтобы передать их своим соотечественникам. Именно тогда в Болгарии появилась афиша, с которой я начала свой рассказ. В печати нашей страны можно было прочитать ее путевые заметки «Об острове, где много запахов», «О царице южных морей», «Об австралийских дикарях»...

Впоследствии они вошли в сборник ее путевых заметок под заглавием «Мое кругосветное путешествие».

Итак, Анка Ламбрева — первая болгарка, совершившая кругосветное путешествие. Она владела семью языками: английским, французским, немецким, русским, персидским, арабским, итальянским. Она писала стихи и поэмы на французском языке, а прозу — на английском.

Наступил день, когда эта неугомонная женщина все же вернулась домой. Она должна была еще увидеть своими глазами белый снег, который не тает даже летом, радугу над водопадом, услышать милый ее сердцу болгарский говор. Анке Ламбревой исполнилось уже 75 лет. У нее оставалось еще время для того, чтобы передать в дар музею коекакие экзотические вещи, которые она привезла с собой из далекого путешествия, альбомы и около тысячи фотографий. Она передала в музей свой роман и книгу, в которой рассказала об истории своего родного города Карлово.

София.

ПРИЧИНЫ ЧУДЕС

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

■

— «...Пора чудес прошла, и нам подыскивать приходится причины всему, что совершается на свете»,— неторопливо цитирует по памяти Шекспира Лидия Хунданова. А мне невольно приходят на ум слова другого англичанина — отважного путешественника Диксона. Побывав в середине прошлого века в Бурятии, он писал: «Сказочное, ледяное Забайкалье, страна, отдаленная тысячами километров от мира. Сюда, кажется, никогда не придет европейская цивилизация — Шекспир, Диккенс, Бальзак, Пушкин...»

И вот передо мной сидит прехорошенькая, элегантная молодая женщина из Забайкалья — Лидия Лукинична Хунданова, профессор, доктор медицинских наук (в тридцать два года стала она доктором наук!), не только отлично знающая английский и французский, но и старомонгольский и тибетский языки. Разумеется, кроме своего родного бурятского и русского. У нее около 80 научных работ, три большие книги по самому современному в медицинской науке направлению — иммунологии опухолей, созданию лекарственных препаратов на естественной основе. Она участник международных противораковых конгрессов, труды ее известны зарубежным специалистам. Еще лет десять назад к ней в Улан-Удэ (тогда заведующей Отделом биологически активных веществ индо-тибетской медицины Бурятского филиала СОАН) прислала свою анкету редакция известного американского справочника «Кто есть кто?»...

Не правда ли, довольно длинный послужной список для женщины-ученого, которой к тому же совсем недавно минуло лишь сорок лет?.. А если прибавить, что Лидия Лукинична мама двух дочерей (младшей — Машеньке — девять лет) и бабушка месячного внука, то придется только развести руками: как и когда успела она столько сделать?

...«И нам подыскивать приходится причины всему, что совершается на свете...»

* * *

Стать врачом Лида Хунданова не мечтала никогда. Просто с детства знала — будет изучать именно медицину.

Из родного Улан-Удэ родители увезли девочку в Иркутск. Отец Лиды, профессор, доктор биологических наук, был назначен заместителем директора Иркутского научно-исследовательского противочумного института Сибири и Дальнего Востока. Там же заведовала отделением мама Лиды.

Если бы Лиде и ее младшему братишке Леве сказали тогда, что их родители — герои, что постоянно работают они в условиях повышенного риска, дети наверняка бы удивились. Они привыкли к спокойным разговорам за ужином об изучении и профилактике чумы, холеры, энцефалита, сибирской язвы; к бесконечным экспедициям отца для «ликвидации природных очагов заболеваний», как говорил он сам; к тому, что мать, микробиолог, часто после окончания опытов недели проводила в изоляторе. «Становилась на дезинфекцию»,— просто объясняла она. И дети ходили навещать маму в изолятор, но видели ее только через плотную стеклянную стену.

Во время войны и после нее в Сибири и на Дальнем Востоке ученые вели профилактику природных очагов этих болезней, отрабатывали методы борьбы с грызунами, разносчиками чумы, искали по рекам источники холеры, боролись с энцефалитом.

И отец и мать пришли в медицину по велению сердца, уже имея опыт работы в другой области. Лука Егорович окончил ветеринарный институт. Федосья Степановна — сельскохозяйственный и медицинский. В Иркутский медицинский институт поступили и их дети — Лида и Лева.

Еще в годы учебы Лида начала заниматься во многом неясными ученым процессами, идущими в организме при образовании опухолей. Нет, об изучении восточной медицины, о лечении болезней она тогда и не помышляла. Кандидатскую диссертацию по механизму образования вторичных опухолей молодая бурятка защищает в Москве, докторскую — в Ленинграде. С увлечением занимается биохимией в технологическом институте в Улан-Удэ.

Однако каждый исследователь мечтает не только понять механизм болезни, но и победить ее, лечить и вылечивать людей. Так Лидия Хунданова заинтересовалась экспериментальной фармакологией, созданием лекарственных препаратов на основе богатейшего разнообразия трав Бурятии.

— Знаете ли вы, что из пятисот лекарственных растений, описанных в трудах индо-тибетских врачей, четыреста десять можно найти в нашей бурятской флоре?— говорит Лидия Лукинична.— Медику, работающему в Бурятии, просто преступно проходить мимо этого богатства, тем более что в наших местах издавна бытовала система тибетской медицины. Вообще же известный нам теперь по литературным данным перечень лекарственных препаратов растительного происхождения Тибета насчитывает 1300 наименований.

В Бурятии,— продолжает Хунданова,— традиционная рецептура обогатилась местными природными лекарственными средствами. Здесь созданы собственные рецептурные сборники, рукописные копии которых передавались из поколения в поколение...

* * *

Рукописный фонд Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук огромен — 20 тысяч томов! В древних книгах, обернутых в роскошные яркие шелка с замысловатым восточным орнаментом, заключен опыт тысячелетий. Это трактаты, комментарии к ним врачей, медицинские атласы, теоретические и практические основы врачевания. Рукописи на тибетском, старомонгольском языках, санскрите. Однако, чтобы понять их, недостаточно знать язык, на котором они написаны. Нередко текст дается в зашифрованном виде. «Заболел король, сановники задыхаются, вельможи обливаются потом»,— так описывается, например, сердечно-сосудистая недостаточность. Король — сердце, сановники — пять долей легкого, в которых в малом кругу кровообращения при сердечной недостаточности развивается застой, а вельможи — это отечные крупные суставы. Подобным же образом описано и лечение болезни. Больному надо дать «жар-птицу», которую следует «посадить на коня», а затем вручить «бич». Оказывается, жар-птица — это двенадцатикомпонентное лекарство, конь — четырехсоставное лекарство, которое должно быстро довести до болезненного очага «жар-птицу», а «бич» — слабительное средство, необходимое больному для очищения организма.

Часто разгадать тайны какой-нибудь книги невозможно без изучения различных дополнительных трактатов, которые предназначались только для узкого круга специалистов. Как тут не вспомнить ставшие классикой слова ученика Пифагора Аполлония Тианского: «Жалкий глупец, неужели ты настолько наивен, что думаешь, будто каждое наше слово следует понимать буквально, и что мы откроем тебе самую удивительную из тайн?..»

1970 год — начало интереснейшего десятилетия в работе профессора Хундановой. Я слушаю ее рассказ, как сказки из «Тысячи и одной ночи», хотя моя собеседница далеко не так красноречива, как сказочная Шехеразада. От природной скромности, сдержанности она рассказывает о своей работе до обидного лаконично. Послушать Лидию Лукиничну — так ее заслуг почти ни в чем нет. Однако в Сибирском отделении Академии наук СССР мне рассказали, что это именно она создала в Улан-Удэ Отдел биологически активных веществ индо-тибетской медицины, сама искала для него специалистов.

— Литература по восточной медицине, и та, что находится в фондах музеев и библиотек, и та, что еще хранится в монастырях у лам, почти не обработана, не прочитана, не переведена на европейские языки,— говорит профессор Лидия Лукинична.— Объясняется это трудностью прочтения, особым образным строем мышления и письма древних врачей. Кроме того, теоретические и практические положения тибетской медицины отличаются от современных. Специалистам для их интерпретации необходимо отвлечься от многих привычных сегодня понятий. Иначе невозможно установить как ценность, так и ошибки тибетской системы, нельзя сравнивать тибетскую и европейскую системы, дополнять одну другой...

Вот почему так важно было выработать комплексный подход к исследованию, создать отдел, где над древними текстами работали бы историки-востоковеды, переводчики вместе со специалистами-естественниками. Например, при прочтении текста, где описываются лекарственные растения, вместе с переводчиком и востоковедом были ботаник и фармаколог: где идет речь о проявлении болезней — врач-клиницист; где рассказывается о технологии приготовления препаратов — фармацевт и химик-технолог.

Это теперь в отделе 50 человек, а десять лет назад он был совсем мал. Почти с первых дней пришел сюда ученик известного ученого-востоковеда Юрия Рериха, в прошлом его аспирант Балдорж Бадараев, знающий санскрит, тибетский и старомонгольский; современный врач Элберт Базарон, изучавший древние языки; фармацевт-технолог Цезия Найдакова. Все местные, все примерно одного возраста — от тридцати до сорока лет.

— Правда, был у нас и один старейший тибетский врач, блестящий специалист Дашинима Бадмаев. Сейчас ему уже под девяносто. Вот кто знает и медицину и языки! Нам всем до него далеко, как до Солнца,— вспоминает Хунданова.

По идее, в новом отделе должны были быть три лаборатории: источниковедческая, где расшифровывались и переводились тексты; экспериментальной фармакологии, где отрабатывалась рецептура, изготовлялись лекарства и испытывались на животных; и, наконец, лаборатория морфологии, с собственными медицинскими исследованиями, где шел контроль за лечением больных.

Молодой профессор Лидия Хунданова создала такой комплексный отдел. Доводы ее были столь бесспорны, что президиум Сибирского отделения поддержал бурятских исследовате-

лей. Они получили деньги, штаты, новые научные приборы. А через несколько лет, когда в отделе появились научные исследования, был приобретен опыт работы, Лидия Хунданова едет в командировку — в Индию. Она страстно надеется попасть в Гималаи, в резиденцию верховного правителя буддистов далай-ламы, где находится сегодня и центр тибетской медицины. Еще ни один советский человек, ни один официальный посланец России не был там...

* * *

— История профессора Цыбикова была мне знакома,— рассказывает Хунданова.— Санкт-петербургский профессор, бурят, как и я, был одержим мечтой добраться до святынь Тибета. Однако он не мог как официальный посланец русского царя предстать пред очами духовного главы буддистов. Цыбиков отправился в его резиденцию в одежде паломника, скрыв, что он ученый и приехал из России. А вернувшись, написал замечательную книгу о своем путешествии, имеющую большую научную ценность.

Сейчас резиденция далай-ламы находится в Дарамсале, в Индии. Больше 20 лет назад 80 тысяч тибетцев ушли из Китая, перевалили через Гималайский хребет, попросив в Индии убежище.

— И вы были уверены, что вас примут в Дарамсале, разрешат вместе с тибетскими врачами работать в госпитале?— спрашиваю я.

— Да. Ведь я ехала с самыми чистыми намерениями, с глубоким уважением к знаниям тибетских врачей, с почтением к древней культуре Индии,— просто отвечает Лидия Лукинична.— Сама я тоже к тому времени имела багаж, которым бы с удовольствием поделилась: большой опыт работы — как современный исследователь-онколог — в отличных институтах нашей страны, почти десять лет изучала в Бурятии восточную медицину. Важно было проверить свои знания на практике, узнать, по тому ли пути мы идем. Поэтому я проявляла такую настойчивость, чтобы попасть к тибетским врачам. Кроме командировки Академии наук, у меня были рекомендательные письма к далай-ламе от его наместника в Бурятии — верховного буддиста Советского Союза Хамбо-ламы, знакомого с нашей научной работой, и крупного ученого-востоковеда, члена индийского парламента, профессора Локеш Чандра. Он тоже знал о нашей работе, был нашим гостем в Бурятии.

...И вот Дарамсала, почти недоступный для европейцев, удивительно живописный городок в Гималаях, на высоте двух тысяч метров. Резиденция верховного главы буддистов мира тщательно охраняется. Дворец далай-ламы...

«Хвалю за храбрость, за настойчивость»,— говорит он хрупкой миловидной женщине, советскому профессору, и просит рассказать о Советском Союзе, о Бурятии, о которой почти ничего не знает. Она рассказывает о природе, городах, развитии науки и культуры в своей стране, о дружбе народов в Советском Союзе, о нашем интернационализме. Потом разговор переходит на медицину.

— И тут я набралась смелости и попросила разрешить мне стажироваться у личного врача далай-ламы — Еши Дондена. К тому времени я уже прочитала книги этого великолепного специалиста,— вспоминает Лидия Хунданова.— Он, улыбаясь, ответил: «Пожалуйста. Кроме того, вы можете поработать в нашей поликлинике, в госпитале». Ну, а с врачами мы нашли общий язык еще быстрее...

Не могу удержаться от любопытства, чтобы не спросить: как же выглядит верховный глава буддистов мира?

— В тот день ему как раз исполнилось сорок четыре. Красив. Высокообразован. Обаятелен. Приятный собеседник. Остроумен. Мы говорили по-английски. Поскольку о бурятах ему было мало что известно, он очень удивился, что у меня, русской, как все меня там звали, такой монгольский тип лица.

— И сколько же вы жили в Дарамсале?

— Семь месяцев. Поселили меня в отеле для монахов. Работала буквально день и ночь. Особенно я подружилась там с женщиной-врачом Долма,— вспоминает Лидия Лукинична.— Мы вместе вели прием в поликлинике. Женщины у тибетцев работают и пользуются уважением наравне с мужчинами. Я вела прием больных вместе с местным врачом в поликлинике, ходила на осмотры в госпиталь, слушала лекции Еши Дондена. И проверяла себя, закрепляла на деле знания, полученные из древних книг...

Тибетская медицина — весьма своеобразная, малоизвестная сейчас восточная система медицинских знаний с огромным арсеналом лекарственных средств естественного происхождения и физических способов лечения. Эти лекарства находятся в окружающем нас мире, они прошли испытания на миллионах людей в течение веков. Основы системы стоят на трех главных положениях. Первое: человек — дитя природы, и лечить его надо природными средствами. Для этого используются растения, минералы, металлы — словом, все, что окружает человека. Второе: любое проявление болезни — результат общих отклонений, возникших в организме. Поэтому лечат первопричину, саму болезнь, а местное ее проявление лишь облегчают.

И, наконец, третье. Болезнь лечат в первую очередь отработкой образа жизни, подбором строго индивидуального режима для каждого больного, исходя из его рода занятия, характера, положения, возраста. Так же индивидуально подбирается диета, режим питания, что является действенным средством лечения. В систему входит назначение лекарств естественного происхождения, а также физические способы врачевания: массажи, иглоукалывание, физкультура и так далее. Этическая сторона деятельности врача рассматривается этой системой как неотъемлемая часть лечебного процесса. Для современных медиков особенный интерес представляет пульсовая диагностика, установление диагноза только по биению пульса больного.

— Однако следует помнить,— продолжает Лидия Лукинична,— что развивалась тибетская медицина в значительной степени в эпоху феодализма, поэтому ей недостает естественной научной базы, она сильно подвергалась религиозно-мистическому влиянию.

...Домой Лидия Хунданова везла огромное богатство — полученный опыт, книги и триста с лишним образцов лекарственного сырья. Многие образцы были тибетскими врачами подарены Академии наук СССР. Даже кое-что из музея отдали. Видно, полюбили тибетские врачи своего советского коллегу, профессора Хунданову.

* * *

— Конечно, сделано еще очень мало,— говорит Лидия Лукинична.

Вот уже год работает она в Москве, в Научно-исследовательском институте по биологическим испытаниям химических соединений Министерства медицинской промышленности СССР. Возглавляет важнейшую лабораторию — фармакологии репаративных процессов. В значительной степени цель ее лаборатории — изучение механизма лечебного действия лекарственных средств, которыми располагает восточная медицина, в частности для лечения некоторых заболеваний желудочно-кишечного тракта.

— Все эти работы были, по существу, выполнены еще в Бурятии сотрудниками нашего отдела,— говорит она.

Я слушаю Лидию Лукиничну и думаю, какой она яркий, многогранный человек! Даже в ее внешности, застенчивом, быстром взгляде спокойных, чуть раскосых карих глаз, в манере говорить, двигаться, во всем ее облике читается столько противоречивых, казалось бы, взаимоисключающих черт. Мягкость, уступчивость — и железная настойчивость; желание как-то стушеваться, скромность, сдержанность — и отвага. Да, именно отвага врача, естествоиспытателя, человека. И сколько еще в ней скрыто от окружающих ее людей, от нее самой, сколько пока не использованных возможностей! Конечно, сорок лет, по существу, только начало работы для ученого. Главные открытия ждут ее впереди.

— А какие планы у вас на будущее?— спрашиваю я.

— Вернуться к онкологии. Но уже с новым багажом, используя все то, что узнала за время работы в Бурятии и в Индии.

...«Пора чудес прошла, и нам подыскивать приходится причины всему, что совершается на свете»...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Семен БАБАЕВСКИЙ

ГРАН

Мой старый фронтовой друг — полковник в отставке, как-то он спросил меня: «Читал ли ты роман «Годы без войны»?» Я сказал, что читал не только «Годы без войны», а почти все, написанное Анатолием Ананьевым. Тогда последовал вопрос: «А что ты думаешь о «Годах без войны» и что можешь сказать об этом романе?» Я ответил, что ко всем романам и повестям Анатолия Ананьева отношусь, если определять модным нынче словом, позитивно, то есть думаю о них положительно, с радостью, а тем более о «Годах без войны». И еще сказал, что в действующем сегодня гарнизоне прозаиков Анатолий Ананьев является одним из талантливых и умных бойцов.

Обратимся же к «Годам без войны». Первым и самым значительным, как я полагаю, достоинством нового романа является то, что он написан взволнованно. Автор перед собой поставил нелегкую задачу: не рассказать, не пересказать, а показать, как же те люди, кто выиграл величайшую битву с фашизмом, теперь вместе со своими детьми и внуками живут в годы без войны. Герои романа — это люди живые, с плотью и кровью, как раз те наши современники, которые всегда находятся рядом с нами, с кем мы каждый день встречаемся, здороваемся. И поэтому читателям совсем нетрудно узнать в этих героях самих себя. И они узнают себя, а это как раз и является самой наивысшей наградой для писателя.

«Годы без войны»— это сегодняшняя жизнь Страны Советов, ее каждодневные заботы и тревоги. Повествование простирается от Москвы, столицы великой социалистической державы, до современного села средней полосы России, где есть свои радости и свои печали, от Кремля и до сибирских просторов, где открыты залежи нефти и газа.

Второе, причем весьма важное и, я сказал бы, особенное художественное достоинство — это язык и стиль романа «Годы без войны», то есть тот строительный материал, из которого сооружено здание, и притом как сооружено — старательно, с любовью. Мой фронтовой друг говорил: «Лично мне очень нравится роман «Годы без войны», и знаешь почему?» Не дожидаясь моего ответа, продолжал: «Нравится потому, что его надобно читать внимательно, с умом. Скажем, в трамвае или в метро не читай, не раскрывай и книгу, ничего не получится. Нужна сосредоточенность».

В этом — «надо читать внимательно, с умом» и «нужна сосредоточенность» — суть и смысл стиля Анатолия Ананьева. Пишет он оригинально, по-своему. Любит слово точное, отборное, весомое, а всю фразу зримую, такую, которая полно и свободно выражала бы авторскую мысль — и самую простую, всем доступную, и мысль сложную, над которой надо призадуматься. В этой связи позволю себе лишь одну выписку как наглядный пример для тех, кто еще не читал Анатолия Ананьева. Речь о том, что одна из героинь, Анна Лукашова, вышла из дома, где она провела ночь с Митей Гавриловым, молодым художником. «Когда она, спустившись по лестнице, вышла из подъезда на улицу, был тот предрассветный час, когда чернота ночи, как будто готовясь к обо-

роне и не желая отступать перед светом, стекалась во все самые теневые углы и подступы к зданиям, и когда кирпичные стены домов, и асфальт, и камень, уже отдав к полуночи все накопленное за день тепло, дышали холодом и сыростью, и все вокруг было неприветливо, мрачно, как неприветливо, мрачно и сыро бывает между каменными глыбами, куда никогда не проникают лучи солнца».

Все здесь перед глазами, и будто бы у подъезда стоит не Анна Лукашова, а я, читатель, и ее взглядом вижу раннее городское утро. Оно показано широко, просто и ярко, и нужные к делу детали («чернота ночи, как будто готовясь к обороне», «кирпичные стены домов, асфальт и камень, уже отдав к полуночи все накопленное за день тепло, дышали холодом и сыростью») так высвечены словами, как можно их высветить разве только красками, да и то лишь в том случае, когда краски находятся в руках талантливого живописца.

У Анатолия Ананьева налицо свой литературный почерк. В самом синтаксисе автора, в том, в каком порядке он расставляет нужные ему слова, лежат основательность и достоверность. К слову он относится ревностно, по-хозяйски заботливо. Все, о чем повествует он так нарочито не спеша и так нарочито пространно, снизу и доверху пропитано этой достоверностью и этой основательностью.

В «Годах без войны» Анатолий Ананьев чаще, нежели в других своих работах, обращается к метафоре, простой или сложной, и обращается именно там, где необходимо что-то выделить, что-то показать крупным планом. Когда главный герой романа Сергей Иванович Коростылев после смерти матери и неожиданного ухода из дому любимой дочери в подавленном настроении уезжает с больной женой в деревню, к своему шурину, чтобы там пожить и отдохнуть, автор, желая выразить душевное состояние Коростылева, пишет: «...он постоянно видел вокруг себя разбросанные хрусталики того огромного и целого, что составляло его жизнь и было уронено и разбито, и хрусталики эти, как он ни старался хотя бы мысленно собрать их, снова и снова оказывались на том месте, как он увидел их в первую минуту несчастья». Эти разбитые хрусталики «наполнили теперь купе и каждый раз, как только вспыхивала молния, отсвечивали холодным и вызывавшим тревогу блеском», и затем эти разбитые хрусталики, как рефрен в песне, повторяются в других местах.

другой наговорит, наговорит, а ночевать не хочет оставаться в деревне, подавай ему машину по меньшей мере хоть до райцентра».

Замечу кстати: интеллигенты в «Годах без войны», то есть люди городские, образованные, имеющие дело не с землей и не с мартенами, а с искусством и наукой, обычно пользуются языком еще более сочным, еще более, я сказал бы, **своим**. Они говорят охотно, думают еще охотнее и этим раскрывают свои души, те заветные тайники, которые всегда бывают скрыты от постороннего глаза.

Весьма примечательным в этом отношении является некий Афанасий Юрьевич Куркин, искусствовед, человек в общем-то пустой, что-то вроде пузыря, но, как говорится, с гонором и с раздутой до крайности популярностью. Для Куркина автор отыскивает такие краски, такие тона и оттенки, которые делают этого искусствоведа то напыщенным гусаком, то жалким и смешным. С нескрываемой иронией автор показывает, как Афанасий Юрьевич одним лишь характерным поворотом своей тяжелой головы дает понять поклонникам и поклонницам, что́ ему, Куркину, нравится и что не нравится, чем он в данную минуту доволен и чем недоволен, и все ахают, удивляются этому его странному и такому выразительному повороту головы. Как все недалекие люди, Куркин любит повторять банальные истины об искусстве, да и вообще искусство для него является не просто темой для разговора, а своеобразным «пространством, как для Колумба океан, по которому можно плыть и плыть...».

Точно так же сами себя раскрывают и супруги Мещеряковы — доцент Илья Федорович и его бойкая, чрезмерно деятельная жена Надежда Аркадьевна... Видное место в романе занимает ученый Арсений Иванцов, человек трагической судьбы, фигура сложная, противоречивая. Он и убийцей стал, как сам же признался на следствии, исключительно потому, что хотел раз и навсегда искоренить из жизни зло.

Рядом с Куркиным, Мещеряковыми, Арсением Иванцовым особняком стоит благородной души юноша из Пензы, талантливый и еще не ставший прочно на ноги живописец. Многолет Митя пишет ярко выраженную антивоенную картину, замысел которой и уже сделанные эскизы никто не может понять. Митя же уверяет всех, что после того, как это полотно будет завершено и люди как бы воочию увидят ужасы войны, на земле воцарятся мир и благоденствие. Образ Мити Гаврилова еще одна удача Анатолия Ананьева.

дится встречаться в самых неожиданных местах и при самых необычных обстоятельствах. И всюду, к чему бы автор ни обращался — будь то личная жизнь героев, большая радость одного, скажем, Дементия Сухогрудова, или страшное горе другого, например, Арсения Иванцова,— всегда на помощь Анатолию Ананьеву приходят эти искры мастерства. Писатель мастерски высвечивает и какие-то детали из жизни и быта современной советской интеллигенции, и какие-то мелкие события, допустим, выставку художников-абстракционистов, устроенную на квартире у бездарного художника Родиона Ермакова, вечер в доме профессора Лусо.

Они же, эти всевидящие искры, показывают нам, как и для чего к лопнувшим на ладонях водяным мозолям прикладывают лист подорожника, как пахнут травы, чем отличается сенокос нынешний от сенокоса прошлого. Тот же свет мастерства еще больше помогает автору в массовых сценах. Это и торжественное заседание во Дворце съездов, куда были приглашены со всей страны знатные хлебопашцы, в их числе и Терентий Мальцев, так сказать, живой и здравствующий герой романа, и торжество это показано писателем во всех характернейших подробностях.

Это и всенародная скорбь в час захоронения у стен Кремля останков Неизвестного солдата — картина величественная и запоминающаяся. Бывшие защитники Москвы стояли в центре площади, у трибуны, и Наташа, держа в руках принесенный из дому вязаный теплый шарф, направилась к ним. Она действовала решительно, пробилась не только сквозь толпу, а и сквозь стоявших цепочкой солдат, отыскала среди ветеранов войны одного безрукого воина — это был ее отец, полковник в отставке. Счастливая и тем, что видит отца в рядах ветеранов, и тем, что как раз выпал случай помириться с ним, Наташа, боясь, как бы отец не простудился, бережно и участливо шарфом повязала ему шею и обняла.

Достоинства — это понятно, они очевидны. А как же с недостоинствами, то есть с недостатками? Есть они у Анатолия Ананьева или их нет? Разумеется, есть. Как же без них, без недостатков? Да и кто же из нас их не имеет? Разве только тот счастливец, кто вообще никогда не прикасался к чистому листу бумаги.

Известно, например, что некоторым не нравится сама манера письма Анатолия Ананьева, ибо они любят фразу короткую, рубленую, как хорошо поколотые дрова, и фраза объемная, так сказать, увесистая, которую не прочитаешь с ходу, им кажется непривычной, неудобной. Так же им не по душе усложненные фразы с длинными периодами, не нравится даже то, что на странице и даже на двух не встретишь ни одной красной строки.

И МАСТЕРСТВА

Люди в «Годах без войны» говорят образным и характерным только для них языком. Среди других выделяется колхозный бригадир Павел Лукьянов, труженик, каких поискать, мужчина немногословный, знающий себе цену, на жизнь смотрящий «со своей колокольни» и с той же своей высоты рассуждающий о ней.

Как просто, по-крестьянски ясно и убедительно и вместе с тем опять же по-своему мудро возражает он своему зятю — горожанину Сергею Ивановичу. «Если принять твои рассуждения за правду,— говорил Павел Лукьянов,— то выходит, что дети колхозников, наши дети, должны оставаться в деревне, потому что здесь ах как хорошо, и хлеба по грудь, и травы, и человек меньше испорчен, нравственно чист, говоря по-книжному, а дети академиков пусть остаются там, при своих академиях, потому что там хуже, ни лугов, ни пашен, ни нравственной чистоты». И далее Павел Лукьянов продолжал: «Кабы так-то. А то у нас: что ни из города, то и восторгов воз, а ведь

Есть еще одна весьма примечательная особенность таланта автора романа «Годы без войны», и относится эта особенность тоже к языку и стилю — умение при помощи слов в обычном, будничном показать нам что-то неординарное, что-то праздничное. Прибегая к несложной метафоре, эту особенность таланта лучше всего сравнить с электрическими проводами, которые постоянно находятся под высоким напряжением, и поэтому всякий раз, когда такие провода прикасаются к какому-то предмету, то тут же вспыхивает та самая искра, которая и помогает нам, читателям, увидеть в озаренном вспышкой обыкновенном что-то необыкновенное, удивляться и радоваться этому увиденному. Назовем эти искры мастерством писателя.

«Годы без войны»— полотно огромное, в нем — вся Россия с ее мужественными и талантливыми людьми. Героям романа прихо-

Один мой знакомый романист так, интереса ради, даже пробовал ананьевскую фразу, широкую и просторную, сделать покороче, пообрезать ее со всех сторон. Ничего путного у него из этой затеи не вышло. И тогда он сам мне сказал, что то, что кому-то кажется недостатком, на самом деле является достоинством, и что для Анатолия Ананьева такие удлиненные периоды органичны.

Говорят, что автор романа «Годы без войны» в своем творчестве идет от Льва Николаевича Толстого. Так это же прекрасно! И прекрасно то, что в России у нас писателям есть от кого идти, что подтверждает своим творчеством Анатолий Ананьев.

АНАТОЛИЙ КАРПОВ: НЕ

На вопросы корреспондента «Огонька» Виталия ЗАСЕЕВА отвечает трехкратный чемпион мира Анатолий КАРПОВ.

— Как вы думаете, Анатолий Евгеньевич, могло бы случиться так, что юный Толя Карпов прошел мимо шахмат, а следовательно, не стал бы и чемпионом мира?

— Вполне. Если бы мой отец, возвращаясь с работы, садился не за шахматный столик, а принимался «забивать козла» — шахматы наверняка прошли бы мимо меня. Вы заметили: дети любят копировать отцов? Присмотритесь к пятилетнему мальчишке. Он и с матерью-то разговаривает, как папа, и руки в карманах держит, как хозяин дома, и походку подлаживает на отцовский манер. В этот момент, я думаю, и надо завоевывать собственного сына.

Так вот, когда отец, человек в общем-то суровый, но справедливый, приходил с завода и, пообедав, садился за шахматы, я пристраивался возле стола и с увлечением разыгрывал выбывшими из игры фигурами целые сражения. Потом отец показал ходы, и шахматы перестали быть для меня детской забавой. Когда постоянный партнер отца задерживался, мы садились играть друг против друга. Отец всегда играл на полном серьезе, и если я допускал «зевок» — самолюбия моего не щадил. Мне очень хотелось доказать ему, что я не «слабак», и я часами напролет сражался со всеми, кто пожелает. Шло время. В первом классе я уже довольно легко обыгрывал старшеклассников. Порой доставалось и отцу, хотя, признаться честно, выигрывать у него я не всегда решался.

— И что же было дальше?

— Потом руководитель кружка Алексей Иванович Пак разрешил мне в порядке исключения посещать шахматную комнату Дворца спорта металлургического завода. А вскоре отправил меня в «командировку» — защищать честь сборной завода. В те годы товарищеские встречи между рабочими коллективами проходили на тридцати, сорока и даже пятидесяти досках, а в составы команд включались и юные шахматисты. Это во многом способствовало популяризации шахмат среди подростков. Представляете состояние первоклассника, которому поручено защищать честь рабочего коллектива, где трудятся и отец, и мать, и друзья их дома. Прекрасное было время.

— И тем не менее ваши детские годы, кажется, не были усыпаны лепестками роз?

— Что верно, то верно. Когда мы жили в Златоусте, отец учился в Москве, и нам приходилось чуть ли не на четверых делить его скромную стипендию. Тогда же мама испортила себе зрение, ночами подрабатывая шитьем. Но когда отец, закончив Московское высшее техническое училище имени Баумана, вернулся в Златоуст и получил должность главного инженера завода, мы с сестрой зажили безбедно.

— В детстве у каждого бывают случаи, когда, защищая собственную честь, приходится засучивать рукава.

— А я редко участвовал в драках. И хотя сам никогда не сколачивал никаких групп, постоянно находился в окружении одноклассников. Поэтому с вызовами в мой адрес редко кто отваживался выступать.

— В немалой степени росту вашего авторитета у сверстников, должно быть, способствовало шахматное дарование?

— Не думаю. Я всегда был своим в компании. Успевая в школе, охотно помогал ребятам. Не раздумывая, участвовал в самых шумных играх. Чего никогда не терпел, так это скандалов. Поэтому, если возникала ссора, старался исходить из логических принципов в решении спора. Ну, а уж коли доводы не действовали, тоже засучивал рукава. К сожалению, в жизни не всегда удается избежать столкновений.

— Что вам запомнилось из детства, с чем и сегодня не хотелось бы расставаться?

— Я всегда с благодарностью вспоминаю ту атмосферу всечеловеческого доверия и тепла, которая существовала между людьми вскоре после войны. Хорошо помню, как по вечерам к нам на чашку чая и домашнее стряпанье приходили друзья родителей. Они собирались чуть ли не каждое воскресенье, но, боже упаси, никому и в голову не приходило в то время ставить на стол выпивку. Гости и хозяева пили чай, обменивались новостями, пели песни. Мужчины играли в шахматы. А нынче наша великолепная русская традиция вечернего чаепития исчезает бесследно. Теперь, если перед гостями не выставишь «пшеничную» или коньяк, это воспримется чуть ли не как личное оскорбление. Я и сам не против хорошего вина по торжественным случаям. Но когда за столом властвует принцип «открыта — значит допита», это огорчает. Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос, но именно эти воспоминания детских лет оживил он в моей памяти.

— Вы стали трехкратным чемпионом мира, многое познали в этой древней игре. Скажите, Анатолий Евгеньевич, формированию каких качеств человеческого характера способствуют шахматы?

— Шахматы учат целеустремленности и выдержке, стойкости и упорству, самокритичности и выносливости. Они развивают изобретательность и воспитывают самостоятельность мышления. Одним словом, помогают человеку приобретать навыки, необходимые как для трудовой деятельности, так и для жизненной борьбы. Выдающийся шахматист прошлого, чемпион мира Александр Алехин признавался, что посредством шахмат воспитал свой характер. Шахматы прежде всего учат быть объективным, говорил он. В шахматах можно стать большим мастером, лишь осознав свои ошибки и недостатки. Совершенно так же, как в жизни.

— Выносливость, максимальная сосредоточенность на достижении цели... Все это прекрасные качества. В таком случае непонятно, Анатолий Евгеньевич, как могут, скажем, феноменальный Михаил Таль, цельный и универсальный в своем мастерстве Борис Спасский, неколебимо устойчивый Петросян, наконец, сам Анатолий Карпов — «эталон шахматного всевидения» да и другие сильнейшие гроссмейстеры мира вдруг, ни с того ни с сего, в выигрышной для себя позиции просмотреть несложную комбинацию с потерей фигуры или, хуже того, из пяти различных ходов, обеспечивающих победу, сделать единственный, нелогичный ход, ведущий к поражению?

— Скорее всего, я думаю, что в тот момент у одного из играющих не выдерживают нервы. Если вы заметили, все «зевки» происходят у маститых, как правило, не в первый, не во второй час игры, а после многотрудного драматического единоборства за шахматной доской. Вот тогда-то и рождается непонятный импульс сделать очередной ход побыстрее... в ущерб самому себе.

— Как вы знаете, есть немало желающих объяснить это гипнотическим воздействием одного из играющих на соперника. Кстати, во время финального матча с Корчным в 1974 году, когда ваш оппонент впервые прибег к помощи парапсихолога, вы молниеносно отреагировали. Он, что, мешал вам сосредоточиться?

— Отнюдь. Играя, я порой люблю поглядывать на зрителей. В один из дней, сражаясь белыми фигурами и сидя лицом к ложе, где собрались болельщики Корчного, я обратил внимание на человека, который неотрывно смотрел в мою сторону, словно хотел «распилить» меня взглядом пополам. Я без труда подметил, что мой визави ни разу не отвлекся на демонстрационную доску и что его глаза, увы, не выражают и намека на глубину мысли, которая обычно легко читается во взгляде подлинного ценителя шахмат. Вот тогда-то мне и объяснили, что это нанятый Корчным «гипнотизер», которому поручено смутить мое спокойствие. После этого я забыл о его существовании.

— Но вы, конечно, знаете, как много сторонников телепатии, телеэстезии. Вы ведь и сами как-то признавались, что в матчах, примерно с третьей или четвертой встречи, начинаете не только ощущать настроение противника, но и можете угадывать его мысли, направление, в котором они работают.

— Это — совсем другое дело. Я с уверенностью думаю, что еще далеко не все тонкости человеческого организма изучены наукой, его постигающей. Ведь свойства материи неисчерпаемы. Может быть, передача мысли на рас-

ТОЛЬКО О ШАХМАТАХ

стояние и ее восприятие с определенной дистанции, о которых вы только что говорили, как раз и есть проявление одного из таких, еще не познанных свойств живого. Но то, что может происходить гипнотизирование за шахматным столом,— в это я абсолютно не верю.

— Тогда как вы объясните инцидент, происшедший во время поединка между Талем и Бенко, когда, проиграв советскому шахматисту несколько партий, соперник публично заявил, что Таль использует против него свои гипнотические способности?

— Бенко — странный человек. Во встрече с Талем ему не помогли даже черные очки, которые он демонстративно надевал, садясь за шахматный столик. Я уверен, что надо уметь побеждать не только соперника, но и причуды собственного характера. В шахматах, как и в жизни, случается, что присутствие одного человека начинает отрицательно сказываться на другом. Ученые объясняют это психологической несовместимостью. И если в жизни можно избежать подобных контактов, то в шахматах, хочешь не хочешь, а приходится садиться за один столик. Глигоричу, к примеру, долгое время не нравилось, что во время игры я посматриваю в его сторону. Верно, это началось после того, как «легенда югославских шахмат» проиграл мне черными три испанские партии подряд. Светозар большой и всеми признанный знаток «испанских дуэлей» и, как правило, больше одной в течение года никогда никому не проигрывал. А тут вдруг три кряду! Потом все утряслось. Наши отношения установились. Так что дискуссии о гипнозе за шахматным столиком не более как оправдания слабонервных.

— В шахматах вы сравнительно редко попадаете в цейтноты. А в жизни?

— Почти не вылезаю из них. Хронически не хватает суток. Если бы можно было, расходуя собственное время, останавливать его, как в шахматах.

— А я был уверен, что уж у вас-то, Анатолий Евгеньевич, есть какой-то особый организующий принцип жизни.

— С чего вы взяли? Шахматист всего лишь человек, и ему присущи те же слабости, которыми наделен любой.

— И все же?

— Прежде, составляя план, я стремился выполнить все, что задумал. Теперь из намеченного, скажем, на неделю, отбираю самое главное и стараюсь доводить до конца.

— Что вам не нравится в самом себе?

— Если говорить честно, больше всего — недостаточное умение глубоко разбираться в людях с первого взгляда. Потом, в процессе общения, я быстро «вылавливаю» погрешности характера тех, кто меня окружает. А вот на самом начальном этапе знакомство это не всегда удается. Для меня, между прочим, очень важно уметь отделить тех, кто со мной только потому, что я чемпион мира и гроссмейстер, от тех, кто истинно болеет за меня и является настоящим другом.

Меня огорчает собственная неприспособленность к отдыху в свободное время. Пробовал я бывать в санаториях, пансионатах, и все без толку. Через три дня я начинаю томиться бездельем, и весь мой отдых идет насмарку. Мне кажется, неумение отдыхать — это наша национальная особенность. Мы привыкли много работать и в этом видим радость жизни. По крайней мере у меня это так бывает. Есть и другие недостатки, о которых я знаю, но умолчу с надеждой и уверенностью, что вскоре избавлюсь от них.

— Вы как-то признались, что найти друга не так-то просто, а тем более шахматисту. Что вы имели в виду?

— Из-за частых поездок на турниры мы редко засиживаемся дома и на общение с друзьями времени остается меньше, чем хотелось бы. Но я могу повторить за Вольтером, что все почести этого мира не стоят одного хорошего друга.

— У вас репутация оптимиста. Что может вывести вас из равновесия?

— Несправедливость. Несправедливость во всем ее многообразии. Меня возмущает, когда бездарный, но более ловкий, расшвыривая локтями всех и вся, занимает место талантливого и тем самым наносит непоправимый вред общему делу. Когда прихвостни, используя лесть, добиваются преимущественного права перед теми, кто говорит хоть горькую, но правду. Когда глупец судит умного, а жулик потешается над честным. Достоевскому принадлежат слова о том, что высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее. И я, как оптимист, всегда верю в неминуемое торжество справедливости.

— Во время одной из встреч с журналистами вы сказали: «Шахматы — это моя жизнь, но моя жизнь — это не только шахматы...» Чем вы увлекаетесь в свободное время, кроме филателии?

— Люблю драматический театр, охотно бываю на концертах, на вернисажах,— правда, реже, чем хотелось бы, но стараюсь не пропустить основных событий культурной жизни.

— Однажды я видел вас в театре на Таганке. Как вы относитесь к творчеству этого коллектива?

— Вы знаете, я всегда против, когда о тонкостях шахматной игры берутся судить люди, едва умеющие передвигать фигуры. Поэтому считаю непозволительным для себя давать оценку творчеству целого театрального коллектива. Могу только сказать, что традиционный театр, такой, как МХАТ, мне ближе.

— У вас неплохая библиотека, хотя, судя по книгам, собирать вы ее начали недавно. Кому из писателей вы отдаете предпочтение?

— Предпочитаю классиков. Недавно, в который раз, перечитал «Евгения Онегина» и многое открыл для себя впервые. Люблю возвращаться к Льву Толстому, Чехову. Но, пожалуй, больше всего люблю Лермонтова. Его романтические поэмы — подлинные жемчужины мировой литературы.

— Среди коллекций ваших пластинок немало дисков с записями песен Высоцкого.

— Я всегда восхищался умением Владимира Высоцкого достигать в своих песнях священной глубины мысли. Его военная лирика, как мне кажется, всегда звучала гражданственно и актуально. Что касается исполнительской манеры, она, по-моему, была несколько однообразна.

— Скажите, Анатолий Евгеньевич, существует ли для вас проблема одиночества?

— Нет. Я думаю, что по-настоящему увлеченный человек не бывает одиноким. У него всегда найдутся единомышленники, люди, которые будут готовы оказаться с ним рядом в любую минуту. Поэтому я считал и считаю, что надо уметь увлекаться чем-то по-настоящему серьезно. Это может быть не только любимая профессия. Это может быть спорт, туризм, нумизматика, наконец, общественная работа, которая, кстати, делает человека более коммуникабельным.

— Наиболее уважаемая вами профессия?

— Врач. Самая древняя, самая гуманная и нужная всем. В детстве я был болезненным ребенком, и врачи — спасибо им — не однажды приходили мне на помощь.

— Вы не раз говорили, что любите путешествовать.

— Конечно. Путешествия не только расширяют кругозор, обогащают новыми впечатлениями, но и помогают сравнивать увиденное с тем, что родилось в воображении после прочитанных книг, услышанных рассказов бывалых людей. Читая Сервантеса, например, я несколько иначе представлял себе маленькие испанские города. Но вот побывал в этой стране, поездил по ней и прямо-таки влюбился в их своеобразие, колорит, непохожесть на все то, что видел до сих пор. Может быть, столь острого впечатления и не возникло бы, не ощущай я повсеместно какого-то особого радушия и тепла к нам, русским людям, со стороны испанцев. Почти в каждом городе, где я бывал, мне встречались собеседники, которые хорошо помнят, какую неоценимую помощь оказал их детям Советский Союз в трудное для них время. Многие из тех, кто вернулся на родину из Советского Союза, до сих пор хорошо говорят по-русски, и мне, знающему только английский язык, не составляло никакого труда отвечать на многочисленные вопросы о жизни нашей страны во время стихийно возникавших пресс-конференций прямо на улицах.

— В скольких странах вы успели побывать?

— Одно время я вел дневник и записывал туда каждую свою поездку — будь то по стране или за рубеж. Потом мне это показалось лишней тратой времени, и я стал полагаться на память. Хотя абсолютно уверен, что допускаю непоправимую ошибку. Но сегодня я еще легко восстанавливаю в памяти, где бывал: все страны социалистического содружества, Япония, Сингапур, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика, Пуэрто-Рико, США, Канада, Швеция, Италия, Франция, Англия, ФРГ, Испания, Голландия, Бельгия, Сенегал, Филиппины... Одним словом, набирается около тридцати государств. Во многих из них я бывал по нескольку раз. Так что, как видите, на месте мне подолгу редко приходится сидеть.

— И последний вопрос, Анатолий Евгеньевич, снова о шахматах. Кого из сильнейших гроссмейстеров вы бы назвали основным претендентом на право оспаривать у вас звание чемпиона мира?

— В мировых шахматах сейчас выше других котируется Ян Тимман из Голландии. И не только потому, что он занимает второе место в классификации ФИДЕ за минувший год. Тимман честолюбив, изобретателен, агрессивен. Кстати, ему удавалось выигрывать у меня в ответственных турнирах. Не исключено, что в числе претендентов могут оказаться Портиш, Ларсен, Андерсен, Рибли и персонально допущенные к этим соревнованиям участники финального матча претендентов последнего цикла Хюбнер и Корчной. Конечно же, сильны еще и наши «ветераны»: Таль, Спасский, Полугаевский, Петросян, а также шахматисты среднего поколения — Ваганян, Белявский, Балашов и самые молодые — Каспаров, Псахис, Юсупов.

Вообще справедливо говорят, что прогнозирование в спорте — занятие неблагодарное. Поэтому лучше подождем с ответом на этот вопрос хотя бы до окончания межзональных турниров.

М. ГРИНЕВА

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Может быть, ни в чем так не видны успехи всеобщего просвещения, как в интересе к культурному прошлому. Мы являемся свидетелями того, как со всех концов страны люди едут в Кижи или во Псков, стоят в очередях, чтобы увидеть новонайденные портреты из Солигалича. В Аутке работники музея всерьез опасаются за лестницу чеховского дома. И все рвутся в Ясную Поляну, Тарханы, Канев, Карабиху, Шахматово, наконец, в Михайловское, к Пушкину. Потому что, как и он, не хотели бы «иметь другую историю, кроме истории наших предков».

Утолению этой общей жажды призван послужить выход в свет первой в нашей стране персональной энциклопедии — Лермонтовской. Как бы ни была обширна литература о Лермонтове, и научная и популярная, энциклопедия — это уже нечто совсем иное. Качественно иное. Свод современных знаний о Лермонтове, распространенный в количестве 150 тысяч экземпляров,— вот что такое энциклопедия. И знаний, о научном уровне которых говорит список авторов и состав редакционной коллегии (главный редактор В. А. Мануйлов, члены редколлегии И. Л. Андроников, В. Г. Базанов, А. С. Бушмин, В. Э. Вацуро, В. В. Жданов, М. Б. Храпченко). Значит, пришло время для таких изданий! И совершенно очевидно, что лермонтовский том — лишь первый в ряду, тем более что, кроме солидного мирового опыта — за рубежом существуют, например, энциклопедии, посвященные Данте, Шекспиру, Гете, Диккенсу,— составители смогут использовать теперь и опыт этой первой, Лермонтовской.

С волнением берешь в руки книгу с профилем поэта на обложке. Ибо верно сказал Андроников в своем взволнованном вступительном слове: «Через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека — грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, язвительного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделенного могучими страстями и волей и проницательным беспощадным умом».

С портретов работы неизвестных художников смотрит на нас отец поэта, отставной капитан Лермонтов, его кроткая жена и властная теща, знаменитая бабушка Арсеньева. Здесь, на страницах цветной вкладки, они наконец мирно сошлись вместе. И с ними маленький Мишель в детском платьице. Листая том, мы еще не раз увидим его: и в красном гусарском ментике, и в цивильном сюртуке, и в мундире пехотного полка. В книге приведены почти все прижизненные портреты Лермонтова — крупно, в красках. Все они знакомы, но собранные вместе дают возможность сравнивать, размышлять, «искать» своего Лермонтова.

С таким же пристальным вниманием, как в самого поэта, мы вглядываемся в лица друзей и недругов, знакомых, женщин, чьи черты угадываются нами в княжне Мери, Вере, Нине Арбениной...

Никого не оставит равнодушным впервые полно представленная на схеме лермонтовская родословная, ведущая свое начало от Георга Лермонта и насчитывающая 234 имени. А из статьи «Род Лермонтовых» любознательный читатель узнает, что есть реальное свидетельство о предке поэта, служившем в XI веке шотландскому королю Малькольму III и получившем в награду поместье Дарси. Однако еще увлекательнее, чем генеалогическое древо, летопись жизни и творчества, приведенная в конце книги, и множество содержательных статей биографического характера. Рассказ о том или ином эпизоде жизни Лермонтова или о людях, его окружавших, подчас очень сжат. Но самый отбор имен и фактов исполнен значения.

Вот маленькая статья о докторе Арендте. Лейб-медик Николая лечил смертельно раненного Пушкина и тогда же, в конце января 1837-го, рассказывал о его дуэли и смерти заболевшему Лермонтову. Тонкая нить связала двух великих поэтов. И это в дни, когда писалась «Смерть поэта».

А два незначительных лица, которым довелось сыграть столь роковую роль в истории российской литературы, тоже связаны между собой. Убийца Лермонтова Мартынов служил в том же кавалергардском полку, что и Дантес, и в одно время с ним. Аттестация Мартынова, данная современниками и приведенная в книге: «красивый, но незначительный молодой человек, обманувшийся в надеждах на быструю военную карьеру,.. всегда озабоченный успехами у женщин» — вполне может быть отнесена и к Дантесу. И с естественной горечью читаешь приведенную в томе цитату из письма сослуживца Лермонтова: «Несчастная судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти».

Лермонтов... Каков должен был быть труд ученых, сумевших с такой полнотой воссоздать для нас его жизнь, личность и творческий облик. Воистину это под силу не одному, не группе, а только всем лермонтоведам в совокупности. Именно так делалась энциклопедия. Собственно лермонтовская «география», в общем, обычна для русского литератора его времени: имение в глубине России, Москва, Петербург, опальный Кавказ — дорога Лермонтова, но похож был и путь Грибоедова, Пушкина, Бестужева, Александра Одоевского... Зато необычна другая география: статьи энциклопедии написаны талантливыми исследователями из Пензы, Саратова, Тарту, Пятигорска, Тамбова, Тбилиси, Иркутска, Ашхабада, Казани... Так разрослась сегодня вширь литературоведческая наука.

Впрочем, почему только литературоведческая? Хотя Лермонтов и был поэт по преимуществу, «знал одной лишь думы власть — одну — но пламенную страсть», но в его время блестящий дипломат, едучи послом на Восток, оставлял потомкам бессмертную комедию и прелестный вальс; лучший русский поэт являлся одновременно выдающимся историком, публицистом, редактором, графиком. Лермонтов был незаурядным художником. Статья Н. П. Пахомова о живописном наследии поэта, иллюстрированная рисунками, акварелями и картинами, раскрывает нам эту вторую сторону творческой личности Лермонтова. А в статье А. Гозенпуда «Музыка и Лермонтов» исследуется, как «музыка и вызванные ею впечатления разными путями входили в художественное сознание Лермонтова, становясь неотъемлемой частью его творчества».

Эта мысль, высказанная по частному поводу, является основополагающей для составителей энциклопедии. Как бы общо ни звучали названия некоторых статей — «Психологизм», «Натуральная школа», «Комическое»,— материал в них достаточно конкретно связан с творчеством Лермонтова. Анализ литературного наследия поэта составляет суть вышедшего труда. В нем есть статьи обо всех известных нам произведениях Лермонтова. Уложенные в относительно жесткий костяк обязательной для справочного издания схемы: время создания, проблематика, художественные особенности, оценка критики, дальнейшая жизнь произведения в музыке, живописи, на сцене, в народном творчестве, наконец, место хранения автографа и библиография — эти статьи и заметки достаточно разнообразны и оригинальны уже в силу разноликости их авторов.

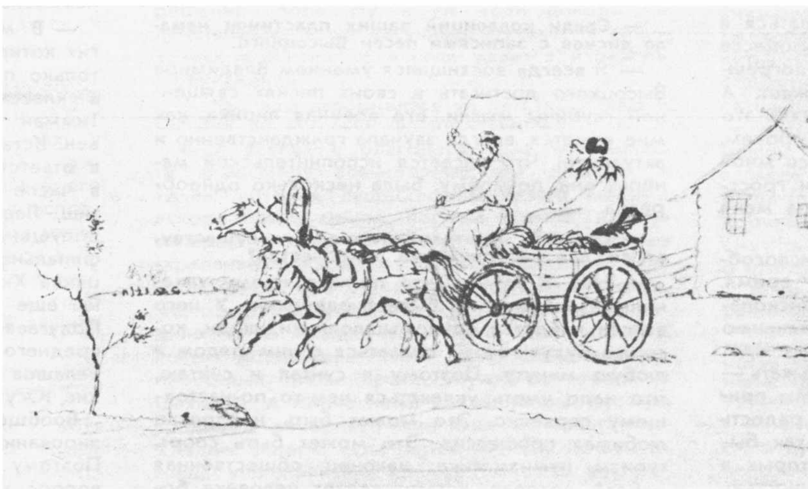
Однако здесь составителей издания подстерегла трудность. Энциклопедия адресована всем и в то же время специалистам. Коекому из авторов не удалось удержаться на грани простоты и доступности изложения. Скажем, заинтересовавшись анализом одного из лучших стихотворений поэта — «И скучно и грустно...», читатель будет плутать среди усложненных словесных конструкций вроде следующей: «Клубящаяся и неоформленная «материя» души откристаллизовалась в несопрягаемой крайности двух полюсов — утверждающего и отрицающего» (?). Едва ли такой стиль уместен в энциклопедическом издании. О самом «специальном» и сложном можно говорить ясно и просто. Примеры этого дает сама Лермонтовская энциклопедия.

В ней очень повезло поэтике Лермонтова. Интересна статья о стихе, перебрасывающая мост из XIX века в XX, ибо, как известно, Лермонтов начинал «как реформатор с ломки канонов», и отголоски этой ломки мы находим в стихах Блока и многих наших современников. Эту статью уместно дополняет словарь лермонтовских рифм. Еще один словарь подарили читателю математики из Горького — частотный, удивительное исследование вместе языка Лермонтова и языка эпохи. В числе тысячи слов, наиболее употребительных у Лермонтова, в первом ряду «любовь» (605 раз), «друг» (428), «счастие» (301), «надежда» (263). Как он все-таки еще был молод!

А рядом с ними — «слово» (542), «мысль» (306), «мир — вселенная» (278), «власть» (105), «свобода» (83). И каким глубоким и зрелым был его ум! Частотный словарь Лермонтова продолжает традицию, открытую словарем языка Пушкина под редакцией В. В. Виноградова, и указывает плодотворный путь работающим над языком нашей классической литературы.

О творчестве Лермонтова в книге говорится подробно и много, но в этой «персональной» энциклопедии нет стремления рассматривать творчество художника изолированно; напротив, оно поставлено на подобающее ему место в историко-литературном процессе. Отчетливо прослеживается, например, роль Лермонтова в становлении русской прозы. «Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов» (А. Толстой). Внимательный читатель может добавить к этому ряду и много других, и не только русских, имен. Столь далекий на первый взгляд от Лермонтова писатель, как Джеймс Джойс (статья о нем есть в энциклопедии), признавался в одном из писем: «Я знаю лишь одну книгу, похожую на мою («Стивен герой». — М. Г.), это — «Герой нашего времени»... есть сходство в замысле, в заглавии, а порой и в язвительной трактовке». Такова мощь таланта Лермонтова и сила его влияния!

Энциклопедия не относится к числу книг, которые по прочтении навсегда ставят на полку. Ее читают постоянно, читают всегда, к ней прибегают как к надежному источнику знания. Уровень лермонтовского однотомника позволит ему играть эту роль.

Тройка, выезжающая из деревни.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

Ю. Кугач. Род. 1917. ВЕСНА. СИРЕНЬ. 1981.

А. Кирчанов. Род. 1919. ТЕЛЕУТКА С ТРУБКОЙ. 1978.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. Пинкисевича

Разговор с Москвой о продолжении декады на Западе состоялся ранним утром. На этот раз Костров позвонил самому председателю объединения. Тот поддержал его.

— Организуйте и подготовьте все, что необходимо. Срок командировки продлим.

Андрей спросил, может ли на открытие приехать делегация кинодеятелей.

— Да.— Председатель назвал постановщика и двух известных артисток.— Вам направили копию только что снятого фильма. Покажите его владельцам прокатных фирм и доложите о результатах. Переговоры нужно завершить до отъезда из Канады.

Костров положил трубку и задумался. Работы прибавилось: помимо декады, ему предстояло еще провести переговоры о продаже фильма. Андрей видел его перед отъездом в Канаду и понимал: продать такую картину будет нелегко. Сделанная талантливо и правдиво, она была гимном русскому солдату, его подвигу в минувшей войне, преданности Советской Родине. «Даже Майкл Розз может отказаться от ее проката»,— подумал Костров.

В девять часов утра Андрей был в офисе фирмы. Мэри на работу не вышла. Он привык уже к ее помощи в делах и подумал с сожалением: «Очевидно, расторгла контракт».

— Мистер Костров, я положила вам на стол извещение о прибытии груза и телекс из Москвы,— сказала Энн.

В извещении сообщалось о том, что на его имя прибыл груз, который он может получить в аэропорте Дорваль с девяти утра до пяти вечера ежедневно.

В телексе русские слова были напечатаны латинскими буквами, что всегда вызывало у Кострова улыбку. «Делегация прилетает рейсом Аэрофлота 7 мая. Обеспечьте гостиницу. Один мужской, два женских. Санин».

«Легко сказать «обеспечьте»,— подумал Костров. Это была не простая задача. В Канаду на летние месяцы приезжало большое количество туристов из Соединенных Штатов, Мексики и даже из Южной Америки. Кроме того, следовало известить прессу, уточнить программу работы делегации в дни декады и, главное, совместно с режиссером провести переговоры о продаже фильма. Каждое звено в этой цепи было необходимо и важно. Ничто не подавалось сокращению.

Костров развернул газету и отыскал телепрограмму. По второму каналу в восемь часов тридцать минут вечера выступал Здислав Пшебыльский.

До полудня время прошло незаметно. Андрей позвонил в посольство, затем договорился о встрече с администратором гостиницы и попросил Майкла поговорить с хозяином отеля. Незадолго до двенадцати, когда Костров уже собирался выезжать в фирму, зазвонил телефон.

— Добрый день. Я могу быть вам полезна? — спросила Мэри хрипловатым голосом.

— Да,— сказал он обрадованно.— Приезжайте сейчас к Роззам.

...Мэри стояла перед шкафом и листала бумаги в какой-то папке, когда Андрей вошел в офис. Она обернулась и посмотрела на него. Еще не прошло и двух суток со времени их объяснения, а Мэри очень изменилась: взор погас, под глазами — синие тени. Косметика не могла скрыть следов слез и бессонницы, а может, мисс Фергюссон это было безразлично.

Кострову стало жаль ее.

— Чем я могу помочь вам? — тихо спросила она.

Андрей подумал, что Мэри нужно пойти выспаться, отдохнуть, взять себя в руки, но он твердо сказал:

— Надо заказать на завтра три букета цветов: один для мужчины и два для женщин.

Она вся сжалась, будто сделалась меньше от этих слов. Но Костров чувствовал, что проявление жалости будет для нее новым ударом, и потому лишь пояснил:

— Завтра прилетает на открытие декады делегация: режиссер и две актрисы.

Она ответила послушно:

— О'кэй! — и вышла к Энн.

Всю вторую половину дня чувство тревоги не покидало его. Он напряженно ждал вечера: что и как скажет Пшебыльский? Не давали покоя и мысли о Мэри Фергюссон. Андрей не считал себя виноватым перед ней, но все же он невольно стал причиной ее страданий, и это угнетало.

Ровно в восемь тридцать Костров включил телевизор. Пшебыльский говорил о войне и мире.

— Но чтобы царил мир, его необходимо беречь, а для этого нужно ненавидеть войну. А чтобы ненавидеть, надо знать, что она собой представляет. Я сделал все для того, чтобы вы увидели своими глазами, что такое война и фашизм. Вы посмотрите отрывки из документальных советских фильмов. Я не могу показать эти ленты по телевидению целиком — для этого нужны многие часы и большие деньги. Но каждый честный человек сможет увидеть их целиком.

Пшебыльский зачитал названия фильмов, указал часы и дни и дважды повторил адрес кинотеатра.

Именно на такое выступление пользующегося уважением старого учителя и рассчитывал Костров.

...Около двух часов ночи зазвонил телефон. Андрей проснулся и поднял трубку.

— Это я, Эндрю,— услышал он усталый голос Мэри.— Вы еще не ложились? — с надеждой спросила она.

— Д-да,— неуверенно ответил Костров.— А почему вы не спите? Вам необходимо отдохнуть.

— Все мы отдохнем в свое время,— мрачно пошутила она и добавила: — Эндрю, не сердитесь, что я называю вас так. Осталось уже совсем немного, разрешите мне эту маленькую вольность. Но звоню я, чтобы сказать, что если вы согласны, я брошу здесь все и уеду в Москву. Я не претендую на замужество, мне только бы видеть вас.

— Не надо, Мэри,— сказал он мягко.— Мы же договорились, что расстанемся друзьями.

Андрей услышал, как она вздохнула.

— Поверьте, друг — это много, а вы умеете быть им. И, по-моему, я тоже. Хотя об этом не стоило говорить, особенно по моему телефону.

— Мне на них наплевать,— спокойно ответила Мэри, и он тут же услышал редкие гудки.

Утром Кострову позвонила старая знакомая. Он поднял трубку и сразу узнал ее голос. Это была Варя Старосельская. Дочь русского белоэмигранта, родившаяся и выросшая в Канаде, она тянулась ко всему, что было связано с родиной ее предков. Влечение ко всему русскому и было причиной их знакомства, которое произошло три года назад. Тогда Костров работал в киноцентре Советской секции на Всемирной выставке тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года.

В это время город переживал экономический бум: владельцы ресторанов, отелей, магазинов, парикмахерских, прачечных и такси получали огромные прибыли за счет массы туристов, хлынувшей в Монреаль со всего мира.

Возросли и прибыли автобусных компаний. Это объяснялось не только притоком туристов. Городские власти Монреаля тщательно готовились к выставке. На реке Святого Лаврентия намыли искусственный остров, воздвигли на нем целый город павильонов, ресторанов, баров, бассейнов, увеселительных заведений. Сюда подвели подземку. Но, проектируя метро, допустили какую-то ошибку, в результате которой на станциях, в поездах было так душно, что люди предпочитали толкаться и трястись в автобусах. Прибыли владельцев автобусных компаний резко подскочили, а условия труда рабочих и служащих неимоверно усложнились. Профсоюзы потребовали прибавки зарплаты, а хозяева компании отказались. Началась забастовка. На улицах Монреаля появились толпы «голосующих», или «хич-хайкеров», как их называют, желавших добраться до выставки.

Именно в эту пору Костров ехал на выставку, и неподалеку от поворота на мост Жака Картье молодая женщина помахала ему рукой. Он притормозил.

— Вы в сторону ЭКСПО? — спросила она.

— Да, садитесь.

Они тронулись, медленно продвигаясь вперед в потоке автомобилей.

— Вы русский? — изумилась пассажирка, увидев на сиденье русские газеты и томик Лермонтова.

— Да. Это вас удивляет?

— Нет, скорее радует,— печально сказала она.— Вы русский оттуда, из Союза?

— Естественно. Я работаю в советском павильоне.

— Это как раз то, что мне нужно,— оживилась она. И тут же добавила: — Так неправдоподобно, будто в счастливом романе. Может быть, вы еще имеете отношение и к кино? — И улыбнулась, понимая, что второй удачи быть не может.

— Да.— Костров протянул ей свою визитную карточку.

Она прочитала вслух, сначала с одной стороны по-английски, затем перевернула и внятно, не торопясь, прочитала по-русски: «Андрей Костров. Шеф киноцентра Советской секции на ЭКСПО-67. Монреаль. Канада».

Они оба рассмеялись.

— Такое случается раз в жизни! — воскликнула она.— Коль уж мне так везет, позволю себе обратиться к вам с просьбой. Сегодня в советском павильоне будет демонстрироваться кинокартина. Посмотреть фильм на русском языке для нас редкое счастье. Может быть, вы позволите мне прийти с родителями?

Он ответил, что не имеет права разрешить это посещение.

— Вы так отгораживаетесь от нас, будто мы прокаженные,— с болью сказала она.

— Дело не в нас и не в вас,— объяснил Андрей,— а в законах вашей страны. Фильм куплен местной прокатной компанией. Приглашая вас на просмотр, мы нарушаем коммерческие интересы этой фирмы.

— Нас всего трое. И папа очень хочет увидеть фильм на русском языке.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—9.

В глазах женщины светилась такая тоска, что Костров не устоял. «Как-нибудь улажу»,— решил он и вслух сказал:

— Приходите к половине восьмого. По этой визитной карточке вас пропустят через служебный вход. В павильоне спросите обо мне у администратора кинозала.

Наконец они поднялись на мост. Костров повернул к контрольно-пропускному пункту у въезда на ЭКСПО. Здесь он притормозил, и незнакомка, счастливо улыбаясь, вышла из машины.

— Как же вы доберетесь со стариками?

— Ничего! — радостно ответила она и добавила: — Я не прощаюсь.

Только войдя на территорию выставки, Костров вспомнил, что даже не спросил, как ее зовут.

...После просмотра девушка подошла к Кострову.

— Знакомьтесь: это мой папа, а это мама.

Высокий сухопарый старик наклонил седую голову, выпрямился, расправил плечи, протягивая ему руку, щелкнул каблуками, представился:

— Старосельский,— и смущенно улыбнулся.

Костров с удивлением взглянул на него, услышав эту нашумевшую фамилию. Пронеслось в памяти — тот давно умер. И ответил спокойно:

— Костров.

— Очень приятно, господин Костров. Смею ли я просить вас к себе?

— Отчего же нет?

— Не знаю,— смутился старик.— Ведь вам, наверное, нельзя. Имя моего брата... Да и я старый русский офицер, присягал его императорскому величеству. Впрочем, я никогда не воевал против своего народа. Первая мировая война застала меня во Франции. Я командовал ротой в Русском экспедиционном корпусе... Ну, да об этом после. Так если вы согласны, мы ждем вас в воскресенье.

— К сожалению, это маловероятно. Вы же понимаете, что на выставке воскресенье — самый тяжелый день.

Старик сразу сник, а госпожа Старосельская, полная розовощекая старушка, с надеждой спросила:

— Может быть, вторник?

— Пожалуй, если это вас устроит.

— Конечно, конечно! — обрадовалась она.— Мы будем ждать вас к ланчу.

Старосельский вдруг встрепенулся, в глазах вспыхнули недобрые искры.

— Что?! К ланчу? К дьяволу ланчи! Мы ждем вас к обеду! Ты слышишь, Татьяна? — Он строго взглянул на смешавшуюся старушку.

Старик очень разволновался. Он дважды прощался с Костровым и, уже отойдя несколько шагов, вернулся, обеспокоенно спрашивая на ходу:

— А как вы будете добираться? Вы могли бы взять автобус марки «двенадцать», но они бастуют.

— У меня машина,— успокоил его Костров.

— Ах, да, Варя говорила.

...Семья Старосельских жила в небольшом двухэтажном коттедже недалеко от православной церкви, в районе, где поселилось много русских. Кострову не пришлось разыскивать дом, так как, свернув на нужную улицу, он еще издали увидел старика. Тот, вероятно, давно ждал, и теперь, увидев в подъехавшей машине Кострова, обрадованно закивал и жестом указал на дорожку, которая вела к дому.

— Варенька, Танюша! — крикнул он.— Господин Костров приехал!

— Очень приятно, мы готовы,— услышал Андрей, выйдя из машины. Из открытого окна доносился запах домашних пирогов.

— Ваше имя и отчество? — любезно спросил хозяин, протягивая руку.

Костров назвался и, в свою очередь, поинтересовался:

— А ваше?

— Джон Иванович.

Андрей удивленно взглянул на него. Старик заметил и сокрушенно покачал головой:

— Да, ерунда, конечно, с точки зрения русского человека. А вообще-то Иван Иванович.

Они вошли в небольшую гостиную, где два легких венских диванчика походили на большие кресла, а два массивных турецких кресла напоминали диваны. Здесь же была горка, уставленная старинным фарфором, большой овальный стол, стулья — ничего отличного от того, что и сегодня еще можно увидеть где-нибудь в старой квартире московских или ленинградских особняков. И все же старик Старосельский прочел в глазах гостя искреннее изумление. Да и было чему удивляться.

На стене, напротив диванов, висели четыре портрета. В центре на самом большом был изображен Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков в парадном мундире, при всех орденах и медалях.

Рядом висел портрет маршала Малиновского. Но самым удивительным были два других, помещавшихся ближе к окну. С одного портрета, чуть ухмыляясь сквозь огромные усы, на Кострова глядел легендарный Буденный. А рядом — другой военный, брат хозяина, один из вождей белогвардейского движения, облик которого советские люди поколения Кострова хорошо знали по плакатам Моора и других художников-карикатуристов.

Джон Иванович перехватил удивленный взгляд Кострова, улыбнулся, сокрушенно развел руками.

— Вот так-с, милостивый государь. Парадокс: дворянин, аристократ, глава нашей фамилии, а с другой стороны — Буденный. Вы знаете, раньше в русской армии у солдат-новобранцев были дядьки. Они учили зеленую молодежь солдатским да и житейским премудростям. Так вот, этот маршал, в прошлом простой мужик, является в какой-то мере нашим дядькой... Малиновский тоже имеет отношение к нашей семье, но уже непосредственно ко мне. Мы вместе служили во Франции, в одном полку.

Позже, уже за столом, старик спросил:

— Вы воевали?

— Да.

— Конечно, у красных?

— Как вам сказать... В гражданскую меня еще не было.

— Я старый дурак,— рассмеялся Джон Иванович.

— Я воевал против гитлеровцев, а вот отец мой, извините, с вашим братом. Он был комиссаром полка в Конной Буденного.

— Не извиняйтесь. Вообще вы сделали для России много хорошего. Именно такой, как теперь, мы и хотели ее видеть. Вот только государя свергли, конечно, зря. Нужно было оставить Николая Александровича царем, а господину Ульянову, вошедшему в историю под именем Ленина, возглавить правительство. Как в культурных странах, в Англии, например...

Костров улыбался и не возражал. Было весело слушать наивные рассуждения сердитого и смешного старика, потерявшего родину, но так и не понявшего до конца ни обновленной Родины, ни времени, в которое он жил.

И вот сейчас, услышав в трубке голос Вари Старосельской, Костров обрадовался. Он знал, что Джон Иванович пользуется большим авторитетом у эмигрантов старой формации. Власовцев же он ненавидел и неоднократно, не пугаясь угроз, требовал их выдачи Советскому правительству и высылки из Канады.

— Папа нездоров,— сказала Варя.— Однако он получил ваше письмо и велел передать вам, что русское землячество просит выделить по пятьсот билетов на каждый фильм.

Костров пожелал скорейшего выздоровления Джону Ивановичу.

— А за билетами приезжайте завтра в офис «Розз энд Розз». Это на Сан-Кэтрин,— закончил он.

«ИЛ-62» приземлился в аэропорту Дорваль в три часа дня. По просьбе Кострова сотрудники советской авиакомпании снабдили его, советника Петрова, Майкла Розза и журналистов пропусками на летное поле, чтобы они смогли встретить советских кинопработников прямо у трапа, поданного к борту самолета.

Букеты цветов, вспышки блицев, первые интервью, схваченные на лету, создавали у кинематографистов хорошее настроение, и все радостно улыбались друг другу. Пока проходили таможенные и пограничные формальности, режиссер сказал Кострову со смехом:

— Я вам привез буханку ржаного и письмо.

— Спасибо.

...Костров решил показать фильм Майклу Роззу сразу же, пока прилетевшие будут отдыхать.

— Это тоже для декады? — спросил Майкл.

— Нет, но если он тебя заинтересует, то можешь купить.

Устроив своих в отеле, Костров предупредил:

— Я заеду за вами в пять часов. Посмотрим город, поднимемся на гору, оттуда хорошо виден весь Монреаль. А вечером прокатная фирма приглашает вас на ужин.

Фильм Костров и Розз смотрели в зале кинотеатра под небоскребом. Андрей видел, что картина понравилась Майклу. Однако, когда зажегся свет, он, не поднимаясь с кресла, сказал:

— Понимаешь, Эндрю, все бы ничего, но лента длинновата. Из двух серий нужно сделать одну. Вместо двух с половиной часов он должен идти час сорок пять минут. Иначе я не заработаю, а прогорю на этом деле.

Костров в глубине души был согласен. Да, фильм действительно несколько затянут, и дома, в Москве, он сам постарался бы убедить режиссера сократить метраж. Кстати, о том, что для демонстрации за рубежом фильмы зачастую требуют перемонтажа, говорилось в агентстве уже давно и много, однако дело подвигалось туго, и потому многие из них так и не удавалось продать.

Но сейчас Андрей Николаевич думал о другом. По опыту он знал: если картина продается в капиталистическую страну, прокатчик будет настаивать на таких сокращениях, которые выхолостят или исказят ее идею. Они постараются свести дело к истории «вообще», или к любви «вообще», либо к современнику «вообще» и вырезать все, что несет социальную нагрузку, что отличает кинопроизведение, делает его советским.

Майкл Розз не составлял исключения в этом подходе к фильмам, и Костров с интересом ждал, что он предложит, но тот ушел от немедленного разговора.

— Ты подумай. Может быть, посоветуешься с Эйбом?.. Хотя ему-то лента наверняка не понравится.

Костров сказал это нарочно и понял, что сделал верный ход.

— Мой братец понимает в этом столько же, сколько я в китайской грамоте. Сам разберусь.

Договорились встретиться завтра утром втроем: Костров, Розз-старший и режиссер.

Нервное и физическое напряжение дня сказалось. Андрей устал и, прежде чем отправиться в отель за делегацией, заехал домой отдохнуть и переодеться.

Зазвонил телефон. Костров поднял трубку.

— Слушаю вас.

Ему не ответили, но он будто почувствовал затаенное дыхание.

— Я слушаю вас.

— Простите, это я не сдержалась, — услышал он голос Мэри, и в трубке послышались редкие гудки.

Что-то больно кольнуло Андрея под левую лопатку. Сердце сжалось, и вдруг там, где оно стучит и мы его не чувствуем, появилось ощущение незаполненности, пустоты.

Он опустился в кресло и просидел так, ни о чем не думая, минут пять. Потом заметил, что держит ключ в руках, и заставил себя подняться. День не окончен. Предстояло еще много дел: показать город гостям, везти их на ужин с Майклом Роззом, готовиться к завтрашним переговорам о продаже фильма; во время ужина не забыть сказать несколько слов знакомому журналисту и попросить его с согласия хозяина ресторана сделать фотографию для утреннего выпуска газеты с сообщением об ужине в честь делегации деятелей советского кино, прибывших на открытие декады советских фильмов, которое состоится завтра.

Костров медленно вел машину в третьем ряду потока. Так спокойнее: можно не следить напряженно за автомобилями, выезжавшими из первого ряда.

Он с раздражением думал о том, что испугался странного чувства тревожной пустоты в области сердца. Это случилось с ним уже третий раз. И третий раз он пугался, но не мог точно определить чего. Потери жизни? Он вспомнил: «Жизнь — способ существования белковых тел». И все. Смерть мозга, прекращение сознания само по себе, вероятно, не испугало бы его. Так отчего же все-таки закрадывается в душу холодок страха? Вероятно, это и будущее Анютки, и судьба Сашеньки, и страшный удар для родителей... Родителей! В сердце опять кольнуло. Костров чуть притормозил и тут же вновь нажал на акселератор: сзади, будто взбесившись, взвыли сирены машин.

Три часа ушло на осмотр города. Они попали в вечерние часы пик и медленно двигались в веренице машин. Сейчас Костров ехал в правом ряду, чтобы гости могли больше увидеть. Они обогнули гору, не выезжая на скоростные трассы. Двенадцать миль ползли больше часа. Потом поднимались по узким улочкам к маленьким ночным барам и казино, спускались к берегам реки, проехали по Сан-Кэтрин, на которой уже вспыхнули огни вечерней рекламы и засветились витрины магазинов. Затем поднялись на гору. Здесь было легче дышать: воздух прохладнее и чище.

...Розз-старший вошел в вестибюль отеля и позвонил снизу в номер к режиссеру. Трубку поднял Костров.

— Эндрю, я внизу. Но я не один, со мной новая переводчица. Она студентка Гарварда, изучает русский язык. Я думаю, она нам не помешает? — как бы извиняясь, смущенно спросил Майкл.

— Нет, — рассмеялся в ответ Костров.

Гости были немало утомлены впечатлениями первого дня. Да к тому же на Родине уже было утро, а они еще не ложились спать. Однако кинематографисты крепились. Режиссер дал краткое интервью, а объектив фотоаппарата поймал ослепительные улыбки кинозвезд.

Студентка из Гарвардского университета оказалась жгучей брюнеткой. Двадцатилетняя красавица была итальянкой по происхождению, но прекрасно говорила по-русски. Ее южный темперамент, энергия молодости захватили Майкла. Он много пил и весь вечер танцевал.

Вдруг Андрей увидел, что Майкл, не закончив танец, с побелевшим лицом, опираясь на плечо девушки, подходит к столу. Андрей вскочил. Вместе с режиссером они усадили Майкла на стул. Он расстегнул ворот, отпустил галстук и долго сидел, молча глядя на чашку с розовой водой. Потом поднял голову и смущенно, будто оправдываясь, сказал:

— Сердце...

Переводчица растерянно глядела на Майкла и гостей.

Ужин был окончен. Розз-старший расписался на листочке счета, поданном на серебряной тарелочке. Все поднялись из-за стола. Студентка и Андрей хотели помочь Майклу, но он уже оправился, только еле заметная виноватая улыбка играла на его лице.

— Может быть, отложим переговоры? — спросил Андрей.

— Нет. Все сделаем, как намечали, — ответил Майкл.

День начался с телефонного звонка Пшебыльского.

— Извините, что я в столь ранний час, боялся не застать вас дома. Уже поступило около трех тысяч заявок. Нам нужно знать, на чей счет и в какой банк перечислить деньги...

Потом Костров набрал номер телефона Мэри Фергюссон.

— Хэлло, — донесся из трубки усталый голос.

— Мэри, извините. Надеюсь, я не разбудил вас?

— Разбудили, но это очень хорошо, — ответила она, повеселев.

— У меня к вам просьба.

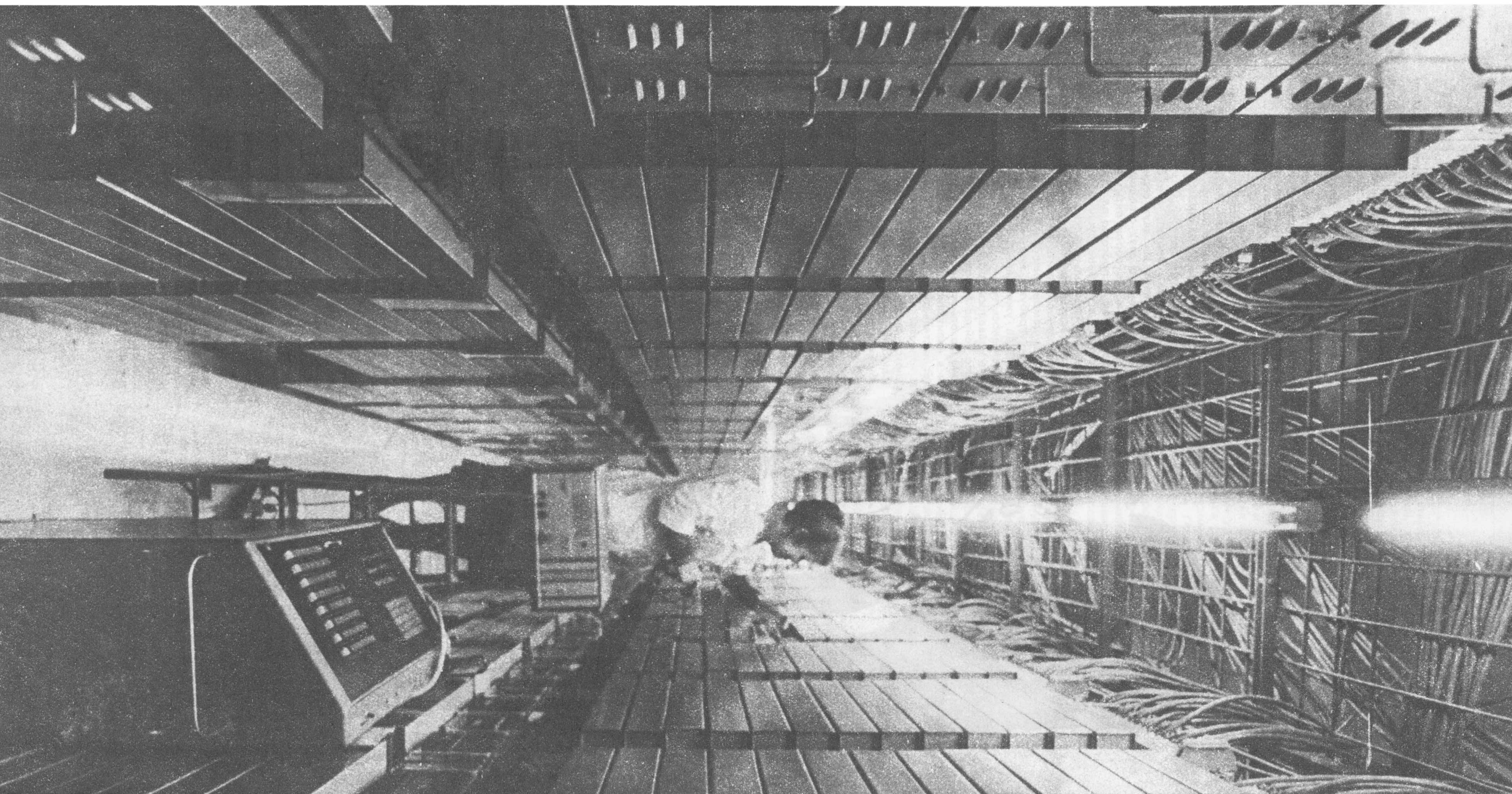
— Вы можете приказывать.

— Нет, я прошу. В десять у меня и режиссера переговоры с братьями Розз о продаже нового фильма. Они могут затянуться. Не смогли бы вы уделить часа два прибывшим на открытие декады киноартисткам?

— Раз вы об этом просите, я все сделаю, — ответила Мэри поскучневшим голосом.

Окончание следует.

АЛЛО, БАРЫШНЯ!

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за 1981 год коллектив Московской городской телефонной сети награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР.

Столичному телефону исполняется сто лет. Этот репортаж — размышления о юбиляре

К. БАРЫКИН.
Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Прежде было принято говорить по душам. Теперь чаще говорят по телефону. Есть даже такой термин «телефономания». Ходят разговоры о диктате телефона. Дескать, он вытесняет доброе правило: встречаться, беседовать, переписываться...

Только в Москве ежегодно проводится несколько миллиардов телефонных соединений: по 24 миллиона каждые сутки. По миллиону за час? Нет, такая арифметика тут не проходит. У телефона свой час пик. Спрашиваю о нем и узнаю, что извержение телефонного вулкана хотя и предсказуемо, но не постоянно, час такой не узаконен, он изменчив. Раньше, когда служебных телефонов в городе было больше, чем квартирных аппаратов, основной поток телефонных переговоров приходился на дневные часы. Сейчас, когда из ста телефонов семьдесят два стоят в квартирах, соотношение изменилось; пик переместился на вечерние, послерабочие часы. Пришел москвич домой, а телефон словно только этого и ждал. Рука сама тянется к аппарату: «Алло, алло...» Дневные часы наибольшей нагрузки начинаются примерно в десять тридцать утра (и продолжаются час), затем следует более спокойный период, а в 16.30 начинается очередной взрыв. Самое продолжительное время занимают линию работники снабженческих организаций.

Так же, как час пик, изменяется понятие «средний разговор». Одно время он занимал около двух с половиной минут, сейчас перешагнул четырехминутные границы. Впрочем, не всем удается уложиться в четыре минуты. Зафиксирован печальный рекорд: 117 минут беспрерывного разговора.

— Алло, алло...

И не ведают собеседники, что не только лишают возможности дозвониться одному из них, не только занимают телефонную линию, но и вредят своему здоровью: с неопровержимостью доказано, что продолжительные телефонные общения заметно ухудшают слух. Но в то же время — это наблюдение шведских психологов — женщины, которые часто говорят по телефону (часто — не значит долго!), более спокойны. Если женщина может сразу поделиться своими проблемами с подругой, она быстро успокаивается. Такая вот телефонная диалектика — добро и зло.

Пусть вас, однако, не убаюкивает полушутливая форма изложения телефонных напастей: мы же рассказываем о юбиляре. К тому же есть еще один факт, тоже установленный: телефонные разговоры, увы, несколько сокращают жизнь современного человека. Не только потому, что по телефону приходят неприятные известия и вызывают стрессовое состояние. Нервы человека напряжены не только во время разговора, но и в ожидании звонка: он ведь может ворваться в квартиру в любой миг.

Да, телефон вошел в нашу жизнь и сделал ее еще более быстрой, а то и торопливой. Нам некогда. Мы страшно торопимся. Мы набираем 09 и бранимся на чем свет стоит, если нам не отвечают минуту-вторую. Но в это время очаровательные сотрудницы московской телефонной справочной отвечают кому-то, ищут справки, иногда очень неожиданные.

Я смотрю, как аккуратно и споро работают девушки, и вспоминаю конкурс, который состоялся здесь недавно. Это было соревнование эрудитов — работников справочной службы московской телефонной сети. Первоклассные телефонистки Люда Беглецова (она и вышла победительницей), Юлдус Исхакова, Зоя Демина проявили немало знаний и находчивости, чтобы выполнить условия конкурса. Они и их подруги знают о нашем городе все. И готовы своими знаниями поделиться с каждым, кто наберет 09. Только вот ведь какое дело: на каждую справку отводится в среднем 45 секунд; думаю, это очень мало. Тем более, что спрашиваем мы подчас неаккуратно, вопрос свой формулируем кое-как.

— Мне нужен квартирный телефон!

— Личный или коллективный? — уточняет телефонистка.

— Дайте тот, к которому быстрее подойдут...

И еще:

— Алло, барышня! Мне бы мастерскую по ремонту стиральных автомашин.

— Но почему авто?

— Как почему? Машина-то у меня автоматическая.

Абонент просит адрес телевизионного ателье.

— У вас телевизор цветной или черно-белый? — интересуется 09.

— Серый.

Работники этой службы за день отвечают примерно на двести тысяч запросов.

...Только в прошлом году Москва получила около 94 тысяч телефонов, семьдесят девять тысяч из них поставили в квартирах. На нынешний год намечено установить более ста тысяч квартирных телефонов.

Мы беседуем с начальником Московской городской телефонной сети В. Ф. Васильевым, и, прежде чем продолжить разговор о современном телефоне, я прошу Виктора Фадеевича заглянуть в историю.

— Московский телефон начался сто лет назад. С чего?

— С двадцати шести аппаратов, которые в 1882 году были подключены к первой телефонной станции. Помещение ее располагалось на пятом этаже дома № 6 по Кузнецкому мосту. Когда прокладывали телефонную линию, домовладельцы всячески препятствовали этому: как так, какой-то «говорящий провод» да еще через крышу моего дома? Впрочем, к телефону довольно скоро привыкли. К 1917 году емкость московской телефонной сети едва превышала шестьдесят тысяч номеров. Сейчас же в Москве действует более двух миллионов семисот тысяч телефонов.

Особенно интенсивно телефон развивается с середины 70-х годов. Помните, в 1968 году за одну ночь все телефоны гигантского города были переключены на семизначную нумерацию, ибо комбинации из шести цифр уже не могли обслуживать всех абонентов.

— И все же телефонов недостает. В редакционной почте попадаются письма-просьбы: помогите установить телефон.

— Не могу с этим не согласиться. Телефонов надо больше. Равномерному развитию сети мешает отставание в строительстве зданий для АТС и то, что мы называем «некаблированный дом».

В десятой пятилетке вместо сорока шести построено двадцать девять зданий АТС. Сейчас в городе сотни домов не имеют телефонных вводов. Это значит, что поставить там аппараты практически почти невозможно. Ведь тянуть воздушную линию не только сложно, но и очень дорого. А в своей работе мы не можем обходиться без соблюдения законов экономики, без подсчета затрат. В прошлом году мы должны были получить от строителей семь зданий для телефонных станций, но передали нам всего три.

— Позвольте предложить вариант «критики» строителей? Не ставить телефоны руководителям тех строительных организаций, которые срывают сроки возведения зданий АТС.

— Вообще-то говоря, мы не мстительны. Но, видимо, как вариант, как рабочая гипотеза это предложение заслуживает рассмотрения. Если же говорить серьезно, то мы надеемся, что к такой мере прибегать не придется: в последнее время намечается некоторое улучшение работы строителей. Правда, пока оно малозаметно, но все же мы надеемся, что положение рано или поздно выправится. Сейчас же мы просто вынуждены

Старший инженер АТС-281 Татьяна Никитична Крючкова проверяет аппаратуру.

отвечать отказом на просьбы жителей многих районов: как же поставить в их квартиры телефоны, когда нет АТС. Стремимся лишь как-то удовлетворить надобность в телефоне медицинских учреждений и школ, различных неотложных служб. Но это не выход из положения.

— Несколько слов о ближайших перспективах развития московской телефонной сети.

— Задача: ежегодно вводить более ста тысяч номеров, а всего за пятилетку мощность московской городской телефонной сети увеличить примерно на 650 тысяч номеров. Преимущество при их распределении будет отдаваться телефонам квартирным. Придет в наше хозяйство и новая техника. Испытаны и показали неплохие результаты линии из стекловолокна. Они улучшают качество телефонных разговоров и помогают экономить дорогой медный кабель. Наши конструкторы создали квазиэлектронные и электронные станции — это новый, качественно более высокий уровень по сравнению с работающими сейчас координатными станциями, а тем более с шаговыми, которые пока тоже можно увидеть на некоторых телефонных узлах. Изменятся и телефонные аппараты.

Наряду с обычным диском они оснащаются кнопочным набором. Появился интерес к аппаратам под старину, а рижане, в частности, тут же разработали и начали производство телефонных аппаратов «Ретро» и «Стелла». Словом, техника не стоит на месте. И можно сказать, что свой первый век московский телефон, а также его ровесники в Ленинграде, Риге, Одессе прожили не зря. Он доставил людям массу удобств, он выручал и выручает в различных ситуациях, он помогает не только в обычных, но и в экстремальных обстоятельствах. Учитывая это, мы стремимся всячески развивать технические возможности служб 01, 03 и других, в которые люди обращаются по тому или иному срочному, не терпящему отлагательства делу.

— В московской телефонной сети — более двадцати тысяч работников. К сожалению, обо всех не расскажешь. Но, надеюсь, в этом предъюбилейном разговоре нам удастся упомянуть несколько фамилий.

— И я на это надеюсь. И сделаю это охотно. Ведь у нас работают прекрасные люди, очень знающие, очень скромные, любящие свое дело. Вот, например, Сергей Петрович Кудрявцев, электромонтер-регулировщик Ленинского телефонного узла. Он был делегатом XXVI съезда партии. Лауреат премии Ленинского комсомола, награжденный орденом Ленина, стал лауреатом выставки научно-технического творчества молодежи. По методу Кудрявцева сейчас работают более двухсот электромонтеров. Место рядом с этим новатором по праву занимают электромонтер Кутузовского телефонного узла Геннадий Евгеньевич Воронов, электромонтер Сергей Иванович Козырев, десятки, да что там десятки — сотни других специалистов. Я мог бы назвать еще многих, но и впрямь всех не перечислишь, хотя доброго слова достойны многие. Ведь только за десятую пятилетку — за успехи в работе — ордена и медали вручены 342 нашим работникам, пятеро получили звание «Заслуженный связист РСФСР», 1318 работников теперь носят почетный знак «Ветеран труда», а еще 1186 удостоены знака «Ветеран труда МГТС». Прошу обязательно привести эти цифры. Ведь за ними прослеживается важная тенденция. Во второе свое столетие московские телефонисты вступают уверенно: рядом с большим отрядом молодых специалистов продолжают трудиться опытные ветераны. И мы надеемся, что они вместе с молодежью смогут решить задачи, которые стоят перед столичной телефонной службой.

Телефонные аппараты всех времен и на все вкусы. Они собраны в музее московской телефонной сети.

СПОРТ—НАШ

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» предъявляет новые, более высокие, чем прежде, требования ко всей организации физического воспитания граждан нашего общества, а это, естественно, приковывает внимание к проблемам, от решения которых в той или иной мере зависит успех всего дела. Публикуемая ниже статья касается некоторых из этих проблем.

Наш республиканский водноспортивный комбинат связан с 49-й минской школой. В бассейне проходят уроки физкультуры начальных классов. Из тех, кто обращает на себя внимание тренеров, отбираем пополнение в секции плавания, водного поло, прыжков в воду, то есть даем мальчишкам и девчонкам благодатную возможность приобщиться к спорту.

Но вот тревожное наблюдение: на предложения тренеров заниматься в секциях откликаются, увы, немногие, хотя перспективы такие, что и не снились школьникам шестидесятых годов. Стало быть, пропадает интерес к физкультуре и спорту? Да, у современных школьников — очень заметно. По официальным данным, на старты многочисленных соревнований выходят десятки тысяч, нормы ГТО сдают миллионы, а вот на регулярные занятия спортом решаются далеко не все: не хотят трудиться.

В нашей печати часто раздаются возмущенные голоса родителей, сетующих на то, что их детей не принимают в секции. И вот теперь мы сталкиваемся с другой проблемой: тех, кого мы приглашаем, в секции не идут. Отчего же так? Попытаюсь порассуждать, опираясь на свой опыт.

В 1961 году я приехал в Жодино. Из маленького поселка вокруг нового автомобильного завода рождался город. Условий для развития спорта, по современным понятиям, не было. Довольствовались самым скромным, открытым бассейном, который «теплился» возле электростанции. Действовал он только с мая по октябрь.

Я взялся готовить команду ватерполистов. Охотников нашлось более чем достаточно. Каждая тренировка была событием. Раз в неделю ездили играть в Минск. Поездки превращались в настоящий праздник. Мальчишки жили спортом. А я стремился поддерживать их увлеченность. И старался делать самое, на мой взгляд, главное — с помощью спорта воспитывать в ребятах лучшие человеческие качества.

Наша жодинская команда трижды подряд выигрывала первенство Белоруссии, костяк сборной республики составляли наши ребята. У нас вырос заслуженный мастер спорта ватерполист Анатолий Клебанов. Можно считать, безводный город Жодино задавал тон в ва-

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Редакцию «Огонька» посетили коллеги из Болгарии, сотрудники журнала «Факел»,— заместитель главного редактора Георгий Борисов и ответственный секретарь Христо Минчев. «Факел» печатает произведения советских писателей. В дружеской беседе гости поделились планами своей редакции.

ПОМОЩНИК

терполо... Недавно я узнал, что школу водного поло в Жодино закрыли, посчитали, как выяснилось, что там нет подходящих условий.

Условия — понятие стандартное и вместе с тем гибкое, меняющееся вместе с переменами в жизни. Мы далеко ушли от первых послевоенных пятилеток в строительстве спортивных сооружений, баз, в подготовке физкультурных кадров, в научной оснащенности спорта. Но есть в условиях сегодняшних и серьезные издержки, основательно мешающие поднять физкультуру и спорт на такой уровень, какого требуют партия и государство, на который нацеливает нас постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта».

Бесспорно, что нынешние школьники, студенты получили возможность полнее развивать свои интересы, щедрее удовлетворять потребности, больше получать от жизни, чем те, кто рос, скажем, двадцать лет назад. Бесспорно также, что поэтому они требовательнее, разборчивее, капризнее. И воспитывать их (будь это воспитание духовное или физическое) во сто крат сложнее, чем школьников первых послевоенных лет. Можем ли мы утверждать, что нынче педагоги во всеоружии знаний, умения? Я лично не берусь.

Взять наши отношения с 49-й средней школой. У первых — четвертых классов уроки физкультуры в бассейне. Приводят ребят педагоги. И вот молодой наш тренер Татьяна Войтехович с недоумением говорит мне:

— Хоть бы раз школьный учитель спросил, какое у меня впечатление о его учениках, что, по моему мнению, значит для них физкультура, есть ли у меня претензии к школе. А посещаемость занятий плохая, в каждой группе есть ученики, думающие больше не о том, как научиться плавать, подружиться со спортом, а о том, как добыть освобождение от занятий.

В школе по-прежнему выводят оценки по физкультуре, не всегда совпадающие с оценками наших тренеров. У Сергея Маца из 3-го «Г» во второй четверти стояла тройка, а в школьном журнале оказалась пятерка. Таня Тимошенко из 3-го «Б» в первой четверти на занятия не ходила, а в школьном журнале у нее по физкультуре шесть пятерок и пятерка за четверть.

Зачем так?! Ведь учащиеся знают об этом, смеются над подобными манипуляциями.

А ведь с помощью спорта можно воспитывать трудолюбие, целеустремленность, волю. Почему же в наших школах (ведь 49-я минская школа не исключение) плохо используются воспитательные возможности спорта? Не пора ли покончить с казенщиной и очковтирательством?

В. БОНДАРЕВИЧ,
мастер спорта,
заслуженный тренер БССР

Москва. Массовые соревнования на «Лыжне России». Фото А. Бочинина

По всей стране прошел Всесоюзный день лыжника. На призыв газеты «Советский спорт» на старт в воскресенье вышли десятки миллионов любителей лыжного спорта. Только в Москве в соревнованиях приняли участие около миллиона человек.

РАЗ-ДВА, ТРИ-ЧЕТЫРЕ...

На стендах Москвы висят объявления «Приходите в группы здоровья!». Останавливаются пожилые люди, нерешительно достают карандаш из кармана и записывают адрес: Ленинградский проспект, 36, стадион «Динамо». А попав на занятия, настороженно и недоверчиво поглядывают на бойко прыгающих ветеранов: футболки, кеды... как в школе!

— Раз-два, три-четыре! Пятка-носок, пятка-носок.

Дружный топот!

И пускай кто-то еле отрывает ноги от пола, но зато головы у всех подняты кверху. Какой-то старичок, поймав на себе взгляд тренера, припустился намного быстрее, высоко поднимая худые коленки.

— Взялись за руки,— говорит тренер,— играем.

Хохотнул старичок, ловко подхватил под руки двух старушек.

— И... начали!

И тогда у человека, зашедшего сюда почти случайно, возникает мысль: а может, и мне так?..

Но как преодолеть барьер возраста?

Ведь они пожилые люди, у которых давно есть внуки, у которых, может, десятки людей в подчинении, и вдруг — футболки, трусики, тапочки...

Л. Р. Жирардье (в центре) со своими учениками.

Что же заставляет их потом приходить в этот зал два раза в неделю? Кто они, любители физкультуры? Скорее, любители здоровья. Пусть не спортивны фигуры, но зато у них всегда хорошее настроение, прекрасное самочувствие, бодрый вид.

Пыхтят, скрипят, охают физкультурники, но все-таки стараются прогнуться до пола. И раз-два, три-четыре...

— Пятьдесят раз в день! Двадцать пять — утром, двадцать пять — вечером, вместо капель! — советует тренер Любовь Рафаэловна Жирардье.

— Вы знаете, у Жирардье нет одинаковых занятий, всегда что-то новое,— говорит бывший экскурсовод Е. Л. Константиновская. В пятьдесят лет она не могла подняться на второй этаж, а сейчас, в семьдесят два, с удовольствием катается на коньках, отлично делает шпагат. Все это благодаря занятиям в группе. Результаты удивительные.

72 года — еще не предел для желающих заниматься физкультурой. Есть тут люди куда старше — 78 лет, 81 год... Для таких Жирардье тщательно продумывает упражнения. У кого-то болит спина, у кого-то не сгибаются ноги. И сидит Любовь Рафаэловна вечерами над книгами, придумывая, выискивая новые упражнения, сочетая лечебную гимнастику со спортивной. Проводит она систематические беседы о питании пожилых людей. Одна из женщин при помощи правильного питания и занятий в группе похудела за год на 12 килограммов.

Л. Р. Жирардье — это не просто тренер, это тренер-педагог. Ведь и здесь к каждому нужен индивидуальный подход. Если кто-то долго не посещает занятия, она звонит, узнает, в чем дело, если что-то случилось, старается помочь человеку. Многие люди в пожилом возрасте, к сожалению, одиноки. Сидят, замкнувшись в своих квартирах. Но теперь у них есть к кому сходить в гости. Жирардье объединила их дружбой...

— А теперь кувырочек на спину. Хотите красивую осанку? — На лицах улыбки: конечно, хотят.

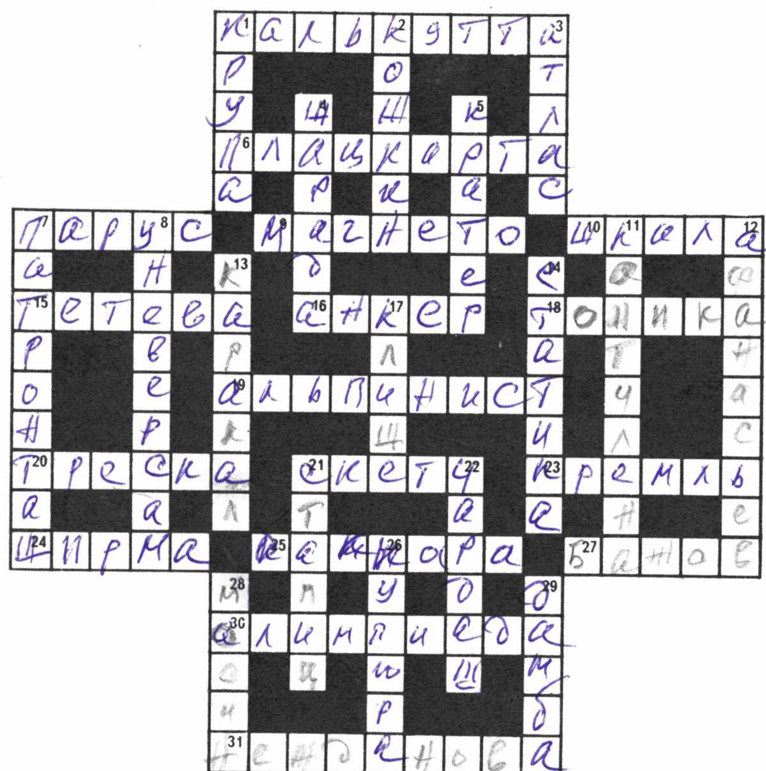
— Ну тогда раз-два, три-четыре...

Урок продолжается.

Марина **НИКУЛИНА**

Фото А. Козьмина

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Город в Индии. 6. Документ на право проезда на определенном месте вагона. 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 9. Генератор переменного тока двигателя внутреннего сгорания. 10. Линейка или циферблат с делениями в измерительных приборах. 15. Бечева, стягивающая концы лука. 16. Деталь механизма часов. 18. Главный устойчивый звук лада. 19. Спортсмен, занимающийся восхождением на горные вершины. 20. Морская промысловая рыба. 21. Короткая эстрадная пьеса. 23. Центральная укрепленная часть древнерусских городов. 24. Складная переносная перегородка. 25. Сорт хрусталя. 27. Советский писатель. 30. Всемирные спортивные соревнования. 31. Певица, народная артистка СССР.

По вертикали. 1. Продукт из цельного или дробленого зерна. 2. Действующее лицо пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая». 3. Сборник географических карт. 4. Загадка. 5. Углубление на вершине вулкана. 7. Принадлежность охотника. 8. Крупный магазин самообслуживания. 11. Напевная, плавная мелодия. 12. Литературовед, фольклорист, составитель сборника «Народные русские сказки». 13. Степная рысь. 14. Раздел механики. 17. Иллюстрационная печатная форма. 21. Чешский композитор, скрипач, дирижер XVIII века. 22. Венгерский народный танец. 26. Наименование нарицательной стоимости бумажных денег. 28. Русский конструктор стрелкового оружия. 29. Гидротехническое сооружение, земляная плотина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 1. Беляков. 4. Капелла. 7. Колба. 8. Прус. 10. Ампер. 11. Хурма. 12. Ореол. 13. Тристан. 14. Афалина. 15. Днепропетровск. 19. Концертмейстер. 24. Бородин. 26. Ростова. 28. Ливан. 29. Алдан. 30. Саксе. 31. Скат. 32. Тонна. 33. Темпера. 34. Триолет.

По вертикали: 1. Блокнот. 2. Казахстан. 3. Ветеран. 4. Конфета. 5. Параллакс. 6. Антраша. 8. Пальто. 9. Солдат. 15. Диск. 16. Плац. 17. Овес. 18. Кипр. 20. Отделение. 21. Рубенс. 22. Евфрат. 23. Ессентуки. 24. Браслет. 25. «Невеста». 26. Родонит. 27. Арбалет.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Елена Ермакова — лаборант-контролер завода алмазных инструментов в Томилине. (См. в номере материал «Любимое дело».)

Фото И. Гаврилова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: К 60-летию образования СССР на ВДНХ в Москве проходит смотр художественных самодеятельных коллективов народов Севера. На снимках: выступление ансамбля песни и танца Ненецкого национального округа Архангельской области.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.02.82. Подписано к печати 02.03.82. А 00331. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 598. Заказ № 1956.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Юмор

Наталия ГРАЧЕВА

ИСПОВЕДЬ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Для того чтобы быть современной женщиной, мало жить в конце двадцатого века и пользоваться услугами магазина самообслуживания. Необходим еще целый комплекс умений, навыков и привычек, который я усвоила так же успешно, как способы завивки.

Утром я просыпаюсь ровно в восемь. Не потому, что звонит будильник, а потому, что я запрограммировала свой организм с вечера, сосредоточившись и приказав ему проснуться ровно в восемь (подробные инструкции смотри в номере 9 журнала «Бабетта»). В 8.05 я ложусь на пол и выполняю гимнастику йогов для рук, ног, глаз и ушей (смотри номера 5—9 журнала «Хелс» *). Потом я накладываю на лицо питательную маску, мажу руки питательным кремом и принимаю внутрь питательный геркулес (смотри журнал «Поридж»**).

Покончив с питанием, принимаюсь за оформление. Крем «Леда», тушь «Луи Филипп» и пудра «Ланкоме» оправдывают свою рекламу и мою усовершенствованную технику макияжа (смотри пособие «Текущий ремонт фасада»). Туфли под цвет блейзера придают мне солидный и независимый вид. Очки под цвет туфель, сидящие где-то на кончике носа, кажутся надетыми исключительно из кокетства и готовы в любой момент вспорхнуть, как бабочка, и умчаться в неизвестном направлении.

Я делаю глубокий вдох и ныряю в шумную дневную суету.

Я выхожу из подъезда и сдержанно улыбаюсь соседке, хлопнувшей дверью у меня перед носом. Я еду в переполненном автобусе и сдержанно улыбаюсь мужчине, стоящему на моей светло-бежевой туфельке. В обеденный перерыв я бегу к портнихе и только небрежно пожимаю плечами, глядя на испорченное платье,— стоит ли переживать из-за ерунды! Через полчаса я весело смеюсь в телефонную трубку, узнав, что тот, для кого я шила это самое платье, на днях укатывает в свадебное путешествие. Стоит ли расстраиваться по пустякам!

После работы я не спеша иду в булочную и, мягко улыбаясь, выслушиваю все, что может сказать кассирша в восемь часов вечера, если от нее ждут сдачи в размере пяти копеек.

Вхожу в свой подъезд, в кромешной темноте добираюсь до железного щита, нажимаю на хорошо известную мне кнопочку — и во всем доме загорается свет. Из-за двери выглядывает сосед (кандидат технических наук), долго, с уважением смотрит на меня и спешит к забормотавшему телевизору. Спокойная и уверенная, вхожу к себе в комнату и тоже включаю телевизор. И ложусь на диван (голову пониже, ноги — на две подушки, руки сложены на груди). Никакие неприятности не страшны современной женщине!

— Ливневые дожди с градом,— слышу я прорезавшийся голос диктора,— температура...

И вдруг я с ужасом чувствую, что смертельная обида подступает к моему горлу.

— Боже мой, дождь!— шепчу я.— Какое несчастье!

И я реву из-за этого дождя битых полчаса, а потом вспоминаю, что у меня есть водостойкая тушь для ресниц и новый японский зонтик. И я успокаиваюсь, и выключаю телевизор, и приказываю себе проснуться завтра ровно в восемь.

* Здоровье (англ.).
** Овсянка (англ.).

БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ

Не пытайтесь понять женщину с полуслова. Ни одна женщина на полуслове не останавливается.

Чтобы продемонстрировать свою привязанность к жене, не обязательно быть у нее на поводу.

Юрий БОРЗЕНКОВ

Женская логика объясняется девичьей памятью.

Евгений СВИСТУНОВ

Пока я мыслю, жена решает, как мне существовать.

А. АНИСЕНКО, Кузнецк

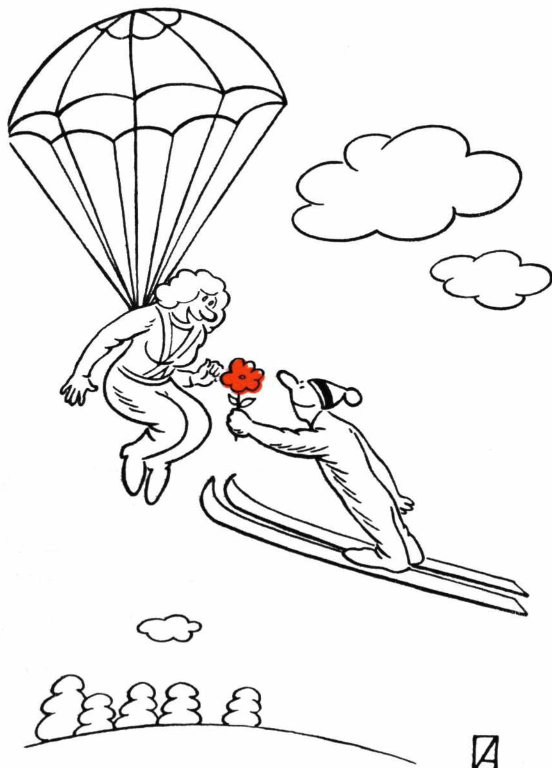
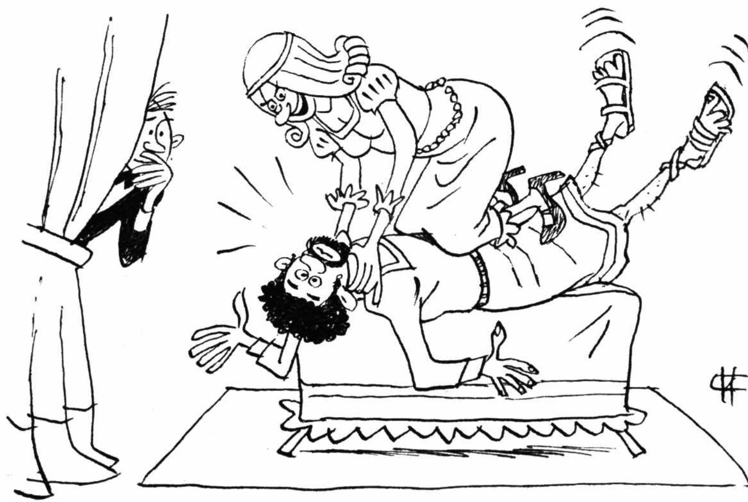

Рис. А. Орехова

— Сегодня женский день, дорогой Отелло!
Рис. И. Сычева

Рис. Т. Юнака (Киев)

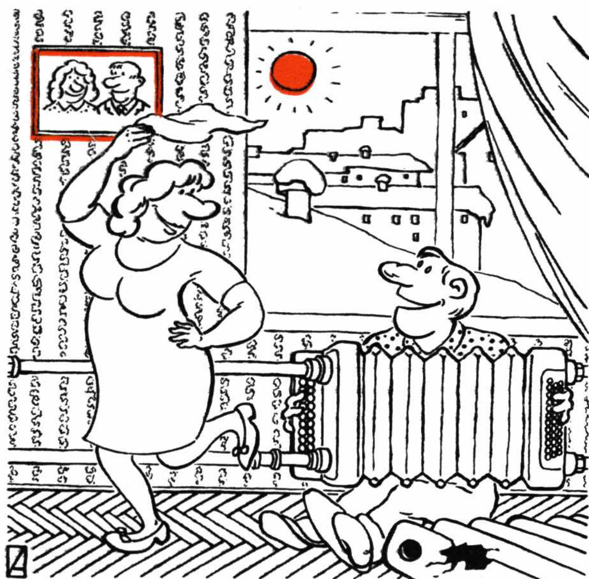

Рис. А. Орехова.

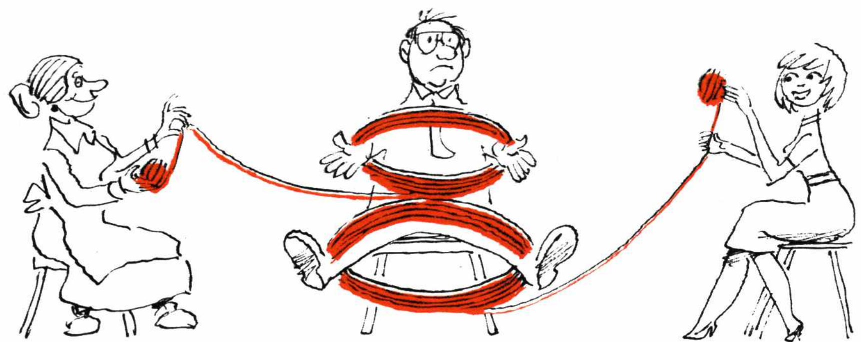

Рис. Ю. Черепанова

Не выдержал
Рис. Ю. Черепанова

Рис. В. Тамаева

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 7066

